

Год 1952-ой

В этом году об альпинистах и альпинизме писала только газета Уралмашзавода – «ЗТМ».

В первой заметке от 19.08.1952 г. сообщалось о выехавших на Кавказ альпинистах завода, среди которых были трое значкистов: слесарь механического цеха крупных узлов А. Разуев, фрезеровщица цеха буровых машин З. Банных, сотрудница отдела металлургов Т. Тюленева и начинающий альпинист – мастер прессового цеха А. Горнов.

«Окончив учебную смену, наши альпинисты, преодолев Клухорский перевал, выйдут на побережье Черного моря и проведут там остальные дни отпуска», – писала газета. Во второй заметке от 06.05.1952 года сообщалось о возвращении альпинистов УЗТМ, выехавших на Кавказ двадцатью днями раньше: «Мастер цеха сборки экскаваторов И. Зыков, технолог цеха крупных узлов В. Климин и технолог Л. Кокорина... совершили зачетное восхождение на вершину Софруджу и получили значки «Альпинист СССР» 1 ступени».

Два коротких сообщения. Что в них для истории альпинизма г. Екатеринбурга? Многие скажут: «Да почти ничего!» Но история, как известно, складывается из мелочей и отдельных событий, собрав которые вместе, можно и ученую степень защитить.

Итак, попробуем отыскать «следы истории»:

- во-первых, та и другая заметки – редакционные. Скорее всего, это труд рабкоров – внештатных корреспондентов из рабочей среды, что является приметой того времени;

- во-вторых, перед фамилиями альпинистов вместо традиционного «тов.» мы встречаем инициалы. Еще в 1951 году этого не было;

- в-третьих, мы узнали, что альпинисты УЗТМ пятидесятых продолжают традиции своих довоенных предшественников и после альпинистской смены в горах отправляются в перевальный поход, чтобы завершить свой отпуск на Черноморском побережье;

- в-четвертых, мы видим, что секция альпинизма УЗТМ работает активно. В ее ряды вовлекаются и рабочие, и инженерно-технический персонал разных профессий;

- и, в-пятых, благодаря этим публикациям в историю альпинизма навечно вписаны новые имена, часть которых у здравствующих ныне ветеранов довоенного периода вызвала (и еще вызовет) радостное восклицание: «Ну надо же, и как я его мог забыть?»

Новые имена альпинистов прошлых лет, по нашему мнению, будут интересны и здоровой части альпинистов всех последующих поколений.

К тем, кто впервые попал в горы в 1952 году, и о ком нам удалось собрать какую-либо информацию, относятся: Горлаева Рахиль Михайловна, Компанейцева (Финогенова) Галина Сергеевна, Лянгасов Анатолий Егорович, Морозов Сергей Александрович, Порохня Юрий Иванович.

Фамилии двух представительниц этого списка Вы, уважаемый Читатель, встречали на страницах 1946 года, где один из авторов этой книги рассказывал о его первой встрече с Абрамом Константиновичем Кикоиным. Нам удалось отыскать Галину Сергеевну Компанейцеву, которая давно уже проживает за пределами Свердловской области, но с теплотой и душевным волнением вспоминает счастливые годы студенческой и альпинистской молодости.

Альпинистская биография Галины Сергеевны прервалась рано и неожиданно. Спускаясь по склонам пика УПИ на Алтае, группа альплагеря «Ак-Тру» попадает в лавину. С травмой позвоночника Галину Сергеевну транспортируют вниз, к машине, а одним из участников транспортировочной группы был ее ученик по Азов-горе, начинающий альпинист 1956 года Сергей Николаевич Согрин. Позднее он вспоминал:

«Наше отделение новичков возглавляла Галя Финогенова, высокая, стройная, красивая черноволосая девушка. У нее 2 разряд, и она уже инструктор.... Наши инструктора старались показать нам все, что умеют и знают: узлы, спуски и подъемы, использование веревки для страховки и передвижения. Веревочную переправу с одной скалы на другую всегда демонстрировала Галина».

Фотография, к сожалению, не четкая, а о наличии веревки, по которой передвигается инструктор, мы можем только догадываться.

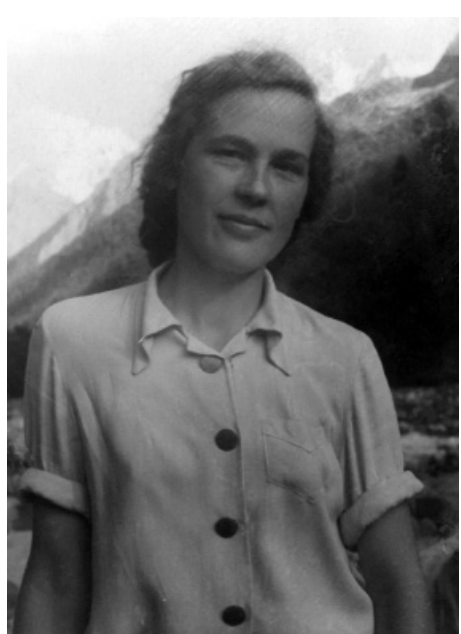

Азовка, 1955 г. Демонстрация переправы новичкам. Альп. секция УПИ.

Но не только навыки и технические приемы были заботой преподавателей. Начинающим альпинистам, и особенно на Азов-горе, куда альпинисты выезжали на два, три, а то и пять дней, старшие товарищи демонстрировали и прививали товарищеские и дружеские отношения, романтику походной жизни и любовь к песне, желание

научить и научиться, постоянный настрой на дело и созидание, добрый юмор и выдумку. И неважно, что многие из тех, кто «воспитывал» и «демонстрировал», по тем или иным причинам не достигали высот в спортивном альпинизме, у них была не менее важная роль – навечно поселить в душах молодых доброе и светлое. Галина Финогенова с этой ролью справлялась успешно.

С Рашей Горлаевой они были подругами и по спорту, и по жизни. Потомственный металлург Раша училась на металлургическом факультете УПИ, училась хорошо. Мы представляем здесь фотографию Раши, но не ту, что не один год размещалась на доске почета факультета, а ту, что запечатлела ее в альплагере Алибек в 1957 году.

С 1953 по 1955 год Р. Горлаева была председателем бюро альпинистской секции УПИ, а потом возглавляла и городскую секцию альпинизма.

«Умелый и требовательный организатор, и в то же время душа коллектива. Работа в секции под ее руководством велась очень активно», - читаем мы о Раше Горлаевой воспоминания Анатолия Егоровича Лянгасова.

«Явно выделялась своей внутренней силой Раша Горлаева», - напишет о своих первых встречах с уже бывалыми альпинистами УПИ

новичок Сергей Николаевич Согрин, имевший к тому времени опыт многочисленных зимних туристических походов по Приполярному Уралу и зимнее восхождение на г. Народную.

«Раша была очень добрая, душевная девушка. Она всегда все знала, всегда готова была помочь. Ее очень любили и уважали», - вспоминает Галина Финогенова.

Да, ее любили и уважали, но еще ей доверяли и ее слушали. Это был организованный и надежный человек.

Рассказ о подругах нам хотелось бы завершить воспоминанием Галины Финогеновой о хождении «под ледником» во время ее учебы в школе инструкторов в 1955 году:

«Очень сильное впечатление осталось о нашем походе по леднику Лекзыр. Под ледником вышли в Сванетию, а затем через Шхельдинский перевал вернулись в лагерь.

...Шли по леднику цепочкой, потом где-то прыгали в дыру в леднике и по наклонной плоскости въезжали в ледовое подземелье. Там было не темно, свет пробивался через толщу ледника чудным зеленовато-

голубым сиянием. По дну тоннеля тек небольшой ручеек, и можно было идти почти везде в полный рост по камушкам, а где-то приходилось идти согнувшись. Это была красота неопишная, страха не было. Так шли довольно долго. Затем незаметно вышли в долину Сванетии и сразу очутились на живописном склоне, заросшем малинником. Малина спелая, крупная, сочная, сладкая!

Нам говорили, что толщина льда под тоннелем колеблется от 15 до 150 м. Не знаю, остался ли этот ход теперь. Слышала, что ледник бомбили».

Вместе с Галиной Финогеновой Школу инструкторов альпинизма в 1955 году закончили Борис Кузнецов, Евгений Муравьев, Сергей Морозов, Феликс Кусенко и Рудольф Трубников.

«В горы впервые попал летом 1952 года по путевке политехникума в альплагерь «Талгар» под Алма-Атой и, как

говорится, «заболел» ими», - так начал рассказ о своей альпинистской биографии Юрий Иванович Порохня, с 1963 года проживающий в г. Нальчик.

Тому же, кто спросит: «А причем тут история альпинизма г. Екатеринбурга?» - мы спокойно ответим: «А где же он учился и жил, когда заразился «этой бациллой», если не в Свердловске?». Это, конечно, шутка, но мы напомним Вам, уважаемый Читатель, что эта книга о всех, кого мы знаем и кто начинал или продолжал свой альпинистский путь в г.Свердловске, даже если это была единичная (одноразовая) поездка. Однако вернемся в былое:

«...В Талгаре из нашей группы было несколько человек, которые выполнили нормативы на значок «Альпинист СССР». Очень понравилось, все было восхитительно: горы, солнце, воздух, общение с разными людьми из разных городов... А в 1953-ем снова пришли путевки... Снова поехали... Тогда мы жили бедно. У меня, студента, не было рукавиц, не было свитера, так что поехал в рубашке на крыше поезда с пересадкой через Новосибирск. Все было экзотично. В лагере нас уже знали и удивились, что у нас нет теплых вещей. Как сейчас вспоминаю,

ходили в поход, шли через перевал Суровый, и нас застала непогода. Инструктора навесили перила... подхожу к перилам, а руки уже так замерзли в брезентовых рукавицах, что я не мог даже как следует взяться за веревку».

Инструктор Кельберг не без назидания предложил свои «шубенки», а когда руки Юрия Ивановича отогрелись, все пошли дальше.

«Выполняли 3-й разряд. В лагере тогда ходили Манаков, Павлов, в будущем известные спортсмены, и Александра Васильевна Дюрягина - студентка Горного техникума, с которой я познакомился, поднимаясь в лагерь, а в январе 1954 года мы поженились. В этот год мы в лагерь не поехали, но участвовали в соревнованиях по скалолазанию на первенстве Свердловской области. Саша была в положении (пятый месяц), но все равно стала призером... В 1955 году, уже проживая в Верхней Пышме, мы получили две путевки, и снова в Талгар. Там пробыл 40 дней, выполнил 2-й разряд вместе со златоустовцем Сергеем Сорокиным (мы с политехникума вместе были, он стал «снежным барсом»)... В Верхней Пышме я создал секцию, участвовал в соревнованиях... В 1956 году меня пригласили в школу инструкторов при альплагере «Талгар». Руководила школой Галина Андреевна Балдина, наша свердловчанка, мастер спорта, врач. Нас было шесть человек: я, Сергей Сорокин, Юра Пономарев, Мочалов из Ревды. Окончил школу, отсуджировался и еще одну смену поработал. Саша в лагере была значкисткой, но за этот сезон почти выполнила 1-й разряд – не хватило только 4-Б. В 1959 и 1960 годах организовали сборы в Талгаре. Сборы сильные, с большим количеством молодежи. Оттуда вышли многие ветераны, в частности Земеров Володя. В 1960 году Саша выполнила норматив Мастера спорта.

Первый раз на Кавказ попал в 1958 году в составе сборов г.Свердловска. На сборах были Б. Симагин, П. Егоров, Г. Волынец, Р. Горлаева, Э. Римм, В. Молочков, В. Голубев, В. Милоголов, Петр и Людмила Андрияшины...К сожалению, сборы начались трагично – погиб на Суарыке Юра Юрьев. Его похоронили в Адылсу.

В 1961 году снова поехал на Кавказ и попал в альплагерь «Уллу-тау». С тех пор я, как говорится, обосновался в этом лагере. С 1963 года, как переехали в г. Нальчик, работал в лагере инструктором, а с 1967 года и по сей день, уже как профессионал, работаю начальником его учебной части. Были, правда, перерывы – с 1972 по 1975 и с 1991 по 1995 годы, а так – все время в «Уллу-тау». Александра Васильевна работала все время в спорткомитете г. Нальчика, а после выхода на пенсию – в альплагере «Уллу-тау». Здесь у меня были хорошие учителя, здесь в 1963 году выполнил норматив Мастера спорта, а в 1965 году награжден почетным знаком Мастера спорта № 8989.

С сердечной благодарностью и душевной теплотой хочется вспомнить своих первых учителей, бескорыстных наставников и терпеливых тренеров:

- по Свердловску – Г.А. Балдину, Г.С. Гордееву, А.К. Кикоина, Э.Р. Римма, Б.П. Симагина, Д.Ф. Кузьминых, К.Г. Макаревича;

- по альплагерю «Талгар» - М.Я. Резникова, Б.Ю. Краснокутского,

В.Н. Уксегешеву, П.А. Шумихина, А.В. Кельберга, П.Н. Салацинскую, С.П. Соболева, Ю.Н. Менжулина, В.В. Рязанова;

- по альплагерю «Уллу-тау» - Г.П. Коленова, Ю.И. Черносливина, Г.М. Сеначева, Е.М. Емельянова, А.Н. Чернышова.

Естественно, в памяти возникают образы всех наших свердловчан, одержимых любовью к горам, друзей, товарищей и сподвижников по скалолазанию, восхождениям и организации сборов в 50-60-е годы, с кем было приятно ходить, работать инструкторами. Это было бурное незабываемое время нашей молодости, и кажется, что это было вчера! Жаль, что многих уже нет в живых. Радуемся и гордимся мы, что нашу эстафету свердловчан тех лет приняли и с достоинством несут новые поколения альпинистов, покорителей уже вершин-восьмитысячников!»

На этой возвышенной ноте мы прервем воспоминания Юрия Ивановича Порохни и приведем несколько справочных данных из его письма:

«Всего совершено 211 восхождений на 87 вершин Тянь-Шаня, Кавказа, Памира и Рильских Карпат по 102-м маршрутам от 1-Б до 6-Б к. тр.

Лучшие восхождения: пик «Таджикистан» (1966 год, чемпионы СССР в высотно-техническом классе); «Чатын-Тау» по ромбу северной стены; «Ушба-Крест»; траверс вершин «Цурунгол» по северной стене – «Белая и Черная незнакомки» - «Фытнар Гин» - «Безымьянная»; «Крумкол» по северной стене; «Злий зуб» по маршруту «вежди» (многие из маршрутов восхождения в то время были 6-ой к. тр. – примечание авторов).

Александра Васильевна Порохня совершила 182 восхождения на 56 вершин Тянь-Шаня, Кавказа, Алтая и Рильских Карпат по маршрутам от 1-Б до 5-Б категории сложности».

Не раз и Юрий Иванович, и Александра Васильевна становились чемпионами и призерами городских и областных первенств, а

*Александра Васильевна
Порохня*

Юрий Иванович Порохня (в центре)

также первенств Облсовета и Центрального совета ДСО «Труд» по скалолазанию.

Успехи супругов в альпинизме и скалолазании были гарантированы постоянными занятиями разными видами спорта – гимнастика, бег, лыжные гонки. Особенно в этом преуспела Александра Васильевна – чемпионка г. Свердловска и ЦС ДСО «Труд» в лыжных гонках на 5 км в 1952 году, 1 место в 1953 году на 10 км и в эстафете среди учебных заведений Минцветмета и в эстафете на приз газеты «Уральский рабочий» за команду СГМТ среди команд 2-й группы.

И Юрий Иванович, и Александра Васильевна – судьи республиканской категории по альпинизму и скалолазанию. Оба награждены медалью «Ветеран труда» и почетными грамотами совета министров КБР и ВС ДСО профсоюзов.

А в завершение повествования о чете альпинистов (фамилия уж очень сложно склоняется) скажем, что они с искренней радостью и радушием встречают в своем лагере альпинистов из Екатеринбурга, непременно приглашают приехать на следующий год, и мы пожелаем им еще многих и многих встреч со своими земляками по альпинистской молодости.

«В далеком 1952 году я, студент 2-го курса физико-технического факультета УПИ, увидел на доске объявлений в вестибюле института приглашение в альпинистскую секцию. Захотелось узнать, что это

за вид спорта. Это желание и определило мое решение», - так начал свои воспоминания новичок этого года Лянгасов Анатолий Егорович.

«Этим же летом состоялся мой первый выезд в горы: Кавказ, Цейское ущелье, альплагерь «Торпедо». Из секции УПИ в нашей смене были Феликс Кусенко (уже «значкист») и новички Сергей Морозов, Вадим Чесноков, Юрий Рябухин. ...Следует сказать, что воспоминания о первой в жизни вершине – Садон-хох – (а мы шли в одной связке с С.Морозовым) не были очень светлыми: солнцепек, жара, на пути ни одного ручейка,

снежника или, тем более, ледника; а при спуске с вершин в дополнение к жаре – клубы пыли, поднимаемые двумя отрядами (более ста человек),

бежавшими вниз по единственной пыльной тропинке».

И ведь не отбило охоту, продолжал ездить в горы. В 1954-ом выполнил 2-й разряд, в 1955-ом окончил Всесоюзную школу инструкторов альпинизма на базе а/л «Джан-Туган», в 1956-ом – успешно отстажировался, а в 1957-ом по приглашению Ф.А. Кропфа впервые работал инструктором в а/л «Домбай» (руководил отделением разрядников). И в составе спортивной группы, совершая восхождения по маршруту 4-й и 5-й к. тр., выполнил I спортивный разряд.

В 1955 году А. Лянгасова выбирают председателем бюро альпсекции УПИ, но фактически поработать на этом посту ему не удалось – школа инструкторов, длительная преддипломная практика. Обязанности председателя исполнял Рудольф Трубников.

К альпинистским воспоминаниям Анатолия Егоровича мы вернемся на последующих страницах книги, а здесь проинформируем читателя, что в 1956 году после окончания института он направляется в Свердловск-44, ныне Новоуральск, организует на комбинате альпинистскую секцию, преобразованную в 1958 году в альпклуб «Кедр», которым успешно руководил до 1961 года.

Трудовой путь Анатолий Егорович завершил в 2001 году. За плечами защита кандидатской диссертации, должности заместителя и начальника информационно-вычислительного центра Уральского электрохимического комбината, медали «За трудовые отличия» и «Ветеран труда» союзного значения, «Почетная Грамота губернатора Свердловской области».

Пожелаем здоровья ветерану альпинизма!

В 1952 году в УПИ поступает уже «значкист» Леопольд Семенович Шлесберг. Прочитав объявление о предстоящем собрании альпинистской секции, собрание он посетил. Слово Л. Шлесбергу.

«На собрании выяснилось, что путевки уже все распределены. Но через несколько дней мне предложили принять участие в альпиниаде, проводимой профсоюзами, на в. Белуху. Этой экспедицией начиналось возрождение альпинизма на Алтае. Я согласился. Старт экспедиции намечен был в Бийске.

На турбазе Бийска оказалось, что из Свердловска приехали 11 человек (один из них, кореец, кстати, на спор съел чайную ложку черного перца).

Экспедицией руководила Е.А. Казакова, про которую когда-то я читал, что при восхождении на Ушбу она, для того, чтобы было доказательство восхождения на Ушбу первой женщины, захватила с собой женское платье, переделав в него на вершине и сфотографировалась. В числе инструкторов, которых она пригласила, большинство начало заниматься альпинизмом еще до войны. Альпиниада была скорее разведывательным мероприятием, чем спортивным: шестнадцать дней подхода и в завершение одно восхождение на Белуху Восточную

2-А к. тр. Спортивной стала следующая экспедиция под руководством Е. Казаковой, в которой свердловчане во главе с А.Даниловичем были представлены достаточно весомо.

Поездка на машинах к стартовой точке похода сначала по Чуйскому тракту, а потом по глухим местам Алтая, и поход с караваном в 50 лошадей по абсолютно безлюдным красивейшим местам стоили участия в такой экспедиции. Бескрайние кедровые леса, поля тюльпанов, озера с тайменями и речки с хариусами, маралы, остров на р.Катунь, на который с одного берега плывет медведь, и с которого на другой берег в это же время переплывает лось - все это возникает в памяти при слове Алтай. Восхождение на в. Восточная Белуха было успешно совершено.»

К Леопольду Семеновичу мы еще вернемся, а сейчас (наконец-то добрались) слово Сергею Морозову.

«В Уральский политехнический институт я поступил, но мед. комиссия порекомендовала мне заниматься лечебной физкультурой: суставы не понравились.

Инструктор лечебной физкультуры Соня Кульпина, мастер спорта по спортивной гимнастике, покопалась в моём спортивном прошлом: футбол, хоккей, регулярное форсирование водных преград на лыжах, коньках и без оных по весне... в моём озёрном краю ледяной воды много! Через семестр Соня устроила меня в группу для подготовки на разряд – там я стал значкистом ГТО 2-ой ступени и обладателем 3-го разряда по гимнастике.

Эти занятия плюс полноценное питание (стипендия на 1-ом курсе физтеха - 450 руб., а цена абонеента в столовой 3-го корпуса - четыре рубля!) привели к заметному увеличению моего веса. Тут мой приятель по учебной группе Феликс Кусенко предложил мне попробовать силы в секции слалома.

А я ещё школьником изучал на физкультуре горнолыжную технику по наставлению «Горнолыжная техника бойца РККА»!

Сломав по лыже на первых же спусках, мы закрепились в секции: «Ходите на занятия и отработывайте поломанный инвентарь!» - заявил нам тренер Евгений Михайлович Ихлов. А лыжи были трофейные, из запасов горной дивизии “Эдельвейс”...

В 1952 году Свердловск принимал первенство ВУЗов страны по зимним видам. Команда горнолыжников УПИ опередила и МГУ, и МВТУ - 1-ое место заняли. Наградой за успех нам стали бесплатные профкомовские путёвки. Я попросил путёвку в осетинский альплагерь «Цей», где с разрядниками ходила Раша Горлаева и выполнял 3-ий разряд Фела Кусенко.

В отряде новичков со мной были Юрий Юрьев, Анатолий Лянгасов, Пётр Усов, Вадим Дербенёв, Юрий Рябухин, Николай Чесноков, Волынский – все мы получили значки «Альпинист СССР» 1-ой ступени.

Юрий Рябухин (слева) и Станислав Типикин на Алтае в 1955 году после возвращения в а/л «Актру» с вершины Трёх озёр

Не забыть поход со значками на груди через Мамиссонский перевал до курорта Шови и далее на попутке до Сухуми.

Сухуми - это сказка!

Зима 1952-1953 года прошла в тренировках на Уктусе, где в числе катающихся, кроме Юрьева и нас с Кусенко, были опытные альпинисты: Галина Андреевна Балдина и Абрам Константинович Кикоин. Потом А.К. Кикоин

проводил на Уктусе и скальные тренировки - в каменоломне.

Вот он стоит перед собравшимися новичками УПИ и рассказывает им о трех точках опоры, о необходимости опробования опор и о многом другом:

Там у меня появились новые знакомые: в начале года - Алла Блюшке, Галя Финогенова, Галя Игнатьева, Леопольд Шлесберг, Валера Овсянников, Рудольф Трубников, в конце 1953 года – Вова Кусенко, Юра Плюхин, Антуанетта Иванова, Стас Типикин, Миша Левин и др.

А на Азов-гору я впервые попал весной 1953-го. Там не только разрядников Горлаеву и Кусенко, а даже и нас, значкистов, привлёк А.К. Кикоин для занятий с многочисленными новичками. Но сначала о том, как мы нашли Азов-гору.

Вышли мы тёмной ночью из вагона и пошли за «бывалыми». Впереди широким шагом лыжника шёл Евгений Муравьёв. Колонна не поспевала, и Женечке приходилось «притормаживать».

Ночью я так и не увидел, какая она, Азовка. Доспали ночь в палатках, а с утра - построение и ознакомление с порядком дня. Разбились, как в альплагере, на отделения, и больше всего лазали с верхней страховкой, переходя с маршрута на маршрут.

Значкист Морозов штурмует крутые стены Азов-горы

На нашей значкистской совести была страховка и помощь лезущим советами. Мы следили, чтоб новички обвязку вязали правильно, грамотно садились на дюльфер. А вечером - костёр и песни! А.К. обогатил наш репертуар многими довоенными песнями.

Летом 1953-го я выполнил 3-ий разряд в альплагере «Алибек» нашего ДСО «Наука», потом через Клухорский перевал с Ф.Кусенко и др. ушли к морю, в тёплый Сухуми - в сказку!»

С альпинистским летом 1954-го, бурно пережитого УПИЙцами и в т.ч. Сергеем Морозовым, Вы, уважаемый Читатель, ознакомитесь на страницах соответствующей главы. Окунемся в осень 1954-го.

«Осенью 1954-го председатель альпсекции УПИ Р. Горлаева поручила мне съездить в Москву и добиться в Центральном Совете ДСО «Наука» увеличения числа путёвок в альплагеря, выделяемых Свердловскому облсовету. Я встретился с сыном академика Женей Таммом, тогда - председателем центр. секции, и договорился о 120 путёвках на 1955 год. Кроме того, нам выделили 8 путёвок в Джантуганскую школу инструкторов альпинизма. И ещё - в зимний лагерь «Алибек»!

После сессии мы окунулись в снежную сказку - Е. Муравьёв, Р. Горлаева, И. Сыркина, Г. Манакон. П.Ф. Захаров оформил меня инструктором «Алибека» по горнолыжной подготовке.

А летом 1955-го Г. Финогенова, Б. Кузнецов, Ф. Кусенко, Е. Муравьёв и я обучались в 1-ой смене Школы, во второй - Борис Колосов, Рудольф Трубников, Анатолий Лянгасов и трое ребят из г. Серова. В том же году мы с Муравьёвым отстажировались в «Алибеке».

И на этом я простился с Уральским политехническим институтом, с дипломом которого меня приняли на работу в г. Челябинск-40 (сейчас - г. Озёрск Челябинской области). Летом 1956-го дали отпуск, как инструктору альпинизма! В те годы альпинизм вошёл в моду, и инструкторов не хватало везде, не только на периферии.

В 1956 году меня и Муравьёва принял коллектив второй альпиниады МГУ-МВТУ, разбившей бивуак в ущелье Адыл-Су под ледником Кашка-Таш. В любой работе Женя и я отличались от москвичей народной сноровкой: наши примуса всегда работали, мы умели готовить любую

пищу, ставили палатки так, что в них было даже в дождь сухо - и т.д. Забитые нами крючья не вываливались, верёвки оставались целыми и не перепутывались; рукавицы, очки, носки и ложки мы на верхних бивуаках не оставляли. В свою очередь, общение со столичными молодыми людьми расширило наш кругозор.

Начальник альпиниады Игорь Александрович Ерохин был непростым человеком. Властный, знавший себе цену и цель, он поддерживал каждого, если инициатива шла на пользу делу. Никому в голову не приходило не выполнить указание Ерохина.

Тот сезон мы с Женей закончили с двумя «пятёрками» - траверс Ушбы и траверс Домбай-ульгена.

Летом 1957-го мы поехали с очередной альпиниадой МГУ-МВТУ в Безенги. Знакомились с работой вертолётки в горах, с первыми иностранцами - чехами из Брно, с пуховыми куртками. Однако почти месяц восхождений у нас не было, сидели в постоянном спасательном отряде. Вот москвичи, те интенсивно ходили, выполняли планы. И однажды на снегу гребня Дых-Тау сорвались Володя Бланк и Костя Туманов, мастер спорта. Транспортировка, похороны на поляне Миссес-коша... охота за вершинами у кого-то угасла, и у нас появилась возможность выйти на свои восхождения.

После Дыхтау (с Назаренко) нас послали с Нелидовым на Мижирги с перевала Селла. Ерохин - в пику Виталию Абалакову - решил реанимировать этот маршрут: его не ходили, так как там отвалилась часть большого жандарма, и образовалась проблематичная стенка. Я проходил её, сняв отриконенные ботинки и неся на себе верёвочную лестницу длиной 20 метров.

Пока я налаживал лестницу, друзья внизу нашли записку и мне её прочли: «... ждём прихода спасотряда, у нас сорвался Рома Строганов». А потом был спуск по кулуару — 17 дюльферов!

В 1958-ом Ерохин, убедившись в бойцовских качествах своей команды, организовал экспедицию на пик Победы (7439 м) по не пройденному пути: с перевала Чон-Терен траверс через Восточную Победу (7060 м) - до Победы-Главной.

70 км по леднику Иньльчек мы с Муравьёвым шли в передовой четвёрке, маркировали путь для каравана, в базовом лагере «5500» принимали на себя «бомбовые удары» дружественных авиаторов: военные самолёты сбросили нам контейнеры с продуктами на парашютах! Вот цитата из сборника «Побеждённые вершины 1958-1961»: «...самолёты идут на новый заход, и с диким рёвом падают листы пенопласта, банки с галетами, мешки с овощами. Самолёты улетели, место падения грузов отмечено огромными красными пятнами — не сразу угадаешь, что до выброски это были свёкла и кочаны капусты. Два контейнера попали в ледниковое озерцо, срочно разгружаем их, ведь внутри сахар, крупа, конфеты».

В начале августа 33 альпиниста, в том числе чехи и сборная Киргизии, вышла к перевалу Чон-Терен. Когда началась непогода, от «киргизов» остались двое: Маматали Батыров и Саша Рябухин, преподаватель из Челябинского политехнического института, «земляк». Отсидевшись в пещерах на 6200, 28 первовосходителей одновременно поднялись на Восточную Победу. Это было 8 августа, а 12-го мы с Муравьёвым и ещё 11 траверсантами покинули пещеры... О дальнейшем достаточно подробно - и не всегда благожелательно - написано во

многих альпинистских изданиях. Тем не менее, думаю, что два выходца из альпсекции УПИ, поднявшись выше 7400 м, заслужили упоминание в истории свердловского альпинизма.

Со свердловчанами Муравьёв и я поехали в 1959 году на сборы в «Ала-Арчу». Золотые медали у команды Ерохина отобрали, проклятье висело и над нами; Борис Павлович Симагин задействовать нас не мог. Но выручил Сан Саныч Кузнецов, начальник учебной части: поручил водить двух лагерных инструкторш, Марину Исаеву-Коноплёву и Люду Холопову. На пятом восхождении Женя улетел с ледовой сосулькой, но отделался ушибом плеча. И все же маршрут на Ак-Тоо 4-Б был пройден!»

Нет правил без исключений. Представляем на страницах нашей книги альпиниста из г. Ревда – Галиаскарова Саубана Салитаевича. Эти имя и отчество нашего героя вписаны в его паспорт и инструкторское удостоверение, а по мастерскому удостоверению и удостоверению судьи по лыжному спорту, да и среди восходителей он – Николай Сергеевич.

Шесть лет (с 1957 по 1962 год) Николай Галиаскаров работал инструктором в а/л «Талгар», через который «прошли» многие альпинисты

г. Свердловска, так что для большинства уральцев, начинавших, как и он, с вершины Юбилейная и перевалов Солнечный и Тэкэ, Николай Сергеевич ассоциировался как наш земляк, свердловчанин.

В «Талгаре» Галиаскаров совершил восхождения на первые свои 5-ки, прошел траверс Талгарской подковы (одиннадцать вершин, десять дней), штурмовал под руководством тагильчанина П.А. Шумихина пик Жарсай по Северо-восточному гребню (5-А+1), выполнил норматив мастера спорта.

Вспоминает М. Левин:

«Поднялся я в «Талгар» в конце 1960 года, работал и просился на 5-Б. Коля Галиаскаров помог понять орографию района, показал места занятий... сдружались. Он помнил всех наших – и свердловчан, и челябинцев, и трудовцев, и УПИйцев. И они его помнят».

Нам очень хотелось, но не удалось отыскать ветеранов альпинизма Верх-Исетского металлургического завода. Мы обращались в совет ветеранов ВИЗа, в его музей, в структуры, отвечающие за спорт, но это не принесло успеха. Смогли мы только отыскать следы одного из представителей некогда сильной секции альпинизма старейшего завода Урала. Супруга этого альпиниста предоставила нам несколько фотографий Авенира Федоровича Макарова, сделанных на фоне гор, альпинистских построек и палаток. К счастью, на обороте фотографий мы нашли хоть и скудные, но все же очень важные надписи и даты, что позволило проследить спортивный путь А.Ф. Макарова.

Первая поездка в горы Вениамина Макарова состоялась в 1952 году. Это был Кавказ, ущелье Адыр-Су. Далее были а/л «Талгар», а/л «Горельник» и снова «Талгар». В 1957 году Авенир Федорович был курсантом школы инструкторов на Кавказе.

Как мы уже отмечали, надписи на фотографиях были весьма скудными, и поэтому имена альпинистов, запечатленных фотографом, остаются для нас неизвестными. Мы представляем на страницах этой книги фотографию, на которой вместе с Макаровым запечатлены, возможно, альпинисты Свердловска.

Год 1953-ий

Обзор прессы этого года начнем с публикации в газете «На смену» от 29.05.1953 г. В рубрике «Знай свой край» доцент, заместитель председателя Уральского отдела географического общества СССР П. Горчаковский поведал о «причудливом нагромождении выветривающихся скал, издавна называемых «Чертовым городищем».

Название этого уникального массива Вы, уважаемый Читатель, встречали на страницах истории альпинизма г. Екатеринбурга довоенного периода и на страницах этой книги.

Многие поколения альпинистов пробовали свои силы в преодолении северной, отвесной стены скального массива. Здесь проводились занятия с начинающими альпинистами, отрабатывались приемы страховки и спуск «дюльфером» (с использованием веревки, особым образом проходящей по телу спортсмена и не требующей от него особых усилий для удержания на любой точке вертикального спуска), здесь проводились соревнования по скалолазанию на первенство города, области и коллективов ДСО, здесь осваивались приемы крючковой страховки и преодоления скального рельефа с использованием искусственных, порой весьма замысловатых точек опоры. Полюбили это место и спелеологи, отрабатывая спуски и подъемы по 3-миллиметровому стальному тросу.

Альпинисты довоенного периода на южной стороне Чертова городища

А сколько песен слышали эти хмурые в отблеске костров «исполины», сколько тысяч комаров оберегали они от солнца, для того чтобы с их помощью отбиваться от непонятных для среднестатистического гражданина упрямец, карабкающихся по холодным отвесам. Были здесь всплески радости и счастья от

удачного выступления, были и горькие минуты разочарования, не было только равнодушно взирающих и безучастных.

Однако обратимся к рассказу ученого.

«Чертово городище представляет собой гряду гранитных башен-останцев, тесно смыкающихся друг с другом и образующих огромную каменную стену. Каждая башня сложена из плоских, матрацевидных глыб, положенных друг на друга, как стопка тарелок... Кажется, вот-вот рухнет вниз эта отвесная, слегка склоненная вперед каменная громада...

Согласно исследованиям археологов, в районе городища по склонам гор в так называемое сарматское время (от 3 века до н.э. и до 4 века н.э.) были разбросаны поселения первобытных людей, умеющих изготавливать орудия из камня, бронзы, железа.

...В сарматское время эти обнажения скал, подавляющие своей грандиозностью, служили жертвенным местом, где совершались различные обрядовые церемонии, и приносилось в жертву мясо животных. Глиняные сосуды с пищей устанавливались на самых высоких башнях Чертова городища. Некоторые из сосудов падали вниз и разбивались, чем объясняется обилие глиняных обломков у основания каменной стены... Чертово городище – замечательный уголок природы Среднего Урала», - заключает автор статьи, и мы не можем с этим не согласиться.

“Чёртово” с севера. Фото И. Сивенцевой

Газета «ЗТМ» под рубрикой «Физкультура и спорт» сообщила 11.06.1953 о вступлении в секцию альпинистов Уралмаша пятнадцати человек. Среди новичков технолог Н. Баскакова, модельщик Н. Михряков, сварщик В. Рыбкин. *«Альпинисты не теряют даром ни одного воскресенья. Нынче они*

провели семь занятий по скалолазанию на Уктусских каменоломнях, в районе Чертова городища и на горе Волчихе... Молодые альпинисты отрабатывают на тренировочных занятиях технику лазания по скалам, учатся правильно связывать узлы, обвязываться веревкой, изучают технику горвосхождений, приучаются к длительным походам с грузом за плечами, к устройству бивуаков. В начале августа члены секции поедут в альпинистский лагерь на Кавказ для зачетных восхождений». А руководит секцией и подготовкой юных альпинистов «опытный инструктор, зуборез механического цеха крупных узлов А. Данилович».

Сам же Данилович в этот раз на Кавказ не поехал – его увлек Алтай, где пригодился и его опыт, и его сила, но об этом чуть позже.

«Начался альпинистский сезон 1953 года – юбилейного тридцатого года советского альпинизма. Сотни советских альпинистов уже собрались в долинах и ущельях Кавказа и Тянь-Шаня, готовясь штурмовать горные вершины... Пройдет еще две недели, и тысячи советских альпинистов огласят дикие ущелья наших горных районов стуком молотков, забивающих железные крючья в трещины скал,

ударами ледорубов о звонкий лед, веселыми возгласами здоровых и смелых людей», - так начал свою заметку в газете «ЗИК» от 18.06.1953 г. Абрам Константинович Кикоин.

Рассказал он и об успехах альпинистской секции УПИ, отправляющей в горы 23 хорошо подготовленных начинающих альпинистов и практически столько же значкистов и разрядников, среди которых *«тов. Горлаева, Кусенко, Муравьев, Анциферов и Юрьев»*.

Заметка сопровождается двумя фотографиями, на одной из которых запечатлен массив Светгара с его крутыми, тогда еще никем не пройденными ребрами, а на другой – высокий восходитель в шляпе (сейчас все ходят в защитных касках), «ковбойке» с длинными рукавами и просторных шароварах с напуском. Он свесил над пустотой пятку в отриконенном ботинке – дух захватывает! – и устремил свой взор ввысь. Кто же это ищет путь по отвесным скалам? Подписи нет, но альпинисты Свердловска тогда без труда узнавали автора статьи, преподавателя и руководителя альпинистов УПИ А.К.Кикоина.

И еще одну заметку об альпинизме нашли мы на газетных страницах 1953-го. Ее автором вновь был сам Абрам Константинович, а напечатана она была 1 сентября в газете «ЗИК». В ней автор рассказал о своем восхождении на западную, более высокую и более трудную вершину Эльбруса. Именно это обстоятельство побудило Абрама Константиновича в 1953 году прервать бодрый ответ на экзаменационный билет по физике одного из авторов этой книги и, указывая на его альпинистский значок с контурами Эльбруса, поделиться с ним радостью своего успеха (см. 1946 год). Однако читаем:

«Грандиозной громадой высится над Кавказским хребтом двуглавый снежно-ледовый Эльбрус – высочайшая точка Европы...» Тут мы

переведем повествование и скажем, что ошибался физик: Эльбрус – азиат, отклонившийся от границы между Европой и Азией на десяток километров в сторону восхода солнца. Но не стоит огорчаться, что наш «седовласый Шат» не «высочайшая» точка Европы, он зато высшая точка России и превышает высочайшую точку Европы – Монблан (4807 м) – аж на 826 м! Но вернемся к рассказу А.К. Кикоина.

«... Белоснежный конус Эльбруса всегда привлекал к себе внимание альпинистов, и тысячи советских горвосходителей побывали на обеих его вершинах – восточной (5595 м) и западной (5633 м).

...Группа студентов Ленинградского института физкультуры им. Лесгафта решила совершить восхождение на западную вершину в честь 250-летия города Ленинграда и 30-летия советского альпинизма. Руководить восхождением было поручено мне.

21 июля наша группа в составе 25 человек, среди которых было 9 девушек, выступила из альплагеря «Искра», расположенного на высоте 1800 м в верховьях реки Баксан. Через два часа мы уже были на склонах Эльбруса. Еще через 8 часов подъема по крутым скальным и ледовым склонам мы достигли так называемого «Приюта одиннадцати». Здесь на высоте 4200 метров героическим трудом советских людей на скалах, выступающих из сплошного льда, выстроен огромный трехэтажный отель – желанный приют для утомленных альпинистов.

Целые сутки провели мы в этом «отеле», чтобы дать возможность организму приспособиться к необычным условиям больших высот. С «Приюта одиннадцати» открывается незабываемый вид на Кавказский хребет. Видны сотни вершин, увенчанных снеговыми и ледовыми шапками, от западной части хребта и до района Казбека на востоке.

В 12 часов ночи мы выступили из гостеприимного приюта. Подъем был не легкий. В густом тумане и в сильный холод мы упорно продвигались вверх. Через два часа мы достигли так называемого приюта им. Пастухова (группа скал на высоте 4800 м). Здесь мы оказались выше облаков, и над нами было чистое, усеянное звездами небо. Но зато резко усилился холод и поднялся штормовой силы ветер. На каждом привале я проверял состояние рук и ног участников похода, так как холод и ветер – здесь главная опасность.

В течение шести часов мы буквально пробивались вверх и наконец достигли седловины между обеими вершинами Эльбруса (5300 м). Здесь пришлось оставить двух участников похода, заболевших горной болезнью. С остальными я начал подъем на крутой склон, ведущий к западной вершине. Склон оказался ледяным, почти лишенным снега, так что мне пришлось, надев «кошки», вырубать ступеньки во льду для идущих за мной участников. На этой высоте рубка ступенек чрезвычайно утомительна, поэтому на прохождение оставшихся до вершины 300 м понадобилось свыше 4-х часов.

В 10 часов утра мы были на вершине... Налюбовавшись открывающимся с вершины изумительным по красоте видом на Кавказ (с вершины видно и Черное море, до которого по прямой 120 км), мы в 12 часов дня начали спуск. К 5 часам вечера мы снова были на «Приюте одиннадцати». Как и накануне, он был погружен в облака, и мы с немалым трудом нашли его среди необозримых ледяных полей Эльбруса. Работники экспедиции Академии наук СССР помогли нам, подавая звуковые сигналы. Переночевав здесь, мы на другой день, гордые успешным походом, вернулись в лагерь. Студенты отправились отдыхать на Черноморское побережье, я же чтобы подготовиться к следующему восхождению».

Так, будучи инструктором альплагеря «Искра», первого стационарного лагеря СССР, построенного киноработниками в 1931 году недалеко от Эльбруса в устье ущелья Юсеньги (1800 м), Абрам Константинович, руководя альпинистами из Ленинграда, совершил восхождение на Эльбрус, чем по праву гордился. Ведь, как теперь известно, и российский, и довоенный екатеринбургский альпинизм начинались именно с восхождения на Эльбрус. А мы напомним, что не всякий штурм Эльбруса завершается успешно. Капризы погоды и традиционно большой набор высоты не раз становились непреодолимой преградой даже для опытных и сильных альпинистов. Не удержались мы и от того, чтобы не привести на страницах этой главы еще одно фото с А.К. Кикоиным. Оно сопровождало заметку в ЗИКе.

Тот же высокий и худощавый альпинист, та же шляпа, шаровары и трикони. И, конечно, устремленный в ясные дали взгляд.

В этом году счет горным вершинам открыл Геннадий Иванович Манаков. Вот его воспоминания.

«Первым альпинистским лагерем был «Талгар». Путевку получил

за 8-е место во Всесоюзных соревнованиях по горным лыжам среди техникумов. По приезду в лагерь поразили отсутствием в горах кровососущих и кусачих насекомых, которые жутко досаждали на заготовках сена для коровы. Сразу же понял – альпинизм для меня.

1954 и 1955 годы пропустил – нужен был деду для хозработ. 1956 год – «Домбай», староста отделения из 11 человек. В отделении на III разряд ходили Люся Муравьева, Глянченко Володя. В 1957 году в Туюк-Су из наших ходили Малюгин Володя, Марковский Валерий.

1958 год – альпиниада УПИ под руководством А.К. Кикоина. На Чегет-Кара-Баши, Ирик-Чат и Джан-Туган ходил с Юрой Котеневым, Володей Крыловым и Володей Голубевым.

Запоминающимся было восхождение на Восточный Эльбрус. Накануне выхода из лагеря Кикоин построил всех в одну шеренгу и начал проверять наличие двух пар шерстяных носков, пары шерстяных варежек и шерстяного свитера, без которых, по мнению Абрама Константиновича, на Эльбрус выходить было нельзя. «Бедные» студенты сразу же нашли выход из столь затруднительного положения и стали за спинами передавать друг другу ту самую «шерсть». Когда Кикоину попались третий раз одни и те же носки, он сообразил, в чем дело, и стал «проверенных» строить напротив шеренги. Кажется по этому же «отсутствию» от восхождения был отстранен и Михаил Плышевский.

И какое же было удивление Абрама Константиновича, когда в колонне обгоняющих нас иностранцев в последнем, одетом в потрепанную штурмовку, он узнал М. Плышевского.

Сильно возмущался А.К., но потом простил. А встречавшие нас после восхождения «безносковые» товарищи соорудили чучело альпиниста и по всему его «телу» развесили бирки: «шерсть», «не шерсть». Это словосочетание еще долго вызывало у нас улыбку и смех.

1959 год, а/л «Талгар», сборы «Труда». Точно были Юра Порохня и Володя Земеров. Запомнился Ю. Талгар – 4-Б. Шли вшестером с одной перкалевой палаткой. Ночевка нас застала на самой вершине: непогода, пурга, жесткий снежный купол. Спали: один поперек в головах, один – в ногах, четверо – вдоль палатки. С нами был один здоровый парень. Худенькому Земерову было тяжело, но он был мужественный человек – выдержал. Утром долго плутали в тумане по куполу, пока, наконец, не нашли место спуска.

1960 год. Сборы под руководством Э.Р. Римма в «Туюк-Су». Инструкторами были Д. Кузьминых, Г. Балдина, участниками – Р. Кондратьев, А. Инюткин и многие другие.

1961 год. Школа инструкторов Абалакова в Джан-Тугане. Были с Колей Павловым.

1962 год. Уллу-Тау. Сборы «Московского труда». Я был аспирантом МЭИ.

1963 год. Последний год, проведенный со свердловскими альпинистами. Сборы в «Варзобе» под руководством Э.Р. Римма. С нами была вся поросль наших альпинистов III и II разряда: В. Крылов, В. Марковский, Р. Кондратьев, А. Инюткин, Климов, В. Кушнарев... Из инструкторов помню лишь Д. Кузьминых. Ходили в далекую Сиаму, обожглись травой «югань» - такие мягкие зонтики, дающие ожоги кожи II степени.

1965-1990 годы – работал в альплагерях, с нашими альпинистами практически в горах не встречался. Сначала ходил на восхождения с Колей Павловым (уж нет в живых), затем с Вадиком Алексеевым. С Колей дважды участвовали в первенстве по альпинизму:

в 1966 году – Далар по золотому маршруту первенства Союза в двойке – I место в ЦС «Труд»; в 1970 году – Чатын на первенство Союза – I место. Присвоили мастера спорта, хотя к нему я не стремился.

Кроме альпинизма и горных лыж (I разряд), занимался гоночными лыжами (1962 год – 1 место). На первенстве Москвы по двоеборью (гонки, слалом) среди альпинистов – тоже 1 место. Имел КМС по зимнему троеборью: лыжи, подтягивание, стрельба – лет 8 постоянно выступал на первенстве области.

С 1967 года каждую весну – сплав по рекам на байдарках с охотой и рыбной ловлей. Осенью – ходовая охота на косачей и глухарей.

Прыгал с парашютом, выступал в силовом двоеборье (гиря 32 кг, штанга) на первенстве энергетического факультета – 1 место (жим штанги – 85 кг, выжимал двупудовку по 13 раз каждой рукой). Сплавлился по горным рекам – дважды прошел в Саянах реку Оку. Коньки, биатлон – в своей фирме.

И, пожалуй, хватит хвастать.

О скалолазании я уже писал: тренировался мало, пользовался природными данными. Сделаю только поправки к книге «50 лет спортивному скалолазанию». Там все перепутано. Первенство профсоюзов 1960 года проходило на Крестовой скале в Ялте в октябре месяце. В личном зачете у мужчин первым был Миша Хергиани, вторым – я, третьим – отличный скалолаз Олег Космачев.

В 1962 году я был не третьим, а четвертым. Отлично помню это время, накануне вечером, перед соревнованием, я долго гулял, в свой номер в гостинице «Приморская» пришлось влезать через форточку. Утром ребята разбудили – говорят, у тебя третий номер. Пролез, но оказался лишь четвертым. А хотел побить Хергиани, хотя в то время сделать это было очень сложно: мы за тренировку проходили по 2 маршрута на Крестовой скале, Миша – 8-10.

А вот в 1964 году я был третьим. Но это был мой большой успех. Поскольку весной перед 1 мая на Чертовом городище получил травму при падении с 9 метров. 40 дней пролежал на вытяжке в Первой городской больнице, затем дома долго ползал на четвереньках, а

осенью, получив последний бюллетень на месяц, уехал на сборы в Ялту. И оказался третьим в личном зачете.

1968 год. Первенство ВЦСПС. Из женщин были Шура Порохня и Маша Иняткина. Мы с Онищенко заняли I место в лазании связок.

Звание «Мастер спорта СССР по скалолазанию» разрешили присваивать после чемпионата СССР 1969 года. К победителям 69-го года было решено подключить чемпионов ВЦСПС 1968 года. Мне пришло письмо с просьбой послать документы на МС, что я и сделал. Через некоторое время пришло новое письмо – что-то в документах требовалось поправить. Я второй раз посылать не стал. Решил, что мне достаточно МС по альпинизму. Главное – выполнил норматив МС по скалолазанию в связке, ведущим был я. Чем и довольствуюсь.

К сожалению, на ВЦСПСах в команде «Труда» от Свердловска выступал практически один.

Надо ли Вам все это – очень сомневаюсь.

С уважением, Манаков Г.И.»

Надо, Геннадий Иванович, надо!

Вот только жаль, что временами Вы бывали крайне безответственным по отношению к себе и к скалолазанию Свердловска.

Первое – нарушили спортивный режим на ВЦСПС 1962 года, а потом об этом пожалели, и второе – пренебрегли званием «Мастер спорта СССР» по скалолазанию в 1969 году по результатам выступления связок 1968 года.

Мы попытались исправить дело и ... получили справку Федерации альпинизма России, которую приводим ниже.

Так с улыбкой прошел Геннадий Манаков по горам, по сплавам, по рекам, рыбалке и...

За эту справку, правда, один из авторов этой книги получил нагоняй от ответственного работника Федерации скалолазания Свердловской области, оформленный в виде комментария с подписью, где, в частности, было сказано: «Эта справка не может быть использована в какой-либо официальной публикации». Теперь вот мучайся – можно ли эту книгу считать «официальной публикацией»?

В заключение: один из авторов, близко знавший И.И. Антоновича, не раз слышал его комплименты «лучше всех назывшему свердловцу Манакову». А Иван Иосифович ох как был скуп на похвалу!

Мы задержимся в 1953-ем, чтобы представить второго свердловчанина, входившего в шестерку инструкторов а/л «Шхельда», завоевавших золотые медали Чемпионата СССР прохождением северной стены суровой Чатын-Тау.

«Долго к этой вершине вела Николая Павлова нелегкая дорога альпиниста. «Заболел» он горами еще в 17 лет, будучи учащимся Уральского политехникума. В 1956 году выполнил третий разряд, в 1966 году – норматив мастера спорта. Работал на ВИЗе, потом перешел в Уральский научно-исследовательский институт черных металлов.

... Хочется процитировать слова судьи чемпионата, ЗМС В. Кизеля, подписавшего заключение о восхождении: «... Считаю прохождение данного маршрута в тяжелых метеорологических условиях делом исключительным», - прочитали мы в заметке Э. Григорьева в газете «Вечерний Свердловск» от 18.11.1970 г.

А вот выдержка из заметки той же газеты, но от 12.11.1964 г.: «Председатель Областной секции альпинизма спортобщества «Труд» - это должность у Николая Павлова общественная, поэтому интервью наше состоялось в литейном цехе Свердловского машиностроительного завода у электроплавильных печей, где Н. Павлов работает мастером. Говорят, что по-настоящему человек может быть предан только одному делу в жизни. Павлов предан двум – металлургии и альпинизму.

Николай Павлов

... В секции десять мастеров спорта. Только в этом году высокое звание присвоено инженеру завода пластмасс Владимиру Крылову и преподавателю Николаю Коровину, инженеру УНИпромеди Вадиму Шкодину и инженеру Института черных металлов Евгению Муравьеву».

Для выполнения данного нами, уважаемый Читатель, обещания рассказать об участии свердловчан в событиях 1953 года на Алтае, мы обратимся к книге Елены Алексеевны Казаковой - «К вершинам Алтая». Попробуем осуществить задуманное с помощью выдержек из книги, т.к. первоисточник практически всегда более достоверен и ближе к реальности, чем пересказ. Ну, что ж, в путь:

«Прошел год. ВЦСПС решил продолжать альпинистское освоение Алтая и наметил провести летом 1953 года экспедицию к вершинам Восточной части Катунского хребта. Было решено отправиться на Аргут, к его притокам: Иедыгему, Кулагашу и Куркуре.

В верховье Иедыгема находится самый длинный из ледников Алтая - одиннадцатикилометровый Мен-Су. Географы В.В. Сапожников и М.В. Тронов посетили нижнюю половину этого ледника. Мощный ледопад в среднем течении ледника очевидно препятствовал их проникновению выше. Альпинисты не бывали здесь вовсе».

Мы позволим себе не согласиться с Еленой Алексеевной и напомним уважаемому Читателю, что на стр. 22 Книги 1 истории альпинизма г. Екатеринбурга помещены выдержки из статьи Н. Кригер «На ледники Алтая», где рассказывалось о попытке еще в 1934 году свердловчанки М.А. Роберг и ее спутников подняться на г. Белуху с ледника Мен-Су.

«... Но теперь мы знаем, что подъем возможен будет с левой части ледника Мен-Су... Нынче мы отступили. Но в будущем году опять пойдем на штурм!» - так прокомментировала свою неудачу в том году М.А. Роберг.

Однако (как часто мы произносим это слово), вернемся к истории 1953-го.

«...О ледниках и вершинах, расположенных у истоков Кулагаша и Куркуре, сведений почти не имелось.

... В Бийске ждала радостная встреча с участниками прошлогодней альпиниады: Борисом Борисовичем Мездриковым, Вовой Худяковым, Володей Усталовым и Юрой Игумновым. Как и в прошлом году, больше всего народу приехало из Свердловска. Кроме Худякова, Усталова и Игумнова, оттуда же прибыли Арсен Данилович, Петя Андрияшин, Гера Волынец, Володя Курочкин, Вася Просвирнин и Жора Леонидов.

...На утро началась жизнь, полная забот и труда: подготовка к выходу каравана. В первую очередь нужно было перепаковать весь груз, прибывший в больших ящиках, на вьюки весом по 25-30 килограммов. Около Шведова и Вовы Худякова все выше и выше вырастали горы консервных банок, пачек киселя, сушек, сухарей. Во дворе натянуты веревки с гирляндами воблы, аппетитными кусками корейки и грудинки, вывешенными для проветривания. Под ними расположились деревенские собаки. Петя Андрияшин, Гера Волынец и Володя Курочкин без устали

переделявают большие фанерные ящики на маленькие. ...Установка на этот раз гласит: «Кормить не только сытно, но вкусно и изысканно». Закуплены картошка, лук, чеснок, мед. Заколота свинья. Из Москвы привезены такие деликатесы, как томат-паста, маринованные грибы, фаршированный перец, тешка, варенье трех сортов и многое другое.

... Наконец, все упаковано, взвешено, записано. 13 июля началась вьючка каравана. Некоторые лошади упорно не желают смириться с вьюками: лягаются, поднимаются на дыбы, сбрасывают вещи.

Груженных лошадей партиями отправляем к паромной переправе на Катунь.

Паром за один раз перевозит по шесть - восемь лошадей. Держать их на противоположном берегу под вьюками не имеет смысла, и по мере переправы группы уходят дальше.

...Как только мы прибыли в Катанду, к Андриану Тимофеевичу (проводнику – прим. авторов) отправился Арсен Данилович. Сначала старик наотрез отказался ехать, ссылаясь на недавнюю операцию и преклонные годы. Арсен не унимался и, просидев на пасеке с полдня, уговорил Архипова. Но нужно было еще уговорить председателя колхоза, чтобы он отпустил Андриана Тимофеевича с пасеки. Мы не сомневались, что в конце концов председатель согласится. Не блуждать же экспедиции по неведомым дебрям, когда Архипов знает любой лог, любую переправу.

... Одна из вьючных лошадей не то оступилась, не то сбилась с брода в сторону. Поток подхватил ее, завертел, закрутил и понес. Неизвестно, чем бы это кончилось, если бы не молодые алтайцы.

Они мгновенно соскочили с лошадей, выхватили из-за пояса ножи и бросились в воду наперерез увлекаемой потоком лошади. Через несколько секунд их уже вертело в потоке вместе с лошады, но они продолжали производить какие-то осмысленные действия.

Не прошло и полминуты, как молодые алтайцы подрезали подпругу, сволокли с лошади седло и вьюки и, борясь с быстрым течением, стали медленно подтягивать вещи к берегу. Лошадь, освободившись от груза, стала на ноги и тоже побрела к берегу.

Пострадавшие вьюки оказались, конечно, с мукой и сахаром. Так уж видно устроен мир, что из сорока пяти лошадей вымокнуть должна именно та, на которую навьючили груз, боящийся воды.

... Если уж быть откровенным, то наш поход по Аккемскому ущелью вверх до Аккемского озера и дальнейшее путешествие к подножию северной стены Белухи явились результатом недоразумения. И все же никто из нас потом не жалел, что побывал там.

... Когда недоразумение разъяснилось, отступить было поздно: впереди вот-вот должна была показаться Белуха.

...Поняли мы друг друга уже тогда, когда экспедиция прошла вверх большую часть Аккемского ущелья, хлебнув немало горя на курумниках, в лесной чаще, где каждая из сорока пяти лошадей норовила либо застрять вьюками между деревьями, либо сломать ногу, проваливаясь среди навала крупных камней.

... Теперь, когда прошло уже много времени, я расцениваю случайный поход под северную стену Белухи как удачное отклонение от плана экспедиции, и очень бы сожалела, если бы его не было. Всякий, кто увидит незабываемую картину ледяной стены Белухи с гладью Аккемского озера на переднем плане, вероятно, согласится с этим».

Мы согласились и приводим ниже фото Белухи с гладью Аккемского озера, что бережно хранит и не обходит вниманием В.В. Усталов.

«...Мы разбили на берегу палатки, и вскоре по воде поплыл дымок костра. В разведку рассчитывали выйти сразу же после обеда. Но дождь, как всегда, спутал все карты. Пришлось отложить выход на утро.

Володя Худяков и Володя Усталов должны были подняться вверх по небольшой речке, впадающей в Аккемское озеро, и поискать у ее истока перевал в Кочурлинское ущелье.

...Уралмашевцы Данилович, Андрияшин, Волынец и Курочкин готовились пробраться в верховье правобережного притока Аккема, впадающего вблизи языка ледника.

Наша группа - Мездриков, Игумнов, Шведов и я - решила направиться по центральному маршруту: вверх по леднику Аккем, под стену Белухи. Юра Игумнов заготовил деревянные рейки для измерения поверхностного таяния ледника.

... Каждая группа получила буссоль Шмалькальдера и альтиметр.

... В результате наших походов несколько месяцев спустя на схеме ледников Белухи, составленной еще В.В. Сапожниковым, появились дополнительно несколько небольших ледничков и пара перевальных крестиков.

... Пройдя вдоль реки с полкилометра, караван начал зигзагами подниматься по крутому склону, поросшему высокой травой. Тропы нет вовсе, но Архипов и караванщики вчера исходили весь склон и наметили путь для подъема лошадей. Местами их приходится выносить почти на руках: кто тянет за повод, кто - за хвост, а с двух других сторон поддерживают за вьюки.

Выше, вблизи гребня, Архипов разыскал старую тропу. Но через несколько часов пути новая трудность - спуск к реке Текелю и брод на противоположную сторону.

... Для лошадей это был героический поход. Несколько раз несчастные животные срывались и катились вниз, задерживаясь только благодаря вьюкам, застревавшим между деревьями. На мокрой, скользкой глине кони съезжали сидя на задних ногах. Пытаясь удержать лошадей, мы сами шлепались в грязь и глину.

И все же часа через два, мокрые и грязные, достигли берега реки.

Полноводный быстрый поток, разбухший от дождливой погоды, сбивал лошадей.

Выход был только один - строить мост; дело для нас новое.

... Наконец, перебросили три толстых бревна, а сверху наложили ветки и мох, чтобы лошади могли идти по ним уверенно.

... Только к полуночи, переправив всех лошадей, можно было подумать об ужине и просушке собственной одежды».

Мы опустим повествование о том, как спасали оступившихся и провалившихся лошадей, сколько труда и сил стоило не потерять ни грузы, ни четвероногих помощниц.

«...На следующий день мы расстались с Аккемской долиной и стали спускаться к Каиру, притоку Аргута.

... К утру вода спала, и лошади легко перешли Каир. Сразу же за бродом начинается крутой и долгий подъем на водораздел с Бортулдаком, другим притоком Аргута. В опасных и трудных местах лошадей приходится вести в поводу, и все-таки одна из них сорвалась и покатила по склону. На ней был один из самых важных вьюков – ящик с медикаментами. Лошадь задержали сразу, но оторвавшаяся «аптека» летела кувырком не менее 200 метров, превратившись в сплошную кашу из вазелина, зеленки, пилюль, порошков и прочего.

... Перед нами Аргут – одно из самых диких, скалистых ущелий Алтая. Окружающая природа резко изменилась. Куда девались густые, тенистые леса и пышные алтайские луга! Кругом голые, скалистые склоны, обильные осыпи. Только кое-где вдоль редких ручейков зеленеет трава. Тропа стала пыльной, а одежда цепляется за сухой колючий кустарник. В воздухе необыкновенный для Алтая зной.

Базовый лагерь мы разбили на левом берегу Иедыгема, поднявшись выше его устья километра на три. Здесь среднеазиатский характер Аргутской долины вновь сменился сочной алтайской растительностью.

В тени высоких лиственниц, на мягком зеленом ковре вскоре засеребрился палаточный городок. Из стволов молодых елок соорудили стол, скамейки, вырыли колодец, установили радиостанцию. Вечером, при свете костра, торжественно подняли флаг экспедиции.

В тени разложены карты, вокруг расположились участники экспедиции. В нашем плане три похода: первый – к верховьям Кулагаша и Куркуре, второй – в цирк ледника Мен-Су и третий – полный траверс Белухи с востока на запад.

Завтра мы выступаем в ущелья Кулагаш и Куркуре.

Что они собой представляют, неизвестно. Сведений о них в географической литературе не имеется. Судя по карте, троп там нет. Истоки показаны неопределенно. Географы, побывавшие на соседних хребтах, утверждают, что речки ледникового происхождения. В этих местах, как говорится, «еще не ступала нога человека».

Пробраться к ледникам будет нелегко: горная тайга – местами те же джунгли; без топора не пройдешь.

Нам нужно проникнуть к верховьям, осмотреть и зарисовать ледники, вершины, снять фотопанорамы, найти перевалы через хребты и установить взаимное расположение истоков. Работать будем четырьмя самостоятельными отрядами: так больше успеем сделать. Главная наша задача – собрать как можно больше сведений о новом районе».

Мы думаем, что не утомили Читателя выдержками из описания

трудного караванного перехода экспедиции до базового лагеря. Так или почти так добирались альпинисты до удаленных объектов восхождения практически во всех экспедициях на Памире и Тянь-Шане. Ведь вертолеты в те времена альпинистов не обслуживали.

Однако вернемся на Алтай, ведь там странствия еще не закончились.

«... Совещание проходило бурно. Арсен Данилович, начальник штаба, дает команду построиться и зачитывает приказ:

- Отрядам под руководством Мездрикова и Шведова проникнуть к истокам Кулагаша. Отрядам Даниловича и Игумнова обследовать район Куркуре.

Выход в поход назначался на 24 июля, в восемь часов утра. Контрольный срок возвращения в базовый лагерь - 1 августа, в шестнадцать часов.

... У устья Кулагаша остановились на привал. Здесь предстоит расставание: доктор Маслов и я присоединяемся к отряду Шведова, который пойдет к истоку Кулагаша. Мы без конца уговариваем Даниловича и Игумнова, идущих с отрядом в район Куркуре, быть благоразумными и осторожными.

... Чуть прояснилось, отряды Даниловича и Игумнова двинулись дальше. Им до темноты нужно добраться к устью Куркуре. Через неделю все отряды сойдутся сюда снова. Хоть бы все сошло у них благополучно! Договариваюсь с Даниловичем, что проберусь к ним через три - четыре дня. Они ведь впервые в таком путешествии».

Впереди у альпинистов еще немало трудных переходов, а мы перенесемся к месту старта восходителей и проследим за спортивной частью экспедиции.

«...Гребень нашей морены - прекрасный обзорный пункт, и к вечеру возможные пути восхождения в основном намечены.

Теперь остается дать безымянным вершинам имена.

Левый, наиболее величественный массив, увенчанный сверху, точно шапкой, тремя вершинами, прикрытыми мощной ледяной толщей, решено назвать в честь пятидесятилетия КПСС.

Соседняя изящная двуглавая вершина, испещренная веером лавинных полос, будет носить имя «Героическая Корея».

Нам, любителям Алтайских гор, всегда хотелось, чтобы одна из лучших вершин носила имя первоисследователя Алтая - В.В. Сапожникова. Его именем решено было назвать вершину, расположенную рядом с Героической Кореей.

Еще в базовом лагере все альпинисты были разбиты на группы.

Уралмашевцы Данилович (руководитель), Андрияшин, Волынец и Курочкин получают задание траверсировать с востока на запад все вершины массива «50 лет КПСС». Восхождение начнется с бокового ледника, протекающего у подножия северо-восточной стены вершины.

Три другие группы должны преодолеть ледопад Мен-Су и с верхнего поля ледника совершить восхождения по северной стене на пик

Героической Кореи со спуском по северо-восточному гребню, на ник В.В. Сапожникова по той же стене и по крутому ледяному юго-западному ребру - на пик Делоне.

На вершину Героической Кореи идет тройка: Анект Пепин, Вася Просвирнин и Володя Усталов.

За группой Ниаза Хакимуллина, в которую входят Вова Худяков и Костя Клецко, закреплен пик Делоне.

Игуменов, Юшин и Леонидов должны траверсировать пик В.В. Сапожникова, который почти целиком скрыт от нас склонами Героической Кореи, и поэтому им самим предстоит выбрать путь для восхождения.

Группы выступили вверх по леднику в хорошую солнечную погоду. Через час отряд Даниловича свернул влево на боковой ледник. Вскоре и остальные отряды затерялись среди нагромождений ледопада.

... На следующий день, с раннего утра, я до кругов в глазах всматривалась по очереди в склоны каждой из вершин, подолгу проверяя в бинокль чернеющие на склонах точки, но они оставались неподвижными.

... Яростно налетевшая гроза часа на два оторвала нас от наблюдательного пункта, но когда дождь прошел и из-за тумана и туч вновь появились вершины, на их белоснежном фоне мы увидели долгожданные движущиеся черточки.

По верхней части ледяного гребня пика Делоне четко перемещались три маленькие фигурки.

На скалах Героической Кореи, недалеко от вершины, вскоре показалась группа Пепина. Они, по-видимому, устраивались здесь на ночевку. Уже в сумерках между первой и второй вершинами показались на несколько минут уралмашевцы, но потом снова скрылись на той стороне склона.

Отряд Игуменова можно было не искать - его вершина почти целиком скрыта от наших глаз.

... Следующий день - 7 августа - был контрольным сроком. Он истекал в восемь часов вечера.

... За три часа до контрольного срока с победой вернулась тройка Ниаза. Немного погодя на леднике снова показалась цепочка людей - возвращались группы Пепина и Игуменова.

Анект, не успев отдышаться, радостно отрапортовал о первовосхождении на обе вершины Героической Кореи. Оно было совершено точно по намеченному маршруту.

По унылому виду тройки Игуменова нетрудно было догадаться, что им не повезло: пик Сапожникова был все время затянут облаками, и группе даже не удалось рассмотреть пути к вершине.

Но почему не видно уралмашевцев, хотя им уже давно пора спускаться? Весь их путь открыт, как на ладони.

День подходил к концу, а уралмашевцев все не было.

... Вскоре где-то рядом обрушился камнепад, а немного погодя послышались голоса, и из-за морены выросли четыре силуэта.

Четверка добрела, еле держась на ногах от усталости. Они

знали, что виноваты, опоздав к контрольному сроку и изменив путь спуска.

... Утром Данилович рассказал подробности восхождения. Пятого августа группа продвигалась успешно и, несмотря на трудности, достигла первой вершины. На другой день пошел снег - в десяти шагах ничего нельзя было разглядеть. Они продолжали восхождение, но в тумане ошиблись и два небольших возвышения на гребне приняли за вторую и третью вершины.

Как полагается, из камней были сложены туры и туда вложили записку о первовосхождении. Утром третьего дня солнце осветило гребень, и группа была неприятно удивлена, обнаружив впереди вершины, которые считались уже пройденными. В этот день истекал контрольный срок, времени оставалось немного. Уралмашевцы решили поднажать и к середине дня сложили туры на настоящих вершинах.

Желая ускорить спуск, восходители спустились прямо вниз, пренебрегая опасностью и запрещением менять маршрут. Это было недопустимо.

... Пришлось самому Арсену, начальнику штаба, заготовить приказ, в котором, несмотря на успешное восхождение, ему выносился строгий выговор. Это было особенно обидно потому, что другие руководители групп получили благодарность.

... Выходим на траверс Белухи. ... Все ниже опускается широкая белая лента ледника Мен-Су, аккуратно окантованная черными боковыми моренами.

По мере приближения к скалам, по которым мы рассчитываем обойти ледопад, поверхность бокового ледника становится все более разорванной. В трещинах целые сталактиты из сосулук. Лед звенит под ударами ледорубов — рубим ступени для выхода на скалы.

... На верхней, почти ровной части ледника, куда мы добрались часам к пяти, четверка Пети Андрияшина остается на ночевку. Завтра они начнут штурмовать отсюда пик В.В. Сапожникова, с которым не повезло при первой попытке. Мы увидимся с ними дней через восемьдесят далеко от этого места - на берегу Кочурлинского озера, где назначен сбор всей экспедиции.

В густом тумане уходим туда, где должна быть снежная перемычка. Снегопад такой сильный, что в нескольких шагах ничего нельзя разобрать. Володя Курочкин и Анект Пепин по очереди прокладывают след в глубоком снегу, прощупывают ледорубом края засыпанных трещин. Пробовали и другие идти первыми, но не у всех это получается - сбиваются в тумане с правильного направления. Темнеет. Подъем становится круче - значит, поднимаемся на гребень. То справа, то слева сквозь снежную пелену чернеют провалы. Лавируя между ними, мы выходим на более пологое место. Вероятно, это и есть перемычка.

Нужно скорей ставить палатки: у нескольких человек заоченели ноги и в пальцах потеряна чувствительность.

Петя Шведов, Вася Просвирнин, Жора Леонидов и Юра Юшин размещаются вместе. Они должны подняться только до пика

Берельского, расположенного на пути к Белухе.

В нашей палатке невероятно тесно. На траверс Белухи идет пятерка: Арсен Данилович, Анект Пепин, Володя Курочкин, Ниаз Хакимуллин и я. Не хотелось тащить лишний груз, и решили обойтись одной палаткой.

Анект и Володя подморозили ноги.

- Живо снимайте ботинки и растирайте пальцы, - покрикивает на них Арсен, который прежде всего заботится о других.

Сам он ковыряется в примусе - там тоже какие-то неполадки.

На этих подробностях начала траверса Белухи мы остановимся, напомнив, что наша книга – это не рассказы о восхождениях. А углубились «в подробности» только затем, чтобы подчеркнуть неординарность условий горовосхождений свердловчан Алтайским летом 1953-го.

Не удержимся мы только от рассказа, как преодолевали первопроходцы траверса Белухи последний сложный этап спуска на ледник Мюшту-Айры.

А сложность состояла в том, что «забить ледовый крюк нельзя, так как лед покрыт толстым слоем снега и фирна. Забитый в снег ледоруб держится ненадежно. Об этом доложил Арсен, спустившись на разведку.

Остается только одно: тому, кто покрепче, стать понадежней, перебросить веревку через плечо и держать изо всех сил. Пока будут спускаться первые, веревку могут держать двое. Но четвертого уже будет держать только один. А как спустится последний?

- Эй, там, сверху, спустите мне веревку по трещине, - кричит Арсен, - я поднимусь к вам обратно.

Я не возражаю. Если веревку будет держать Арсен, он не выпустит ее, каких бы нечеловеческих усилий это ему ни стоило.

Тяжело дыша, красный от напряжения, он показывается из трещины. Пролезть по веревке на руках 25 метров сразу после напряженного спуска нелегко.

Все настроены серьезно. Такой сложный спуск большинство проводит впервые».

И Арсений Кириллович справился, веревку не выпустил. Сам же спустился, закинув петлю веревки на вырубленный ледовый столбик.

Возможно, под впечатлением этого спуска и родился сюжет, изображенный на обложке книги Е. Казаковой (страница 162).

А о том, что было написано на оборотной стороне обложки книги Вы уже прочитали в главе «Год 1946-й».

Завершим рассказ о спортивной части экспедиции еще одним абзацем из книги:

«...Позднее узнали подробности об остальных. Четверка Пети Андрияшина при отвратительной погоде поднялась на пик В.В. Сапожникова - трудное ледовое восхождение по очень крутому профилю.

Спустившись, они дождались группы Шведова и вместе перевалили через седловину в северо-восточном гребне пика Делоне, выведшую их на Аккемский ледник. Этот впервые пройденный маршрут был назван Аккемским перевалом».

А это вот бытовой эпизод экспедиции:

«Затем на «сцену» вышел Жора Леонидов. Никто из нас не подозревал, что Жора - блестящий декламатор. Все знали, что у него хороший слух, и он безукоризненно высвистывает симфонии Бетховена, а сегодня Жора читает «Графа Нулина», да как читает! Как настоящий артист».

В завершение рассказа об алтайской экспедиции приводим две фотографии. На одной из них - путь первопрохождения на вершину пика Уралмаш (4000 м.). Название вершина получила в честь 20-ти летия пуска УЗТМ.

А вот еще одна историческая фотография того времени. В кузове автомобиля секция УПИ перед выездом на Уктус на тренировочные занятия. Стоят: Раша Горлаева и Валерий Овсянников

Год 1954-ый

Ни ведомственные, ни официальные свердловские газеты альпинистской тематикой в 1954 году своих читателей не баловали – всего две публикации. Зато в двух своих выпусках – 25 и 27 августа – газета «На смену» напечатала рассказ начальника экспедиции Е.Масленникова о путешествии группы уральских туристов по Приполярному Уралу.

Мы с удовольствием познакомим нашего Читателя с содержанием этого повествования, тем более, что это касается восхождений на вершины наших Уральских гор.

Обратимся же к первоисточнику, позволив себе некоторые сокращения.

«Приполярный Урал – это малоисследованная, необжитая часть Урала с могучими скалистыми вершинами, трудно проходимой хвойной тайгой, бурными горными реками.

...Ни одному туристу и альпинисту не удалось еще подняться на самые высокие вершины Урала – Народную и Манарагу.

В группу вошли выпускники политехнического института В. Королев и Д. Воробьев, рабочие Верх-Исетского металлургического завода В. Ширинкин и Н. Богданова, преподаватель Камышловской средней школы А. Позняков, выпускник горного института инженер-геолог Г.Кузнецов, студенты педагогического института Р. Александров и Л.Гусельников, медицинского института Л. Сахно, В. Гриневич, Н. Клепинина, лесотехнического института В. Громыхалов, Л. Благодарева, секретарь Молотовского райкома ВЛКСМ Ю. Емельянов.

9 июля наступил день отъезда. Все дальше и дальше увозит нас от Свердловска поезд. Проехали Молотов, Киров, Котлас. Вот и станция Печора. Позади более 2000 км пути. Через несколько часов мы плывем на пароходе «Тургенев» вверх по реке Печоре. По часам – ночь. А на самом деле – настоящий день: не исчезла еще вечерняя заря, как реку озарили первые лучи солнца. В исходной точке нашего маршрута, деревне Аранец, мы пробыли один день. Еще раз проверили продукты и снаряжение: три недели мы будем идти, не встречая населенных пунктов. 15 июля, тщательно уложив двухпудовые рюкзаки, мы в сопровождении проводника двинулись к горе Сабля.

Особенно тяжелыми для нас были первые дни пути. Тропа все время шла по заболоченной тайге, под ногами хлюпала вода, Над нами – тучи комаров и мошек. Надели накомарники, на коротких привалах разжигали костры, но и они помогали плохо.

...Вот и подножие горы Сабля. На много километров протянулась она с юга на север, увенчанная четырнадцатью вершинами-зубцами, покрытая в лощинах снегом. Величественно возвышается главный пик Сабли, кажущийся отсюда неприступным. Наши туристы не отрывают от него глаз: завтра штурмовать!

...Солнце уже было высоко и согрело нашу двадцатиместную палатку, когда раздался свисток дежурного – подъем!.. Через пять километров пути вдоль хребта останавливаемся у подножия гигантской каменной стены, поднимающейся почти отвесно. Это

и есть главный пик. К его вершине – два пути: сначала по крутой заснеженной осыпи к седловине, потом по гребню через цепь каменных пиков – на вершину. Так поднялись наши разведчики. Есть и другой путь – по огромному каменному жолобу-кулуару – прямо в лоб на вершину. Сюда пошла основная группа, встреченная разведчиками, уже бывшими на вершине. За неимением ледорубов у каждого в руках самодельные березовые альпенштоки, с ними хорошо подниматься по снегу и по осыпям. В короткие минуты отдыха оглядываемся кругом. До чего хорошо! На юге от нас – гигантский заснеженный цирк, у его подножия – высокогорное озеро. По всей его поверхности плавают айсберги, со скал спускаются прямо в воду снежные языки и отражаются в его голубом зеркале. А внизу, под нами, – темно-зеленое море тайги с блестящими полосками рек и светло-зелеными прогалинами болот.

Вот и вершина! Наши взгляды сразу устремляются на северо-восток и восток, туда, где протянулись заснеженные, могучие гряды Исследовательского хребта. Находим расположенные за 80 км от нас двугорбую Народную и конусообразную Манарагу.

...25 июля в дождливый и пасмурный день мы перевалили через 1000-метровую гряду Курсомбайского хребта. Вечером этого же дня мы вышли на долгожданную реку Косью, к подножию горы Манараги. Здесь, в верховьях реки Косьи, мы установили свой многодневный бивуак. По нашим планам отсюда мы должны совершать радиальные выходы на три высших вершины Урала – Народную, Манарагу и Колокольню, а затем, построив плоты, спуститься вниз по течению реки до Печорской железной дороги.

Хорошая погода и прекрасное состояние всех участников позволяли надеяться на успех. 26 июля группа поднялась на Манарагу (1820 м) – красивую и труднодоступную уральскую вершину, открытую лишь в 1949 году. Подъем на Манарагу оказался самым тяжелым. Использовали каждую трещину, каждый выступ. Приходилось страховать друг друга веревками. На Манараге совсем не оказалось тура, и на трех ее высших пиках мы оставили свои записки о первовосхождении. Отсюда мы тщательно рассмотрели пути подхода к горе Народной. 27 июля группа отдыхала перед выходом на Народную, а желающие – альпинисты Г. Кузнецов, Н.Клепинина, В.Королев и другие – поднялись на заснеженную Колокольню (1721 м). На обеих вершинах ее также поставили туры с записками о первовосхождении. 28 июля, оставив четырех человек для изготовления плотов, группа вышла в трехдневный поход на гору Народную.

Лагерь разбиваем у самого подножия, на берегу небольшого озерка, на травянистой площадке. Поужинав, засыпаем под шум бурной реки Лимбеко и завывание холодного северного ветра.

Утро разочаровало нас. Вершина Народной была плотно закутана тучами. Решили подниматься в облаках. Через три с половиной часа мы были на вершине. Высотомер показывает 1970 метров, хотя высота Народной, по официальным данным, 1888 метров. В разрывах облаков, плывущих над нами, стараемся рассмотреть окружающие горы. Постепенно облака рассеиваются, появляется солнце. Весь

Приполярный и Полярный Урал открылся перед нами. Незабываемое впечатление! Шумит ветер горных вершин. На север и на юг уходят грандиозные горные хребты. Пишем записку, ставим большой тур с красным вымпелом посередине. Совершенно неожиданно находим бутылку с тремя записками – на Народную до нас поднимались сотрудники Полярно-Уральской экспедиции Академии наук Д.Канин (1937 год), Л.Долгушин (1939) и А.Северцов (1941). (Вот так и нам иногда кажется, что мы – первые и что до нас это никому не удавалось. Ан, нет! Были и до нас и жаждущие, и смелые, и упорные - примечание авторов).

На другой день днем мы уже были в нашем лагере на реке Косью. Весь день ушел на изготовление пяти плотов».

За 16 дней группа прошла 288 км по болотам, тайге и горным склонам. Рассчитывали сплавиться за три дня до железной дороги, но за первые два дня проплыли только 30 км: бурная, порожистая река на каждом перекате держала плоты, а то и переворачивала и разбивала о камни. 2 августа группа бросила плоты и по азимуту прошла по тайге 100 последних километров, выйдя точно на станцию Косью. Молодцы!

Итак, уважаемый Читатель, мы получили сведения о первовосхождениях наших земляков на горы Манарагу и Колокольню, а на Народной, как стало ясно самим восходителям, они были не первыми. Однако нет сомнений в том, что совершенное группой туристов относится к категории значимых, с точки зрения «впервые», и достойных по тому, что им пришлось преодолеть.

И здесь нам хотелось бы коснуться темы взаимоотношений туристов и альпинистов. Большая часть представителей того и другого вида занятий уважительно относятся друг к другу, но встречается еще среди альпинистов и туристов ироничное и, порой, неуважительное отношение одних к другим, что, на наш взгляд, относится к категории, мягко говоря, неумных. По мнению некоторых туристов, пребывание альпинистов длительное время в базовом (альпинистском) лагере – занятие скучное и неинтересное, даже если из этого базового лагеря осуществляются радиальные выходы и совершаются восхождения на окружающие вершины. Ну, а часть альпинистов неразумными и «дурачками» считает многодневные походы туристов с тяжелейшими рюкзаками (до 50 кг) по труднопроходимой местности, да еще и в окружении злобных комаров и мошек. Не признает эта часть альпинистов правомерными притязания горных туристов на святая святых – горные вершины и ледники, считая подготовку туристов недостаточной для безаварийного их преодоления. Что тут скажешь? Мы знаем немало примеров, когда в горы отправлялись недостаточно физически и технически подготовленные альпинисты, которые попадали в аварийные ситуации. Знаем и немало примеров посещения горных вершин группами туристов, прошедших перед этим многокилометровый путь по ледникам и перевалам.

Понятно, что при подъемах на вершины свердловским туристам не пришлось прибегать к особым средствам и техническим приемам,

которые применяются альпинистами во время восхождений по сложным маршрутам, но ведь и начинающие альпинисты, совершая свои первые восхождения, этими проблемами тоже не озадачены.

Очевидно, всем нам надо быть более терпимыми и благожелательными к другому виду занятий и увлечений.

Примером плодотворного и, не побоимся этого слова, благородного сотрудничества представителей туризма и альпинизма в г. Екатеринбурге может служить спонсорская поддержка альпинизма и скалолазания руководителями фирмы «Манарага». Величайшего уважения и благодарности заслуживает помощь фирмы в проведении альпинистских мероприятий как по воспитанию начинающих альпинистов, так и по экипировке элиты российского и мирового альпинизма – наших выдающихся гималайцев-высотников и специалистов по преодолению технически сложных проблемных стенных маршрутов на разных высотах и горных районах мира.

Особая благодарность сотрудникам «Манараги» за поддержку детского и ветеранского скалолазания, мероприятий, посвященных памяти всех наших земляков, а также за освоение новых скал, за новые «пробитые» трассы для лазания с нижней страховкой.

Короткую справку о фирме «Манарага» дал нам ее коммерческий директор Дмитрий Фроленко:

«Компания «Манарага» основана в 1992 году. Специализируется на производстве и продаже снаряжения для экстремального спорта и активного отдыха.

Название компании выбрано не случайно. Основатели стремились отразить в нем красоту и величие родного края. Манарага, красавица-гора приполярного Урала, переводится с мансийского как «Медвежья лапа».

Манарага (1662 м.)

Более 16-ти лет продукция, выпускаемая под маркой «Манарага», известна как профессиональным спортсменам, так и геологам, экологам, охотникам, а также широкому кругу людей, любящих активный отдых и спорт. За это время наше производство специального туристского и альпинистского снаряжения вышло на всероссийский уровень, став крупнейшим на Урале. Сеть магазинов «Манарага» позволяет осуществлять полную экипировку экспедиций, туристских групп, спортивных клубов и секций, спасательных отрядов, подразделений МЧС. Мы привлекаем людей всех возрастов к активному и здоровому образу жизни, помогаем молодым и талантливым спортсменам добиваться высоких результатов. Наша компания не только постоянный спонсор всевозможных городских и областных мероприятий, но и организатор различных соревнований».

От лица всех благодарных говорим сотрудникам фирмы – СПАСИБО!

А завершая тему «туризм-альпинизм», скажем, что авторов этой книги не миновала туристская стезя и что среди предшествовавших поколений замечательных альпинистов и сегодняшних восходителей на высочайшие вершины мира, принесших славу российскому альпинизму, были и есть выходцы из туристской среды, что иной поход, да хотя бы и выше описанный, вполне может быть сравним с высоким уровнем альпинистским восхождением.

И еще об одном, теперь уже альпинистском, первопрохождении нашли мы сообщение на страницах газет 1954-го. Речь пойдет о первовосхождении на безымянную вершину, которой впоследствии было присвоено имя «пик УПИ».

...Северо-Чуйские белки в те годы альпинистами были освоены слабо, на многие их вершины еще не ступала нога человека. В августе москвич Саша Наумов собрал в алтайском а/л «Актру» группу для траверса трех вершин.

Перед выходом на траверс пик Буревестник–ДВС–пик Безымянный (УПИ). Слева направо: Анатолий Лянгасов, Валерий Овсянников и Юрий Юрьев

Весь гребень он просмотрел и решил, что первой вершине надо дать имя студенческого спортобщества «Буревестник». А последней безымянке? Однако обратимся к статье студента 4 курса УПИ Юрия Юрьева,

напечатанной в газете «На смену» 28.11.1954 г. Читаем:

«Нас пятеро: мои товарищи по Уральскому политехническому институту Анатолий Лянгасов и Валерий Овсянников, москвичи Галя и Саша Наумовы.

Ранним утром мы вышли с бивуака (2823 м) у горного озера над ледником Большой Актру. В связках, по очереди идя впереди и выбивая ступени в глубоком снегу, меняемся через каждые сто шагов. Труднее всех приходилось Гале, и на привале мы разгрузили ее рюкзак.

Позади остался перевал Машей. Слышны голоса – это С.Морозов ведет «академиков» на пик имени И.Е. Тамма. Еще два часа – и наша первая вершина взята, в туре остается наша записка: «пик Буревестник»!

Начинаем спуск по его восточной стене. Саша Наумов с края маленькой площадки глянул вниз, там торчали острые выступы черных скал.

- Валера, держи крепче! – и скрылся под обрывом. Мы лезанием спустились за Сашей по зазубренному краю трещины, пересекавшей стену. А погода портилась, черные тучи надвигались с запада. Но спуск слишком сложен, торопиться нельзя. В спешке можно допустить непоправимую ошибку. Здесь, как нигде, нужна выдержка.

На 300 м мы спустились в бушевавшей снежной буре и ногами ощутили ровную снежную перемычку. Дул сильный ветер, идти все труднее, но мы начали подъем ко второй вершине. Склон, то осыпной, то снежный, все круче, а вот и ледовая стена. Пускаем в ход ледорубы, каждый идет с максимальной осторожностью. Каждый наблюдает за товарищем, чтоб вовремя задержать его в случае срыва.

Буря пронесся, снова засияло солнце. К западу от снежно-ледовой высшей точки – выходы скал, на них тур с запиской: «Август 1940 г. Группа инструкторов, впервые поднявшись на эту вершину, назвала ее «пик ДВС» (Дальневосточный строитель). Записка ждала нас 14 лет!

А теперь грозовой фронт надвигается с юго-запада. Надо уходить вниз, но огромный снежный карниз преградил спуск на восток. Полчаса потеряв на поиск обхода, снова собрались на вершине, уже всю кружатся снежинки. Ночевать здесь – перспектива не из приятных...

- Саша, надо все-таки заглянуть, что там под карнизом, - говорит Толя, с тревогой глядя на кромку обрыва. Наш руководитель снимает рюкзак и, прощупывая ледорубом снег под ногами, подходит к краю карниза. За ним тянется капроновая веревка, пропущенная через крюк, вбитый в лед. Сквозь свист ветра доносится голос Саши:

- Будем прорубать карниз!

Прорубать трехметровую толщу снега, нависшую над пропастью, - это слишком рискованно, слишком смело, и года три назад каждый из нас наверняка дрогнул бы: кто знает, когда сорвется этот карниз? Секунды или десятилетия продержатся эти тонны снега на остром скальном гребне? Но сейчас мы спокойны. Нет, это не безразличие к

тому, что ожидало нас впереди. Мы были уверены в успехе, верили в свои силы.

Кругом свистит метель, в десяти шагах ничего не видно. Я поднимаю голову и вдруг чувствую, как волосы вздыбились под шляпой, и словно тысячи игол вонзились в кожу лица. Состояние какое-то странное, кажется, что сейчас произойдет что-то необычное. И действительно, вдруг я чувствую резкую боль в правом боку – там, где прижалось стальное колечко рюкзака. Ледоруб в моих руках начинает тоненько петь – это сюрпризы грозовой тучи, которая густым туманом окутала нас. Мы – в центре ее заряженной атмосферным электричеством массы...

- Как там Саша? – думаю я, и, словно в ответ слышится его голос:

- Бросайте ледорубы и рюкзаки! Спускайтесь на юг!

Согнувшись, уходим на несколько десятков метров с высшей точки, садимся на корточки и пытаемся согреться. Я вспоминаю какую-то смешную историю, но ветер и удары грома заглушают мои слова...

Когда метель стихла, мы по веревке спустились через прорубленную Сашей траншею на крутой восточный склон: слева зияют огромные трещины, справа – ледовые сбросы. Еще полтора часа, и под нашими ногами скальный гребень, уходящий на последнюю вершину – вершину, у которой нет названия, на которой никто еще не был.

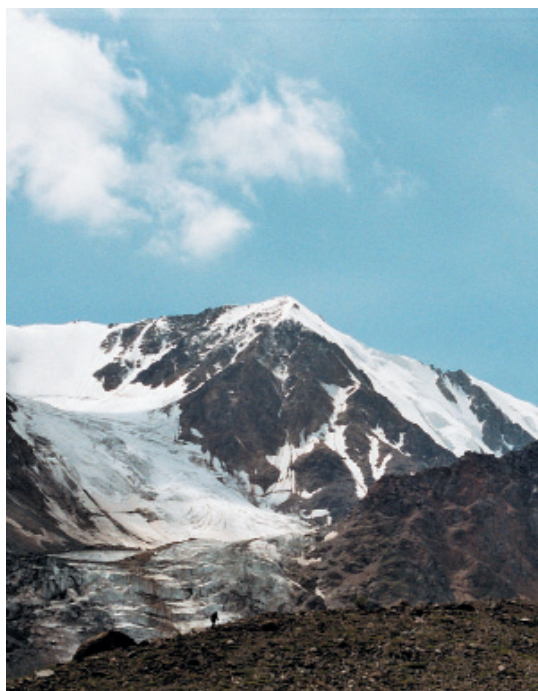
Гребень остр, как лезвие ножа. На нем возвышаются скальные башни – «жандармы». Первую башню обходим, распластавшись по ее гладкой стене, цепляясь за малейшие выступы. За ней в гребне зияет провал – что делать?

Решений несколько, но мы выбираем самое безопасное. На вершину, казавшуюся такой близкой, мы вышли, когда вокруг уже было темно. Снова горы укутались в облака, снова пошел снег. Под пронизывающим ветром расчистили площадку под палатку, начали складывать стенку из камней, чтобы защищаться от бешеных порывов ветра. Мокрые рукавицы заледенели, и руки не держали полотнище палатки, ветер выдергивал его. Наконец, палатка поставлена и закреплена, мы влезли в нее и пытаемся согреться. Я никак не могу развязать шнурки ботинок. Попытки развести керосиновый примус кончаются неудачей. Поужинав без чая, мы, лежа в спальных мешках, вспоминаем все злоключения дня. Пережитые опасности кажутся давно прошедшими. А палатка, несмотря на защитную стенку, дрожит и хлопает на ветру, над ней кружат снежные вихри. А в ста метрах от нас – неизвестная, покоренная нами вершина. Единодушно решаем назвать ее пиком УПИ – в честь нашего института.

Утро встретило нас густым туманом, лениво переливавшимся через нашу вершину, и только в час дня мы увидели путь спуска – последнего и самого сложного.

Один за другим спускаемся по веревке на скальную полочку: Галя, за ней я и Толя...

-Камень!!! – неожиданно кричит вверху Валерий. Мы прижимаемся к холодной стене. Удар над головой! Черная глыба, как мяч, отскакивает

Пик УПИ (3610 м.) Фото С. Бычковского

от выступа над нами и со свистом проносится вниз – горы продолжают «шутить»...

На леднике останавливаемся, оборачиваемся. На скалах слева ревет водопад, а на склоне пика УПИ вспыхивает облачко снежной пыли – лавина. Но нам она уже не страшна – трудная и опасная работа окончена».

Так в условиях нестабильной погоды было благополучно совершено первовосхождение на пик УПИ. Через 51 год этому первовосхождению, будет посвящена альпиниада молодых альпинистов Екатеринбурга – «Алтай-2005».

Потомки не забыли дату «1954»,

и хоть не в год 50-летнего юбилея, а с опозданием, но отдали дань уважения первовосходителям. В 2004 году это не получилось, так как екатеринбуржцами была проведена альпиниада «Эльбрус-2004», посвященная 70-летию первого в истории города выезда свердловчан в горы и восхождению на Эльбрус. Согласитесь, Кавказ в тот год был главнее.

Вернемся, однако, к обзору прессы 1954-го. Газета «ЗТМ» 21 сентября рассказала об экспедиции ВЦСПС на Памир, в состав которой были включены два уралмашевца: Арсений Кириллович Данилович и Петр Александрович Андрияшин.

«Экспедиция ставила своей задачей провести штурм пика Революции высотой 6975 метров. Участники экспедиции прошли по леднику Грум-Гржимайло 38 километров. Переход был связан с большими трудностями, каждый шел с грузом не менее двадцати пяти килограммов.

- Этот ледник, – рассказывает тов. Данилович, – имеет свои особенности и не похож на все остальные, которые мне пришлось встречать ранее. Он наступает на долину.

Участники пробыли в экспедиции два с половиной месяца.»

Газета не подводила итог экспедиции, но мы знаем, что на высоте 6000 метров заболел А.К. Данилович. Положение было критическим, но участникам группы восхождения и вышедшему им навстречу спасотряду удалось благополучно спустить заболевшего вниз.

Все хорошо, что хорошо кончается. Высота коварна и не прощает ни простуд, ни медлительности в вопросах эвакуации, если она

необходима.

А мы предлагаем вернуться на Алтай, в студенческое лето 54-го. Начнем по порядку и с воспоминаний очевидцев и участников событий.

Феликс Кусенко: *«Нам, свердловчанам повезло, что ЦС «Наука» организовал сборы разрядников для освоения района альплагеря «Актру», для чего выделил автобус из альплагеря «Алибек» и увеличил вдвое питание участников. Перед сборами Е. Муравьев, С. Морозов и я решили съездить в альплагерь «Туюк-Су». Поехала с нами и Галина Финогенова. Но спортивный сезон на Тянь-Шане, как оказалось, начинался позже, и, кроме выходов в высокогорную зону, нам ничего не удалось сделать... До Алтая из Алма-Аты добирались на «перекладных» – то товарным, то почтовым.*

Знакомство с нашим руководителем, инструктором Николаем Васильевичем Булгаковым, началось с того, что местное начальство о сборах не знало, а путевок в альплагерь «Актру» у нас, естественно, не было, и Булгакова не хотели посадить в автобус. Морозов отодвинул от двери интеллигентика, руководившего посадкой, мы заняли последние места и всю дорогу горланили песни. На всем Чуйском тракте ничего, кроме трески и чая из бадана, не было, и когда где-то нам попалась яичница, то каждый из нас заказал ее из 10 яиц. После этого Н.В. Булгаков часто говорил, что на морду мы неказисты, но жрать горазды. ...В «Актру» нас ждали нанятые лошади и гора бумажных мешков с сушеными овощами (черная картошка стружками, хрупкие помидоры, морковь, лук и пр.). Нам предстояло путешествие в ущелье Машей, до сих пор мало посещаемое и не освоенное альпинистами. ...Сублиматы в глотку не лезли, и если б не бараны, покорно следовавшие за нашим конным караваном... день – баран, хороший был режим! Сгущенка в банках по 2700 г, тушенка говяжья в банках по 800 г – все это тащили лошади, мы с рюкзаками за ними не поспевали. Большинство из нас лошадей видели только в кино, я один в детдоме научился в телегу запрягать. След у лошади узкий, идти за ней человеку трудно. Перед пересечением осыпи алтайцы, хозяева лошадей, начинали требовать «валюту» – тушенку, она придавала храбрости им или лошадям? Словом, экспедиция в ущелье Машей была настоящей, как на Памире, а снегов наверху оказалось больше, чем в покинутом нами Туюк-Су!

Четвертой в нашу группу вписалась студентка МГУ Ольга Борисовна Михайлова (да-да, не Оля, а Ольга Борисовна – притом, что мы, ее ровесники, звались Серега, Фела, Женечка). Позднее она ввела меня в общество альпиниста Рэма Хохлова, будущего ректора МГУ, а С. Морозова и Е. Муравьева – в знаменитую команду «буревестников» Игоря Ерохина, преподавателя МВТУ.

В МВТУ преподавал и наш инструктор Н.В. Булгаков – личность исключительная. Он постоянно повторял, что не намерен платить алименты нашим родителям, и устраивал демократичное обсуждение достоинств и недостатков (опасностей!) каждого намечаемого первовосхождения. На льду он больше всего боялся закрытых снегом трещин, и коллектив отыскивал самый «без-трещинный» маршрут – а по мере приближения к вершине отвергал его ради наиболее

логичного.

Как попасть из ущелья Машей в верховья ущелья Актру, а оттуда – найти дорогу в лагерь, никто не знал, но перевал такой ОБЯЗАН был найтись – иначе пилить нам от озера обратно весь караванный переход... этого-то мы и боялись во время наших первовосхождений, а больше не боялись ничего и никого, в том числе и Колюни. Так получилось, что за перегибом я первым увидел плато отыскиваемого нами перевала (сейчас – перевал Машей), но расслабился и не протоптал следы в направлении перевальной точки. Н.В. Булгаков поднялся к нам последним, когда видимости уже не было, дал мне конец веревки-сороковки из сизалевых волокон, с другим концом отошел в туман и протоптал круг, выходить из которого нам было запрещено. Поставили мы три палатки дверь к окну, чтоб передавать еду, не вылезая наружу, и два дня пролежали.

Все эти дни я втолковывал Колюне, что собственными глазами видел перевальную точку, что выход на нее – рукой подать!

В конце концов распогодилось, и мы благополучно перевалили в ущелье Актру через открытый нами перевал.»

Пока первопроходители и первооткрыватели ущелья и перевала «перележивали» непогоду, согласованный срок их пребывания за пределами альплагеря неумолимо истекал, и там начались трудные предспасательные хлопоты. Для того чтобы понять, почему трудные, обратимся к воспоминаниям Анатолия Лянгасова.

«Для молодых разрядников, которые рвались в горы покорять новые вершины, бюро секции УПИ летом 1954-го организовало сборы на базе а/л «Актру». Лагерь работал лишь второй сезон, и этот район только начал осваиваться альпинистами. В первую смену туда уехали Евгений Муравьев и Сергей Морозов, а я, Юра Юрьев, Валерий Овсянников и др. получили путевки на вторую смену, с 21 июля.

До Бийска мы добрались поездом. Затем всех приехавших в лагерь разместили в 3-х грузовых машинах, в которые уложили еще продукты и хозяйственные грузы. В памяти осталась живописная дорога по 630-километровому Чуйскому тракту, через два перевала, с которых открывались

Вот в каких вагонах мы ехали по Турксибу из Алма-Аты до Алтая

великолепные горные пейзажи.

Не доезжая нескольких десятков километров до монгольской границы, мы свернули с тракта в сторону гряды Северо-Чуйских белков.

В начале ущелья Актру находилась перевалочная база лагеря, где грузы взгромоздили на лошадей, а мы с собственными вещами и рюкзаками начали подъем по крутой, извилистой тропе (около 12 км) до а/л «Актру».

По прибытию в лагерь нас пригласили помыться в сложенной

Чуйский тракт в хорошую погоду. Фото Ф. Кусенко

из галечных камней баньке. Пар в бане был великолепный! Распаренные, мы ныряли в ледяную воду запруженного рядом ручья. Особо увлекался «нырянием» альпинист из Барнаула Николай, которого на следующий день в бреду с высоченной температурой нам в сопровождении лагерного доктора пришлось транспортировать на носилках вниз, к перевалочной базе. Немного отдохнув от транспортировки и перекусив, в хорошем темпе, подгоняемые инструкторами: «Это очень вам полезно для быстрой акклиматизации!» - двинулись в обратный путь.

Этот вечер, когда мы, изрядно уставшие после транспортировочных работ, поднялись в лагерь, на ужин подали холодец из накануне забитого бычка.

Ужин состоялся в 7 часов вечера, а примерно через час появились первые признаки отравления. К 9 часам вечера обстановка в лагере была ужасной: из каждой палатки доносились душераздирающие стоны, у многих началась рвота, при этом в лагере была полная темнота – электричество отсутствовало, и, главное, в лагере не было врача, доктор остался внизу сопровождал до больницы заболевшего Николая.

К счастью, среди нас оказался студент 5-го курса медицинского института. По его указанию те, у которых желудки оказались покрепче, с чайниками разведенной марганцовки, с керосиновыми фонарями обходили палатку за палаткой и насильно заставляли всех выпивать по 2-3 кружки марганцовки, чтобы промыть желудок. Начали обход с наших ученых и их семей. Постепенно и наши ряды редели, вышли из строя и мы с Юрой. Но меры, предложенные студентом-медиком, оказались своевременными и эффективными, к часу ночи все в лагере забылись тяжелым сном».

Одним из участников тех событий и основным «медбратом» был один из авторов этой книги, который у повара-алтайца по дружбе получил даже «добавку», но ... «устоял», чему и сам потом удивлялся.

А сейчас свяжем успешное открытие перевала Машей с этим печальным событием и посочувствуем пережившим транспортировку и отравление. Снова слово Анатолию Лянгасову:

«Около 6 утра следующего дня нас, разрядников, подняли и попросили срочно получить снаряжение, продукты позавтракать и в 7.50 построиться на линейке для выхода в высокогорную зону с головным спасательным отрядом. Оказалось, что сегодня в 10 часов заканчивается контрольный срок у группы инструкторов и разрядников 1-й смены, которая отправилась 5 дней назад на обследование и совершение восхождений в соседнее ущелье через перевал Машей. Связи с ними нет. В составе этой группы были и наши ребята: С. Морозов, Е. Муравьев, Ф. Кусенко.

Самочувствие отвратительное - приступы тошноты (какой тут завтрак!), головная боль, ноги подгибаются от слабости, но ...за 2 часа до истечения контрольного срока спасательный отряд должен выйти – это закон!

Получили необходимое снаряжение, продукты, пересилив себя, влили в урчащие желудки по кружке кофе (иначе не дойти) и ровно в 8 часов, взвалив на плечи рюкзаки, вышли из лагеря к ночевкам у ледника Актру. До сих пор вспоминаю 4 часа подъема до этих ночевок, как медленную и садистскую пытку над человеческим организмом. Но дошли!! С места ночевок перевал Машей хорошо просматривался. Начальник спасательного отряда, он же тренер наших сборов, мастер спорта по альпинизму А. Чернобровкин отлично понимал, что в таком состоянии мы не сможем сразу начать подъем по леднику на перевал Машей, и дал команду отдыхать, а сам через бинокль стал наблюдать за перевалом. Примерно через полчаса он крикнул, что на перевале появились люди. Мы сразу воспряли духом и начали, считать появляющиеся на перевале черные точки: две, четыре, шесть, восемь! Значит, все целы! Вздых облегчения, и мы бросились разводить костер из дров, собранных на ночевках, чтобы напоить чаем и подкормить спускающуюся с перевала группу.

Через 1,5 часа наши друзья с наслаждением ели подогретое мясо и пили горячий чай, делились впечатлениями о красоте обследованного ущелья и пройденных маршрутов, о тщетных попытках связаться по радиосвязи с лагерем, чтобы сообщить о своей задержке.

Эмоциональный подъем после благополучного возвращения наших товарищей, да и хорошая физическая нагрузка первых дней пребывания в лагере способствовала быстрой акклиматизации и восстановлению молодых организмов. Через 2 дня после описанных событий группа третьеразрядников, включая нас, студентов из УПИ, под руководством тренера А. Чернобровкина вышла из лагеря на первые восхождения. За две недели мы прошли 2 перевала и совершили восхождения на 6 вершин, в том числе два первопрохождения: траверсы вершин Кызылташ и Актру-Баши (3-Б к. тр.)».

Надо сказать, что в предыдущую смену в «Актру» приехала группа московских ученых, возглавляемая будущими академиками Б.Н. Делоне и И.Е. Таммом. Кроме этой группы в лагере был профессор Томского

университета, доктор географических наук, известный гляциолог М.В. Тронов с ассистентами. А опоздавшая спортивная группа, в т. ч. С. Морозов и Е. Муравьев, совершила первовосхождение на безымянную вершину, которую единодушно решили назвать «Пик Тамма».

Потом было первопрохождение траверса трех вершин, описание которого приведено нами ранее.

Слово Сергею Морозову:

«В отделении разрядников у московского инструктора Николая Васильевича Булгакова из УПИ нас было трое: я, Фела и Женечка. Под руководством Колюни (так его за глаза звали москвичи) мы до конца месяца прошли пик Юность (1-Б) и длинный траверс гребня Кошкалыч (1-Б), потом ушли из альплагеря в ущелье Машей. Там совершили первопрохождения на вершины, названные «пик И.Е. Тамма» (3-А), «пик Профсоюзов» (2-Б), «пик А.П. Чехова» (3-Б). Последнюю вершину нам почему-то в справки вписали под местным названием «Катрин-баш». После этих первопрохождений мы первыми прошли в ущелье Актру через Машейский перевал (2-Б).

А в альплагере без нас стряслась страшная трагедия: почти весь состав отравился студнем!

Пережито участниками тех событий было не мало, включался в дело и КГБ, но вернусь в горы и расскажу, как в сезоне 1954-го мне выпала честь руководить первопрохождением на пик И.Е. Тамма по новому маршруту – из ущелья Актру. Сам Игорь Евгеньевич шел в группе ученых, которую я вел.

Многие годы спустя «широкая общественность» узнала, что И.Е. Тамм возглавлял группу физиков-теоретиков, создававших водородную бомбу, испытанную 20 августа 1953 года, и что АДС (великий Андрей Дмитриевич Сахаров) был его аспирантом, прежде чем стать четырежды лауреатом государственной премии.

Вот наша группа на линейке перед выходом:

Слева направо:

- на левом фланге, как положено, руководитель;
- рядом – Н.А. Словохотова (научный работник; как альпинистка, упоминается в первых выпусках ежегодника «Побежденные вершины»);

- И. Е. Тамм, тогда еще член-корр АН СССР, (1895 г.р.);

- В.Л. Карпов, директор физико-химического института им. Л.В. Карпова;

- М.М. Потапова, мастер спорта, врач;

- Б.Н. Делоне, член-корр АН СССР (1890 г.р.), мастер альпинизма (звание присвоено в числе первых довоенных), классификация альпмаршрутов от 1- Б до 5-Б придумана им;

- П.А. Черенков, академик (1904 г.р.); за «эффект Черенкова» Нобелевская премия 1958 г. присуждена ему, И.Е. Тамму и И.М. Франку;

- пара «неизвестных» из сопровождения секретных физиков; но ВСЕХ мер по безопасности И.Е. Тамма и его друзей я не знаю.

Палатки, продукты, топливо, веревки и пр.снаряжение несли участники сами, без поблажек друг другу. На первом же привале мы узнали, что Б.Н. Делоне за всю жизнь не пропустил в горах ни одного водоема, чтоб в нем не искупаться. Врач М.М. Потапова заявила ему, что теперь он будет купаться только под ее наблюдением. Член-корр. попробовал увильнуть: дескать, он человек старорежимный и не имеет ни трусов, ни плавок (шерстяное белье, которое носил Делоне, называлось «егерское». Сейчас бы его назвали термобельем – прим. авторов). Ответ был моментальным: трусы ему на время купания будет выдавать Димуля Черешкин! А Димуля, надо сказать, щеголял в брезентовых штормовых штанах, разорванных сзади и неприлично обнажавших эти самые трусы.

Так и было чуть ли не до перевала Актру: перед каждой лужей Борис Николаевич уходил за камни и появлялся в черных сатиновых трусах «с барского плеча», а Димуля тосковал... На руке член-корра закрепляли тонометр, чтоб он лез в воду, зная, какое у него в этот счастливый момент артериальное давление.

И.Е. Тамм тоже был любителем таких процедур, но ... крепился.

На следующий день после выхода мы добрались по леднику Большой Актру до озера у морены (2823 м), время было обеденное. Для начала сварили кофе. Выглядело это так: проходя мимо кастрюли, каждый лез в нее ложкой, чтоб оценить крепость, называл содержимое «бурдой» и добавлял столовую ложку кофе. Любителей кофе было семеро...

И вот уже все мы приготовились к раннему выходу на вершину, уже ужин съели, стемнело – а у нас «ни в одном глазу»!

Лежим, звезды разглядываем, кто-то кому-то что-то там помогает найти. Иногда обращаются ко мне: «Сережа, у вас глаза молодые – будьте любезны, вот та звезда – двойная или нет? Спасибо большое!»

Конец этим астрономическим изыскам положил здоровяк Карпов:

- А вот лично я уже минут 40 любуюсь задней частью Девы...

В 5 утра – подъем. Врач меряет И.Е. Тамму давление и пульс, расстилает перед палаткой коврик, академик бегаёт на месте, потом снова слово тонометру – и заключение: «Можно выходить на маршрут!»

Идти надо в связках. Когда связывались, обнаружилось, что Черенков, как экспериментатор с крестьянскими корнями, усомнился в надёжности пряжки абалаковского пояса, выданного в лагере. Он надел его на голое тело, подогнал и застегнул, а потом прошёл вкруговую, по-шорницки, сыромятной шитовкой, как конскую сбрую. И с тех пор спит в обвязке!

К 11 часам вышли на перевал Машей. Когда до вершины оставалось метров 20, мне, уже проникнувшемуся царившей в группе атмосферой почтительного отношения к Игорю Евгеньевичу, пришла в голову и была озвучена мысль, что первой ногой, которая ступит на вершину, должна быть нога Тамма.

Сразу же Черенков, вооружённый дорогим фотоаппаратом, попросил дать ему возможность зафиксировать исторический момент вблизи. Карпов (сила сжатия кисти – 80 кг!) страховал через ледоруб, и Черенков по довольно крутому склону пошёл в обход вершины.

Когда у фотографа все было готово, Игорь Евгеньевич пошёл на вершину, но был остановлен в самый последний момент: Черенков потребовал, чтоб тот замер с занесённой ногой – и снимок был сделан!

Из-за ветра рассиживаться на вершине не стали, быстро приспустились в мульдочку метров на 20.

И не напрасно! К коньяку были выставлены: консервированная ветчина, белужий балык, маслины, лимоны, шоколад. Научные мужи стали неукротимы: «А вот там, на западе, рядом с Белухой, есть пик Делоне – красивая вершина!» – ясно, кто эту тему поднял...

Во время этого застолья я сообщил в эфир о нашем достижении; наблюдатель Черешкин ответил, что слышит нас хорошо.

Когда на спуске с перевала я понял, что пик Тамма скоро скроется из глаз, я попросил группу остановиться, чтоб Игорь Евгеньевич полюбовался вершиной...

Потом он подошёл к нам и сказал, что хоть название могут и не утвердить, а все равно приятно: «Калиф, хоть и на час!»

Так мы и спускались, счастливые, разговорчивые – и уже на подходе к стоянке у озера, когда снег на леднике размяк, шедший впереди И.Е. Тамм провалился в трещину.

Я помог ему выбраться, страховали меня Черенков и Карпов. Дальше по морене шли без приключений.

Я переживал свой позор. «Неизвестный» меня утешил:

-Чудак! Да ты теперь – герой! И вся группа – героическая! Кто ж теперь посмеет усомниться в серьёзности восхождения?!

Только что пришедший в себя после отравления лагерь встретил нас торжественно, с цветочками.

Потом был устроен торжественный ужин для инструкторов и гостей лагеря. Пили спирт, разбавленный ледниковой водой.

Выступлений было много: начальник лагеря фронтовик Е. Бобылев, томский членкор-гляциолог М.В. Тронов и др.

В ответном слове Тамм провел польстившую нам параллель:

- В Баварии летом 1914 г. пожилые проводники, муж с женой, ведут нас студентов и говорят: «Господа студенты, мы гарантируем вашу безопасность».

Прошло 40 лет, и теперь студенты гарантировали нашу безопасность!

Об августовском «Актру» многое помнят выпускники УПИ: первовосходители на пик УПИ А. Лянгасов и В. Овсянников; Л.Шлесберг, Ю. Плюхин, М. Кауфман, В. Кусенко, М. Левин, В. Милоголов, С. Типикин; но уже нет Юры Юрьева, Володи Голубева, Мони Аксельрода, Неты Ивановой...»

Да, алтайское лето 54-го для многих свердловчан было значимым и знаковым. Спортивные восхождения, которые в большей части относились к первовосхождениям и первопрохождениям, открытие и прохождение новых путей, экспедиционный вариант подхода к объектам восхождения, та незабываемая аура, которую своим присутствием создала группа академиков и ученых, оставили неизгладимый след и в памяти, и в сознании участников тех событий.

Феликс Кусенко: *«1954-й резко изменил нашу жизнь. Путешествовавшие по Алтаю настоящие «до-хрущевские» академики вместе с будущим Нобелевским лауреатом Игорем Евгеньевичем Таммом разговаривали между собой свободно и на разные темы. Много мне пришлось с ними походить и не только по Алтаю, но и по Кавказу. В разговорах я не участвовал, просто спал в левой стороне у края палатки, которую и таскал. В то время они уже считали, что Хрущев разваливает и страну, и систему в целом. Уже развалил Академию Наук СССР своими решениями и партийным руководством. Разваливает образование, введя всеобщее среднее. Раньше оно было 3-х ступенчатое: начальное обязательное, неполное среднее и полное среднее, которое готовило молодежь к ВУЗу. Как-то разбирал свои архивы (два дипломата и портфель), куда 20 лет не заглядывал. Не нашел ни групповых, ни индивидуальных фотографий как самого Тамма, так и других. Даже Исаака Константиновича, который альпинистом не был. Кто-то хорошо «прошелся» по моим завалам».*

В том году в альплагере «Актру» в качестве начинающего альпиниста побывал студент кафедры обработки металлов давлением (ОМД) металлургического факультета УПИ, в последующем профессор, доктор технических наук, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, член-корреспондент Академии наук СССР Поздеев Александр Александрович.

Предоставим слово Эдуарду Робертовичу Римму, с которым Вы, уважаемый Читатель, познакомились ранее, и с которым А.А. Поздеев учился в одной группе 4 года.

«После окончания УПИ в 1949 году А.А. Поздеев 1,5 года работал на Иркутском машиностроительном заводе, а осенью 1950 поступил в аспирантуру в УПИ на кафедру ОМД. Защитил кандидатскую, а в 1961 году (в 35 лет) докторскую диссертацию.

В 1964-ом переехал в г. Пермь, а год спустя в Пермском политехническом институте организовал кафедру «Динамика и прочность машин», потом – отдел физики полимеров и Институт механики сплошных сред Уральского отделения РАН. Руководил этим институтом до своей кончины в августе 1968 г. Умер во время тренировки на лыжероликах. Его смерть, по-моему, произошла из-за очень жесткой интенсивной тренировки в течение многих лет.

С 15 лет непрерывно тренировался в боксе (чемпион Свердловска), в беге на длинные дистанции (был членом сборной УПИ по легкой атлетике) и лыжах (многократный участник спартакиад «Дружба» – вузов Урала и Сибири), был призером этих соревнований.

Поездкой студентом на Алтай в 1954 году его увлечение альпинизмом не закончилось: в 1958-ом был на сборах альпинистов «Буревестника», которыми в альплагере «Адыл-Су» руководил А.К. Кикоин, был со мной в альплагере «Айлама», где я исполнял обязанности уполномоченного Спорткомитета СССР по Южному Кавказу (ходили вместе в Местию в дом-музей Михаила Хергиани), был на Памире с московским «Буревестником». В 1968 году совершил восхождение на пик Ленина, в группе Рэма Хохлова два раза пытался взойти на пик Коммунизма, но их снимали на спасработы, один раз для помощи бедствующим иностранцам. В 1974 году Александр Александрович был с А.Г. Овчинниковым под пиком Хан-Тенгри на Северном Иньльчеке.

У него не сохранилась альпинистская книжка – ее порвала его жена, которая не хотела, чтобы он ездил в горы, и обвиняла меня в том, что я хочу убить его этими поездками».

В соавторстве А.А. Поздеев написал 5 солидных монографий по теории пластичности, обработке металлов давлением, теории ползучести, определении остаточных напряжений и т.д. Был широко эрудированным ученым. Его именем названа улица в Перми, где ежегодно присуждается премия им. Поздеева среди молодых и ученых со стажем, каждые два года проводятся «Поздеевские чтения» по актуальным проблемам механики».

Задержимся еще немного на воспоминаниях о нашем земляке и предоставим слово ЗМС, МСМК, старшему тренеру Гималайской экспедиции 1982 года Анатолию Георгиевичу Овчинникову, который посвятил Александру Александровичу памятную главу под названием «В горах его сердце» в своей книге «Судьбу и жизнь воссоздавая». Мы приведем ее здесь практически без сокращений.

«1969 год. Памир. Шестерка альпинистов..., среди которых Саша Поздеев. В этот год погодные условия в районах пика Ленина и Заалайского хребта были довольно сложными. Густая облачность, обильные снегопады, сильные ветры, а также обычные альпинистские препятствия – кислородная недостаточность (на высотах, близких к 7000 м, давление воздуха около 300 мм рт.ст.), сложный горный рельеф с закрытыми и открытыми трещинами на ледниках – делали каждое восхождение достаточно проблемным. Надо еще иметь в виду, что в то время склоны пика Ленина не были освоены, как сейчас, а снаряжение, обмундирование альпинистов оставляли желать лучшего.

Однако, несмотря на все преграды, группа довольно быстро поднималась по склонам пика. На высоте примерно 7050 м (чуть ниже «запятой» на гребне Заалайского хребта, восточнее пика Ленина) разбили штурмовой бивуак из двух палаток. Хотя погода была неблагоприятная, альпинисты были уверены, что утром следующего дня они успешно поднимутся на вершину. После ужина, забравшись в теплые пуховые спальные мешки, приготовились ко сну, если можно назвать сном то полудремотное состояние, в котором пребывает даже акклиматизировавшийся человек на высоте более 6500 м. Неожиданно палатка озарилась ярким светом, и раздался оглушительный грохот. Началась сильнейшая гроза в условиях снегопада. Все металлические предметы были мгновенно выброшены из палаток, кроме ледорубов с острыми штырями, на которых стояли палатки. Молнии озаряли гребень и вершину, невообразимый грохот сопровождал эту иллюминацию. Грозовые разряды в горах проходят по площадям. Альпинисты жались к земле. Иногда кто-нибудь выглядывал из мешка, и тогда видели, как его шерстяная шапочка начинала светиться. Гроза продолжалась долго и уже начала затихать, как в палатку, в которой был Саша Поздеев, вкатился сверкающий шар и начал медленно приближаться к его спальному мешку. В следующее мгновение произошел взрыв, все на какой-то миг отключилось. Когда очнулись, услышали стон Саши и Валерия: их сводила судорога, болела поясница. Участники группы были практически недвижимы. Так, в полузабытьи прошло время до рассвета. К утру немного полегчало. Юра Широков приготовил кофе и чай. Аппетита не было, но слегка перекусили. Саша отказался от пищи, его самочувствие было неважным. Широков стал обсуждать вопросы, связанные с транспортировкой Саши вниз. Плохо себя чувствовал и Валерий Зеленин. Саша категорически заявил, что они с Валерием будут спускаться самостоятельно, а остальные должны сходить на вершину, до которой оставалось менее 100 м («на спуске нас догоните»). Он был

уверен, что сможет одеться и идти самостоятельно. Юра Широков неопределенно хмыкнул и заметил: «Посмотрим». Всем, конечно, хотелось побывать на вершине.

К 10 часам все были готовы к выходу. К удивлению и радости оставшейся четверки, Саша и Валерий уверенно пошли по широкому снежному гребню хребта и вскоре скрылись за ближайшим увалом. Это позволило оставшимся совершить восхождение на пик Ленина. В этом поступке Саши проявились его огромное мужество и сила воли. Для него невыносимо было сознавать, что из-за него друзья не смогут подняться на вершину...

Познакомился я с А.А. Поздеевым в конце пятидесятых. Вначале заочно. Однажды в журнале «Вестник машиностроения» прочитал статью, подписанную И.Я. Тарновским и А.А. Поздеевым. И был удивлен, поскольку И.Я. Тарновский обычно использовал метод тонких сечений для анализа технологических задач для обработки давлением. А в этой статье описывался какой-то новый и непонятный для меня метод для решения этих задач. При встрече с М.В. Сторожевым спросил об этом и он мне сказал: «Ты смотри на вторую фамилию, там появился мальчишка Саша Поздеев. Он возмутитель спокойствия».

Наука и спорт – вот главные составляющие его жизненного пути. Он мог часами с увлечением говорить о необходимости развивать вариационные методы решения технологических задач. Со знанием дела рассказывал об исследованиях Геннадия Гунна, применившего метод конформных отображений для решения тех же задач. Он обладал глубокими и разносторонними знаниями, способностью использовать их для решения не только технологических задач в процессе пластического деформирования металлов. Сфера его научной деятельности расширялась. Через несколько лет он стал известным специалистом в области механики деформированного твердого тела.

С неменьшим увлечением он говорил о спорте, которым увлекался с детства (в первую очередь о боксе, легкой атлетике и альпинизме). «Нет мышц, – убеждал он, – которые бы не работали во время бега. А легкие и сердечно-сосудистая система? Сколько надо подать кислорода во все части тела и сколько надо перекачать крови, чтобы обеспечить возможность бега в течение нескольких часов... Еще в Древнем Риме знали о пользе бега. Сенаторы и патриции, не говоря о воинах, обязательно должны были заниматься бегом». Подчеркивал, что в процессе бега его мозг отлично работал: обдумывал ту или иную методику, намечал планы и т.д.

Он шел в горы не только для того, чтобы испытать себя, но еще и для того, чтобы насладиться красотами горной природы, которые часто бывают неопишуты. Во время восхода и заката солнца сменяется тональность окраски горных вершин, что любил

наблюдать Александр Александрович. Штормовая погода в горах тоже привлекательна (особенно, если наблюдаешь внизу, в долине). Быстро несущиеся темные облака сменяются окнами, через которые солнечные лучи освещают время от времени горный рельеф. Совершал он походы в горы Памира и Тянь-Шаня (с альпинистами московского «Буревестника»), во время которых были и суровые испытания. Такие походы ему более запоминались, и впоследствии он любил о них рассказывать своим друзьям в Перми.

Он очень много знал. Любил рассказывать о черных дырах, озоновом слое, парниковом эффекте и о многом другом в аудитории, маленьких палатках и у костра в походе. Его с интересом слушали, задавали вопросы и вступали с ним в дискуссии. О себе он оставил добрую память. И сейчас альпинисты-тренеры в международном альпинистском лагере, где-нибудь на поляне Фортамбек, на леднике Москвина или под пиком Ленина, нет-нет да и вспомнят, как он говорил, что в любой обстановке надо проявлять активность, силу воли и настойчивость в достижении цели. А если это говорят альпинисты, то уверен – время, проведенное Александром Александровичем среди них, что-то значит».

В ноябре 1954 года новичков было много, но один из них очень дорог тому из авторов, чья жена уверена, что сделала неправильный выбор (а возможность - была).

Станислав Типикин. Фото Л. Шлесберга

Станислав Типикин... он написал нам в помощь прекрасное письмо. Мы начнем с того места, которое нам особенно приятно:

«Большое спасибо Вам за книгу и автограф (это про первую книгу – прим. авторов). Прочитал ее на одном дыхании. Понравилось все: и содержание, и построение материала, и оформление книги. Впечатлен огромным трудом, вложенным Вами в поиск интереснейшего исторического материала. Ведь 50 лет назад, когда мы пришли в альпинизм, ни я, ни мои друзья не имели никаких знаний о своих довоенных предшественниках на Урале. А уж сегодняшние альпинисты тем более. И только благодаря Вашему подвижничеству имена зачинателей уральского альпинизма воскресли из небытия. Большое спасибо Вам за это и низкий поклон! Извините меня за невольную пафосность, но это я говорю от всей души».

Последующее хвалебное мы пропустим, а обратимся к содержащему исторические сведения.

«Еще раз я перерыл свои старые бумаги и нашел несколько сохранившихся фотографий, которые и посылаю Вам. Мне очень хотелось показать Вам, как выглядели в молодости лица некоторых из моих современников, а ваших предшественников, по альпсекции УПИ, в том числе и Ваш соавтор по книге, а для меня один из моих близких в прошлом друзей, Мишаня Левин. К сожалению, жизнь рано разбросала нас в разные стороны, но я всех ребят помню, как будто мы были вместе еще вчера.

Михаил Левин образца 1955-го года

Каждая из этих фотографий вызывает у меня целую гамму воспоминаний. К примеру, фото Михаила. Я снял его на Алтае в верховьях ущелья Шавло.

А дело было так.

В 1955 году приехавший в а/л «Актру» известный исследователь Алтая профессор Тронов вместе со своими друзьями решили совершить конную прогулку к началу ущелья Шавло, в котором с 1914 года никто не бывал и о котором ничего не было известно, кроме того, что там есть красивые вершины, озера и медведи. Руководство альплагеря решило послать с академиками небольшую группу во главе с московским мастером

Вадимом Андреевым с целью альпинистской рекогносцировки пока еще неизвестного района. Группа, в составе которой были и мы с Михаилом, не избежав острых приключений, поднялась по ущелью, присмотрелась к еще нетронутым вершинам и вновь открытым перевалом спустилась в ущ. Карагем. Позднее В. Андреев написал мне, что материалы нашего похода оказали большую помощь альпинистам АН СССР (Е. Тамму) в подготовке их альпиниады в этот район, в ходе которой было сделано много первовосхождений, в т.ч. 5-й к. тр.

Этот пример я привел с целью подчеркнуть свою солидарность с Вами, что каждому, если покопаться в памяти, есть что вспомнить и рассказать, даже по прошествии 50 лет. Но уговорить кого-либо что-либо написать на бумаге очень трудно. Чтобы этого добиться, нужно иметь дьявольское терпение и упорство».

Опять приятно, но лучше про Абрама Константиновича.

«А.К. Кикоин был для нас, студентов и альпинистов, кумиром в

абсолютном значении этого слова. Эрудит энциклопедического уровня, блестящий лектор и собеседник, интеллигент до мозга костей, жизнелюб, тонкий ценитель юмора, душа компании, исключительно обаятельный и при всем этом беспредельно влюбленный в горы человек. Мне довелось часто встречаться с АК в период подготовки первой альпиниады УПИ, в том числе и бывать у него дома. У АК был академического издания крупномасштабный атлас, и по нему он помогал нам определиться с районом альпиниады.

А редкие, к сожалению, появления Абрама Константиновича на Азовке встречались нами всегда бурными ликованиями. В майские праздники он всегда, будучи поднятым в беседке на березу, приветствовал демонстрацию всех находящихся на горе команд. Каждый вечер все стекались к общему костру, и песни звучали до глубокой ночи. А заканчивались традиционно эти посиделки любимой песней АК «Анечка, душечка, где ты была?..», которую он сам с чувством запевал, а мы подхватывали.»

А теперь про Земерова.

«Ну, а с Володией Земеровым и его командой металлургов мы (УПИшники) были постоянными соперниками, т.к. представляли разные спортивные общества. Со свойственными молодым людям максимализмом и амбициозностью мы все никак не могли определиться, кто же из нас «самее». При каждом случае подначивали друг друга. Особенно это проявлялось в различных соревнованиях. В наших спорах всегда, как нам казалось, верх брали мы, но это, видимо, только потому, что по численности нас всегда было в 10 раз больше. И хотя какой-то неприязни между нами никогда не возникало, свои палатки на Азовке металлурги всегда почему-то ставили в стороне от нас. В. Земеров, безусловно, был замечательным организатором и сильным спортсменом».

И, конечно, о своих, Упийцах.

«Наиболее яркими личностями (лидерами) в институтской альпсекции в знакомый мне период с 1955 по 1960 год, наиболее влиявшими на спортивный и моральный климат в коллективе, были, по моему личному мнению: А.К. Кикоин, Е. Муравьев, С. Морозов, М. Аксельрод, М. Левин и С. Согрин. При этом я ни в коей мере не хочу принизить вклад в жизнь секции других замечательных ребят и девочек. Кстати, у нас были тесные связи с альпинистами из

Азовка 1955 год. Слева – А.С. Типикин, справа – один из сильнейших скалолазов того времени С. Винокуров

медицинского института. Они участвовали во всех наших мероприятиях и мы по праву считали их своими.

Из публиковавшегося на Вашем сайте в Интернете списка альпинистов почему-то выпал Сергей Винокуров (см. фотографии).

Учась в УПИ, он стал значкистом, а затем и разрядником.

В 1955-1956 годах он наряду с Р. Трубниковым входил в число сильнейших скалолазов УПИ. Это уже после него слава сильнейших перешла к В Голубеву и Г.Манакову. Если память мне не изменяет, опыт скалолазания Сергей получил еще до института на красноярских Столбах. Как сложилась его жизнь в дальнейшем, я не знаю.»

А это тоже о своих, но уже из другого его письма.

«С. Морозов, Е. Муравьев, Ф. Кусенко - неразлучная троица, которую мы все прямо обожали. Наши и тренеры, и судьи, и воспитатели, и просто великолепные парни.

М. Левин – заводила и великий хохмач. Эрудит и самый наш музыкальный.

М. Аксельрод – наша совесть и защитник. Пользовался непререкаемым авторитетом и у альпинистов, и у туристов.

С.Согрин – отличный организатор. Бессменный лидер крыла альпсекции, которое составляла пришедшая за ним из туризма группа сильных, перспективных ребят, достигших впоследствии больших успехов в альпинизме.

Организующим центром, а фактически альпинистским клубом была квартира Е. Муравьева на ул. Радищева. Там перебивали практически все альпинисты Свердловска, не говоря уже о нас. Бывали и гости из Москвы. До сих пор удивляюсь, как весь этот бедлам в доме в течение многих лет безропотно выносила мама Жени, замечательнейшая женщина».

Перейдем потихоньку к теме альпинизма и попытаемся прочувствовать атмосферу того времени.

«Я пришел в альпинизм в середине 50-х годов. Сам дух его был наполнен еще героикой недавно закончившейся войны (в штате альплагерей даже была должность зам. начальника лагеря по патриотическому воспитанию), а также ощущением какой-то светлой романтики открывавшихся перспектив познания мира высоких гор. Именно такое впечатление осталось у меня, новичка, от того, что я услышал на первой встрече со своими будущими наставниками в альпинизме А.К. Кикоиным, Е.А. Муравьевым и С.А. Морозовым. И этот дух романтизма мы старались поддерживать в альпсекции УПИ в течение всего времени нашего пребывания в стенах института.

Все мы стремились в горы, прежде всего, за получением эстетического удовлетворения, но при этом каждый из нас, начинающих, мечтал в душе о том, чтобы начать поскорей набирать количество вершин, определяемое разрядными нормативами. Но погоня за разрядами считалась тогда дурным тоном и не одобрялась нашими наставниками. Да и планы работы а/лагерей строились тогда так, что третьеразряднику для выполнения нормы 2-го разряда требовалось

не менее 2-3 смен (это при условии хорошей погоды), а для многих это было равнозначно такому же количеству сезонов. Ставка делалась на постепенный, осмысленный набор опыта. Также дурным тоном считалось бросание такими фразами, как «сбегал на вершину». Насторого удерживали в определенных дисциплинарных и этических рамках и мне кажется, что это было правильно: будь ты хоть кем, но высокие горы – это иной, непознанный мир и, будь добр, относись к нему уважительно, трепетно. Мы, новички, были сырым материалом и, естественно, глубоко и надолго впитывали уроки, даваемые нам нашими наставниками. Как видите, я их помню и по сей день.

Вторая половина 50-х явилась своего рода рубежом коренных изменений в альпинизме, переходом его из полупатриархальной, романтической фазы в явно выраженную спортивную и более прагматичную. Изменения требовали и от нас более ответственно готовиться к выезду в горы и в этом же духе строить свои отношения в альпсекции. Но ведь романтику не вытравишь из души искусственно, да и не нужно было это делать. Поэтому мы оставались романтиками, но уже с более жестким спортивным уклоном.

До 1956 года в активе личных достижений у альпинистов УПИ восхождений 5-й категории не было. Но шло постепенное накопление спортивного потенциала и наращивания мускулов. И первыми «выстрелили», как это ожидалось, Евгений Муравьев и Сергей Морозов. И как выстрелили! Траверс Ушбы 1956 года и лучшее высотное восхождение 1958-го в стране – траверс п. Победы в составе команды И. Ерохина. Мы радовались не меньше восходителей, ведь это был прорыв НАШИХ к высотам мастерства и, своего рода, стартовый сигнал для следующих. И сигнал был услышан. В 1959 году в альплагере «Талгар» «пятерочные» маршруты прошли уже 9 альпинистов УПИ, причем большинство из них – из команды С. Согрина, а в следующем году команда в составе Ю. Смирнов, В. Крылов, Г. Соловьев и В. Шкодин на базе лагеря «Туюк-Су» совершили уже по три «пятерочных» восхождения в течение одного сезона.

Это уже было предвестником больших дел в будущем.

Не знаю, чем объяснить: то ли это было веление времени, то ли удачное стечение обстоятельств, но в альпсекции УПИ в 50-х годах сложился на редкость дружный, дееспособный коллектив. наших спортивных и духовных лидеров я уже называл. Был у нас и девичий «стержень», в котором наиболее выделялись Раша Горлаева, Галя Финогенова, Нета Иванова, Люся Сафонова (Муравьева), по активности

Антуанетта Иванова.
Фото Л. Шлесберга

они ни в чем не уступали ребятам. Костяк секции составляли братья Ф. и В. Кусенко, А. Лянгасов, Ю. Юрьев, Р. Трубников, Л. Шлесберг и Ю. Плюхин (мы их ласково называли «Шлёпсы»), Л. Слобцов, В. Голубев, И. Тацienко.

Альпсекция как бы сроднила нас. Мы встречались друг с другом практически ежедневно в перерывы между лекциями. Место встречи было традиционное – возле Спортклуба. После лекций часто собирались в какой-нибудь свободной аудитории или перебирались в институтские общежития, где жило большинство членов нашей секции. Поводов и тем для общения всегда было в избытке.

Мы устраивали коллективные походы и просто прогулки по Втузгородку обязательно с распеванием альпинистских песен. Мы не стеснялись своей непосредственностью. Круг других развлечений был в то время очень ограничен, но нас это не трогало, нам было удобно и весело в своем коллективе.

... Было стремление создавать свои устойчивые спортивные группы. Очень дружную и сильную команду собрал вокруг себя Сергей Согрин (в нее входили С. Мерцалов, О. Гребенник, В. Скачков, Ю. Галанин, А. Захариков и др.)

В то же время начала сколачиваться еще одна сильная команда под лидерством Ю. Смирнова и В. Крылова с участием Г. Соловьева и В. Шкодина».

Далее Станислав Иванович описал трудности организации первой УПИЙской альпиниады 1958 года, идея проведения которой возникала под влиянием рассказов Е. Муравьева и С. Морозова о московской альпиниаде, рассказал о работе альпсекции УПИ, которую возглавлял в 1958-1959 годах. Оставить после себя дееспособный коллектив, наметить перспективы количественного и качественного роста, не допустить утраты традиций, в основе которых были дух романтизма, товарищества, комфортного психологического климата, поддержать стремление к спортивному росту, к активному участию в жизни секции всех ее членов – вот что было заботой руководящего состава секции того периода.

С грустью пишет он о вынужденном расставании с горами.

«В альпинизме мне, к глубокому сожалению, не повезло. Добрался только до 2-го разряда, в 1959 году окончил школу инструкторов в «Джан-тугане», стажировался в а/лагерях «Актру», «Джайлык». А затем Родина-мать в лице вышестоящих начальников потребовала от меня: хватит разгуливать по горам, пора трудиться, засучив рукава. И вот уже прошло более 40 лет с тех пор, как я в последний раз был в больших горах, но страсть осталась. И в анкетах в графе «Ваше хобби?» я продолжаю писать: «альпинизм».

После окончания в 1960 году физико-технического факультета, Станислав Александрович три года работал в судостроении (принимал участие в сдаче флоту первой на Дальнем Востоке атомной подводной лодки). Вернувшись на Урал, 10 лет проработал на Белоярской АЭС, а в 1973 году с должности зам. главного инженера БАЭС был переведен в Москву. 32 года в системе Минатома занимался внешнеэкономическим сотрудничеством.

В должности зам. начальника ВО «Зарубежатомэнергострой» участвовал в сооружении АЭС в странах Восточной Европы, на Кубе и в Иране. Три года работал в Финляндии начальником управления на строительстве АЭС. Работал зам. генерального директора «Атомстройэкспорт». С 2005 года – пенсионер.

Спасибо Вам, ветеран Минатома, за помощь и поддержку! Здоровья и долгих лет жизни! Сочувствуем по поводу раннего отлучения от альпинизма.

Завершить разговор со Станиславом Александровичем Типикиным мы хотим на ностальгической ноте, представив Вам, уважаемый Читатель, его мнение о теперешнем альпинизме, мнение, которое совершенно созвучно нашему.

«Альпинизм сегодняшнего дня совершенно не похож на тот, которым мы увлекались и занимались 50 лет назад. Он много выиграл, достигнув фантастических спортивных высот, но при этом и много потерял, став более жестким, более прагматичным. Конечно, коренные изменения в альпинизме были неизбежны в процессе его развития. Такова логика жизни. Жалко только, что с коммерциализацией альпинизма теряется его возвышенная, эстетическая сущность. Мое поколение прошло чрез романтический альпинизм, мы впитали в себя на всю жизнь восторженное, трепетное отношение к миру высоких гор. И очень хотелось бы, чтобы такие чувства воспитывались и у сегодняшнего, и у последующих поколений начинающих альпинистов».

Воспоминания Станислава Александровича, в которых прозвучали грустные нотки, подтолкнули нас, тем не менее, к оптимистическим размышлениям и заключениям. Если Вы, уважаемый Читатель, ознакомитесь с содержанием этой книги «не выборочно», не через две-три страницы, то безусловно обратите внимание на то, что очень многим альпинистам тех поколений был присущ дух СОЗИДАНИЯ. Созидали и в области науки, и в области конкретного производства. Одним удавалось созидать, не расставаясь с горами, другим, как герою последних строк – нет, но большинство и тех и других до сих пор предано и делу, и увлечению молодости.

Не все альпинисты последующего поколения устояли перед соблазном воспользоваться неразберихой перестройки в корыстных целях. Есть пример хитроумного захвата в личную собственность здания и умышленного развала организации под предлогом создавшейся в стране тяжелой экономической ситуации (и не без помощи, конечно, процветающей государственной глупости).

А дальше – сдача в аренду помещений своим же работникам, которых вынудили уволиться и создать новую организацию с почти тем же названием.

Этому нет оправдания, т.к. в то же историческое время и в тех же экономических условиях его однокурсник создает и расширяет фирму, близкую разрушенной по роду деятельности и профилю.

Справедливо утверждение – в жизни всегда есть место подвигу. Очевидно, что есть место и противоположному.

Для того чтобы рассказать о другом новичке 1954 года обратимся к его заметке в газете ЗИК от 11.01.64 г. под заголовком «Школа мужества и молодости».

«В 1950 году я как-то вдруг обнаружил, что существует альпинизм. Нашлись знакомые и друзья, занимающиеся альпинизмом. Из расспросов ничего выяснить не удалось.

...К сожалению, в том году удалось побывать только в туристском походе по Кавказскому заповеднику. Кругом прекрасная природа, попытки купания в бурной горной реке Белой, несмотря на запреты директора турбазы, совсем рядом белоснежные горы. На первое время туризм победил...

Вершина имени Маншук Маметовой

В 1954 году туристские «заблуждения» были разбиты. Тянь-Шань. Альпинистский лагерь «Туюк-Су». Высота больше двух тысяч метров над уровнем моря. Последние километры перед лагерем проходим пешком. Начинается дождь. Под ногами хлюпает грязь. Рюкзак с каждым шагом становится ненавистнее. Вечер. Ничего не видно. Новички, идущие с чемоданами в руках, уже перестали жалеть, что поехали в альпинистский лагерь, а проклинаят свое появление на свет.

Утром оказалось, что лагерь расположен в живописной местности. Рядом течет река, состоящая из сплошной пены, вокруг знаменитые тянь-шаньские ели. В течение двадцати дней жизнь была наполнена учебой, повышенной физической нагрузкой,

тренировками. А как здорово каждое утро с головы до пят умыться ледяной водой из горной реки!

Даже при желании невозможно начать киснуть. Никто не чихает, хотя ухитряемся среди лета вымокнуть под дождем, покрыться сосульками внутри тучи мокрого снега и высохнуть под палящим солнцем. С каждым днем прибавляются силы. Кажется, что непрерывно молодеешь.

В конце смены зачетное восхождение на вершину Маншук Маметовой, высота которой 4500 метров. Незабываемые картины природы. Чудесный горный воздух...

А разве можно забыть заключительный вечер альпинистской

художественной самодеятельности! Рассказы-воспоминания лагерного радиста о сражениях в горах Кавказа с немецкими «эдельвейсами». Задушевные альпинистские песни: «Баксанская», «Барбарисовый куст» и десятки (нет, больше – сотни) других.»

Далее автор, а это инструктор альпинизма, завкафедрой вычислительной техники УПИ, кандидат технических наук Виктор Михайлович Кирпичников, пишет о том, что связывает альпинизм с определениями, вынесенными им в заголовок заметки. Говорит о том, что «надо иметь немало мужества, чтобы на животе переползти по снежному мостику в полметра толщиной над бездонной трещиной в леднике», чтобы «...спуститься с такой высоты, как с крыши бытового комбината по ул. 8 марта, висая в воздухе на веревке, а там, где должна быть земля, висит еще одна 40-метровая веревка, и под ней еще целый десяток», чтобы «...если один в связке поскользнулся на гребне и покатился в одну сторону, другой тут же должен прыгнуть с гребня на другую с целью не дать упасть напарнику», что горы «на самом деле зовут» и что «альпинисты молоды душой и телом и в 40, и в 50 лет».

Завершается же заметка призывом: «Приходите на тренировки, поезжайте в горы, занимайтесь и вы альпинизмом. Уверю вас – никогда не пожалеете!».

Нам не удалось отыскать Виктора Михайловича. Его следы затерялись в Минске. На письма, отправленные по адресу, предоставленному адресным бюро Минска, и по адресу, данному нам в Екатеринбургском представительстве Белоруссии, ответа мы не получили.

Зато получили 45 страниц рукописного текста от еще одного «новичка» 1954-го – Эммы Григорьевны Согриной.

В качестве анонса предоставим слово самой героине:

«Подводя итог годам, прожитым среди гор, людей, увлеченных альпинизмом, я думаю, что жизнь моя была интересной, насыщенной и небесполезной.»

С самого раннего детства магнит гор держал меня, да и до сих пор держит.

Судьба подарила мне много прекрасных вершин. И всегда восхождение на любую из них я воспринимала, как счастье. Поэтому я всегда понимала людей, жаждущих восхождения, и не препятствовала им.

Так уж получилось, что большую часть своих восхождений я проделала в качестве руководителя, отвечая за все и, прежде всего, за безопасность и моральный «климат» в группе. Теперь не без гордости могу сказать, что все, с кем я ходила, не знали никаких ЧП и разлада».

Но... не все в жизни было так просто... Родители – выпускники Томского университета – с группой энтузиастов организовали на Алтае первую коммуны с романтическим названием «Майское утро», переименованное впоследствии в «Титово». Во главе коммуны были Н. Торопов, Г.Н.

Скворцов (отец Эммы Григорьевны) и С. Титов (отец будущего космонавта Германа Титова). В этой коммуне родилась Э. Согрина, однако семейное счастье длилось не долго. Родители и Н. Торопов были арестованы. Мать через несколько месяцев освободили, что помогло детям избежать детдома. Они покинули «Майское утро», но матери подолгу, а она была учительницей русского языка и литературы, нигде работать не удавалось. Война застала в глухой алтайской деревушке, а после войны – снова переселения: «черное пятно» гнало дальше и дальше, в конце концов, Таджикистан и г. Душанбе. О судьбе отца и семьи Эмма Григорьевна узнала гораздо позже – старшая сестра и мать оберегали ее и ничего не рассказывали.

Будучи студенткой Таджикского госуниверситета, в 1954 году прочитала объявление о наборе в секцию альпинизма и в первый же год выполнила норматив третьего спортивного разряда.

Детство, проведенное на Алтае в деревенских заботах и работах, в ягодных и грибных сезонах, красота Алтайского края, душанбинские тренировки в акробатике и конном спорте (барьерные скачки) закалили дух и тело, и поэтому новоиспеченного альпиниста не напугала ни отличная от алтайских суровость памирских гор, ни тяготы и опасности альпинистских буден. Горы стали частью ее жизни. Выбору способствовали наставники: в Душанбе – Карл Семенович Фрусин, в альплагере – замечательные инструктора из Москвы во главе с начучем Сан Санычем Кузнецовым, «изящным, стройным, в шляпе с пером и кожаных австрийских шортах».

После окончания университета – работа в школе, приобщение детей к походной жизни. В одном из таких походов на базе альплагера «Варзоб» в верховье р. Сиамы с перевала «Четырех» юным путешественникам открылся вид на завораживающую своей красотой вершину «Мечта» (так ее, по мнению Э. Согриной, окрестил А.А. Кузнецов, а по нашим сведениям, – Вадим Андреев в 1956 году).

Этот поход завершился присвоением 28 его участникам звания «Турист СССР», так как по возрасту они еще не имели права заниматься альпинизмом.

Подготовка в альплагере «Варзоб» такого количества туристов вызвала удивление ответственного секретаря Федерации альпинизма СССР А.П. Каспина, однако, разобравшись, он посоветовал Согриной обязательно окончить школу инструкторов альпинизма, что она и сделала в 1959 году в альплагере «Талгар».

Зима 1960-го принесла новый поворот в судьбе нашей героини. Будучи по путевке в горнолыжном лагере «Горельник», она встретилась со студентами-альпинистами УПИ из Свердловска.

«Их было довольно много. Сильные, хорошо тренированные, веселые ребята. Среди них был и Сергей Согрин. Он выделялся среди других своей альпинистской зрелостью и серьезностью. Его внешний

и внутренний мир очень импонировал мне. Он и еще трое (В.Шкодин, В.Крылов и Ю. Смирнов) собрались идти на пик Комсомола по маршруту 5 к. тр., а руководителем, представьте себе, был мой тренер по школе Юрий Васильевич Колчигин.

Но мне с ними нельзя, еще не имею права ходить на «пятерки». Зато с другими – пожалуйста. Это были значкисты и третьеразрядники. Получилась целая группа: Борис Слобцов, Юра Акшенцев, Толя Ситников, Володя Лобанов, Валера Абезгауз и я в роли руководителя. С ними мы прошли несколько маршрутов в районе альплагеря «Туюк-Су». Погода стояла отличная: небольшой мороз, сверкающий на солнце снег. Дышится легко, идти не жарко, а красота вокруг неопишуемая! Этот район как нельзя лучше подходит для зимних восхождений.

С «упийцами» у меня завязалась крепкая дружба...

Летом по договоренности с Согриным я вновь поехала в Туюк-Су как рядовая второразрядница (зимой я «закрыла» второй разряд), а инструкторского удостоверения я еще не получила. Но Сергей со своей группой не смог приехать на эту смену, и я оказалась единственной второразрядницей во всем лагере. Что делать?

Начуч лагеря, Анвар Хасанович Алексеев, предложил мне взять группу третьеразрядников и ходить с ними в постоянном составе всю смену. Я согласилась. В лагере опять оказались ребята из УПИ. В мою группу вошли Валя Томилова (Мартюшева), Гена Яковлев, четвертым был альпинист из Барнаула.

Для этой группы я стала настоящим инструктором: сначала на занятиях, а потом и на восхождениях. Для меня же это стало настоящей, лучшей школой альпинизма, где все на маршруте приходилось решать и делать самой.

Наша группа была, наверное, в лагере лучшей, так как начуч доверял мне и даже против всяких правил иногда давал разрешение на несколько восхождений без возвращения в лагерь для разборов, и мы не подводили его. В пересменок я сводила группу на вершину Маншук Маметовой по 3-Б. В группе были Кира Гребенник (Ободова) и Таня Зиновьева (Андреева).

К следующей смене приехали Согрин, Крылов, Смирнов и Борис Слобцов. Вместе с ними я прошла все имеющиеся в этом районе маршруты 4 к. тр. и выполнила 1 спортивный разряд.

Осенью я переехала в г.Свердловск и стала женой Сергея Согрина.

Влившись в коллектив свердловских альпинистов, я почувствовала, насколько серьезнее, ответственнее относились они к подготовке встречи с горами. Это и забота о снаряжении, тренировки на Азов-горе с прохождением сложных участков с применением лесенок и других искусственных точек опоры, изучение специальной литературы и многое другое. Такого у нас в Душанбе не было.

С 1961 года мы с мужем, получив инструкторские удостоверения,

начали работать в альплагере «Талгар». Самое интересное заключалось в том, что я, начинающий инструктор, стала сразу работать с разрядниками.

В «Талгаре» мы встретились с человеком, который определил на все времена наше отношение к инструкторской работе. Это был Илья Александрович Мартынов. Его требовательность, четкость в работе, эрудиция, требовательность к себе стали и нашими основными качествами.

На базе «Талгара» в одну из смен мы провели еще спортивный сбор нашей секции.

На этом сборе я впервые начала ходить на маршруты 5 к. тр. Первым был стенной маршрут на Кара-Тау. Я прошла его в двойке с Володей Крыловым. Мы прошли его быстро и четко, изумив этим первопроходителей, которые шли его с двумя ночевками.

Следующим был траверс Талгара – высшей точки района. Вот тут-то я «наелась досыта» снега и льда. Пожалуй, не было больше в моей альпинистской жизни более трудного маршрута. Пошла без кошек, а отсюда были и неуверенность, и вся маета...

Зимой этого же года у нас был еще один сбор в районе Туюк-Су, где я выполнила нормы мастера спорта. Но первым из нас, кому было присвоено звание мастера спорта, был Володя Крылов, и он вполне заслуживал это. Очень спортивный, целеустремленный, хотя и самый молодой из нас».

Вот так неожиданно, уважаемый Читатель, из рассказа Эммы Григорьевны Согриной на страницах этой книги возникли фамилии и имена тех, ради которых один из авторов (тот, что помоложе) и затеял эту «историю» с ... историей альпинизма г. Екатеринбурга.

Ему казалось, что не должны были те поколения остаться «безымянными», малоизвестными для сегодняшних свидетелей выдающихся восхождений на высочайшие вершины мира, свидетелей прохождения стенных маршрутов, которые на протяжении долгих десятилетий представляли собой проблему мирового альпинизма.

Не обо всех тех, ради которых пишется эта книга, мы нашли более или менее полную информацию, но мы старались, мы пытались «пройти свой путь». Однако вернемся к рассказу Э.Г. Согриной.

«Летом 1962 года я вновь поехала работать в «Талгар», а Сергей в сборной команде «Труда» выехал на Тянь-Шань для прохождения маршрута, заявленного на первенство СССР по альпинизму.

Это лето оказалось, в полном смысле этого слова, трагическим. Первое несчастье случилось у нас в лагере – умерла Надя Катаева. В этот год она заканчивала УПИ. Дипломный проект, госэкзамены ослабили ее организм. В лагере уже шла работа полным ходом. Отряд, в котором она должна была стажироваться, был на ледовых занятиях. И она сразу, без акклиматизации поднялась на ледник.

Через день все вернулись в лагерь. Вечером Надя почувствовала

какое-то недомогание, но к врачу не пошла. Следующий день был днем отдыха для всего лагеря. Меня вызвали в учебную часть. Видимо, Наде стало плохо, и она вышла на улицу, дошла до водопровода и упала, потеряв сознание. Вызвали врача. Но помощь врачей ей не помогла. Через три часа, не приходя в себя, она умерла.

Не успел лагерь оправиться от такого потрясения, как меня по радиации вызвали во Фрунзе – с моим мужем случилось несчастье! Группа, в которой он находился, на пике Горького попала в лавину – много пострадавших. Я сорвалась и помчалась к нему.

То, что я увидела в больнице, трудно передать словами! Он лежал на низкой кровати совершенно не похожий на себя (так исхудал!), а ноги его по обеим сторонам кровати находились в ваннах, в обыкновенных детских жестяных ваннах с марганцовкой. Их нельзя уже было держать на воздухе, так как ткани и сухожилия все сгнили!

Меня вызвали к главврачу и сообщили, что моему мужу предстоит ампутация обеих стоп, иначе он умрет от гангрены (и еще кое-что сказали...).

Наверное, я потеряла сознание и упала, потому что очень удивилась, что лежу на кушетке, а вокруг меня кто-то бежит...

Через долгих 9 месяцев Сергей вышел из Свердловского института восстановительной хирургии на костылях инвалидом второй группы. Стопы ног его стали неподвижными. 1963-1964 годы были годами его адаптации и рождения сына.

Сергей научился ходить на негнущихся ногах даже без палочки...

Мы вновь заговорили о горах и летом 65-го поехали на работу в «Талгар». Сезон прошел удачно. Мы работали и даже сумели сходить на спортивное восхождение на вершину Караульчи-Тау по «пятерке». В нашей группе появился новый участник – Витя Малютин, очень большой, добродушный парень. Восхождение на Караульчу стало для нас настоящим испытанием! На этом маршруте я впервые испытала страх. Нас застала страшная непогода, и все обледенело. При переходе с гребня на стену, ведущую к вершине, маршрут проходит по «коньку верхом», справа и слева от которого до самого основания вершины идут крутые кулуары, превратившиеся из-за непогоды в настоящие сине-зеленые колодцы! Вот тут-то и было страшно (дома-то остался годовалый сын...).

За два дня до нас на этот маршрут вышла группа алмаатинцев. Однако, выйдя на вершину, мы не обнаружили в туре их записки. Это удивило нас!

Вернувшись в лагерь, мы узнали, что вся группа погибла».

После сезона 1966 года в альплагере «Талгар» супруги Согрины решили «поменять обстановку» и в 1967 году оказались в Узунколе.

«Мы были уже мастерами спорта, и П.П. Захаров, думаю, принял нас не без удовольствия.

У нас начался новый, очень интересный спортивный период

альпинизма.

Да, этот альплагерь совершенно не был похож на те, какие знали мы. Четкая, энергичная работа начальника учебной части начиналась с утреннего построения, где объявлялось, кто и что должен делать. Если шел цикл учебных занятий, каждый знал, где и до какого времени он должен проводить занятия, требовал от инструкторов быть по форме одетыми и не пренебрегать страховкой. А потом – обязательный строгий разбор занятий.

Сам он всегда бывал на занятиях и страховочных стендах. Он не вмешивался в ход занятий, но каждый из нас знал, что Пал Палыч все знает! Это делало инструкторов дисциплинированными и требовательными к себе. И еще одна отличительная черта этого лагеря – там не было пьянства.

Я работала с отделениями разрядников, в основном, с теми, кто приезжал для выполнения второго разряда.

Район «Узункола» небольшой, компактный, теплый, и это тоже нравилось нам. Постепенно вслед за нами в этот лагерь стали приезжать и другие инструктора из Свердловска. Витя Малютин и Юра Байченко стали нашими партнерами в работе. Все мы работали спокойно и безаварийно. Работа работой, но на спортивное восхождение тоже хотелось сходить. Выбрали стеной маршрут на Далар по 5-Б. Мы с Юрой Байченко, как самые легкие и проворные, шли первой связкой. Вся группа работала спокойно и слаженно. Надо сказать, что всегда, когда в группе шел Сергей, все было продумано до мелочей, и это сказывалось на качестве работы всей группы. А ему, с его негнущимися ногами, было не так-то просто ходить по таким маршрутам!

В «Узунколе» мы проработали три сезона. Затем в нашей жизни произошли перемены: Сергея по рекомендации А.П. Каспина пригласили в Таджикистан организовать работу спасательной службы в горах. Это был 1970 год. И вот через 10 лет я снова в Душанбе. Летом еду в «Варзоб».

В 1971 году Эмма Григорьевна провела тяжелейший сезон в роли начальника учебной части альплагеря «Варзоб», а 1972 год стал для нее интереснейшей и полезной школой высотного альпинизма, когда она была участницей международной альпиниады на пик Коммунизма. Базовый лагерь альпиниады располагался в верховьях ледника Фартамбек, на поляне Сулоева. Необычным было все: и вертолетная заброска в базовый лагерь с полетом над ледником, кажущимся сверху огромной вздыбленной рекой, и грандиозность мероприятия, включающего многочисленный состав альпинистов практически из всех союзных республик и стран Содружества, которыми руководили «патриархи» В.М. Абалаков и Я.Г. Аркин, и многопалаточный разноцветный лагерь-город, периодически покрывающийся снежной порошей от постоянно грохочущего ледника Трамплинного, и знакомство и общение с новыми интересными людьми, и новые ощущения высоты, когда порой только максимальные усилия

способны подвигнуть альпиниста на очередной шаг вверх, и, наконец, еще одно познание цены жизни среди этой грандиозной мощи и красоты высоких гор. С трудом Э. Согрина устояла от соблазна войти в состав женской команды альпинисток, задумавших подняться на все семитысячники СССР. Им удалось в тот год без помощи мужчин подняться на пик Корженевской, но вид девчонок после восхождения подсказывал Согриной, уже опытной альпинистке, что цена успеха для многих уж слишком высока.

На пик Коммунизма Э. Согриной тогда подняться не удалось. Осуществлены были все акклиматизационные выходы и заброски, установлен штурмовой лагерь, но в день запланированного штурма отряд снимается на спасательные работы.

Ох уж эти спасаловки! Сколько разрушенных планов, сколько несбывшихся надежд и потерянных сезонов, сколько закрытых для восхождения горных районов принесли они жажущим и рвущимся наверх! Мало кого обошла участь быть причастным к этой, по сути, благородной и почетной миссии оказывать помощь терпящим бедствие в горах. В те годы в альплагерях, на крупных сборах и в экспедициях создавались спасательные отряды, формировался специальный неприкосновенный фонд снаряжения и продуктов, велись журналы выходов с обязательной проверкой начспасом готовности группы к выходу на восхождение по намеченному маршруту. Но какой бы тщательной и серьезной не была проверка, избежать ЧП не удавалось, а их причинами, в подавляющем большинстве случаев, были все же «субъективные опасности» гор, т.е. ошибки и просчеты участников восхождений. И как бы ни было горько и обидно отказываться от собственных планов, тем более, что до цели, порой, оставался один только шаг, но альпинисты останавливались и шли на выручку терпящим бедствие. Однако продолжим повествование.

1973 год принес Э. Согриной знакомство с районом Куликалонских и Алаудинских озер в Фанских горах. 30 дней в должности командира отряда разрядников в альплагере «Артуч» обогатили и помогли в последующей работе с иностранцами и при путешествиях в горах со школьниками.

Последующие 6 лет (1974-79 гг.) – тяжелый и почетный, в высшей степени ответственный и напряженный, счастливый и тревожный труд в должности начальника учебной части альплагеря «Варзоб». Обещанной в период уговоров помощи не было. Много в альплагере пришлось создавать заново, а главное – это формирование инструкторского состава для полномасштабной работы лагеря в 5 смен, да еще с филиалом в Фанских горах, периодическими экспедиционными мероприятиями и участием команды лагеря во Всесоюзных соревнованиях по альпинизму. Было в этих выступлениях и «золото», было и «серебро». 14 альпинистов провели в альплагере «Варзоб» завершающие этапы в выполнении нормативов на звание «Мастер спорта СССР», и в большинстве это были инструктора лагеря, совмещающие обучение и воспитание подрастающего

поколения с собственным совершенствованием. Возможность такого совмещения была притягательна, и для руководства лагеря уже не стало проблем с инструкторским составом. Не стало еще и потому, что в лагере был создан комфортный психологический климат, почву для которого подготовила «веранда» – место, где работники и гости лагеря по вечерам в дни отдыха всегда находили свежие фрукты, чай или кофе, где делились новостями, строили планы и, конечно же, пели. На этой веранде Юрий Визбор исполнил свою новую песню «Я сердце оставил в Фанских горах». В тот год он с группой альпинистов московского «Спартака» по коллективной путевке альплагеря «Варзоб» 30 дней провел на поляне Тэпэ под Аргом (Фанские горы).

Период работы Эммы Григорьевны в лагере «Варзоб» совпал с его реконструкцией – строительством новых инструкторских домиков, учебной части, бассейна. И мы не можем не привести здесь имен создателей этого чуда: директора лагеря Эрнеста Сулеймановича Абдуллаева и начальника КСС Таджикистана Сергея Николаевича Согрина.

Шли годы. Было удовлетворение от проделанной работы, было чем гордиться, но... накопилась усталость, и по завершении сезона 1979 года Согрина уходит из лагеря.

Из лагеря-то ушла, но от организационных забот – нет. В 1980 году, в год Олимпийских игр в Москве, ЦК комсомола Таджикистана решил подарить началу игр восхождение на пик Ленина с юга, с Таджикской территории и с участием альпинистов всех союзных республик. А руководить экспедицией и восхождением должна была Э.Г. Согрина.

«Маршрут на п. Ленина с юга давно забыт, и описания нет. Перед отъездом, дома, я прочитала книгу Евгения Белецкого «Пик Ленина» о первой советско-германской экспедиции на Памир с восхождением на п. Ленина. Я узнала, что в этой экспедиции был наш нарком юстиции Николай Крыленко. Его именем позже был назван перевал 6200. Он отважно спустился с этого перевала на север, не ведая, с чем встретится на спуске.

Вот и нам с перевала Крыленко нужно совершить восхождение на п. Ленина. Но первая экспедиция шла на перевал с ледника Саук-дара, а у нас совсем другое ущелье, другой ледник.

А экспедиционный народ со всех концов страны начал съезжаться. Получилось человек 70 с хвостиком. Половины раньше я и в глаза не видела! Что делать?»

Однако справилась. 56 человек побывало в один день на вершине пика Ленина. Экспедиция завершила работу без происшествий, но радость победы была неожиданно омрачена трагическим событием минувших лет. Преодолевая предвершинный взлет, она вдруг увидела свою анараку, которой 8 лет тому назад, в 1972 году, на альпиниаде под пиком Коммунизма обменялась с руководителем женской сборной Эльвирой Шатаевой. Жестокая непогода, разразившаяся в 1974 году на

пике Ленина, привела тогда к гибели 8-ми отважных альпинисток. Тела девушек в следующем году сняли, а их вещи так и остались на склоне, напоминая о той страшной трагедии.

После пика Ленина Согрину ждал «Узункол». Две последние смены с реализацией задуманного еще в «Варзобе» плана подготовки «третьеразрядника» от «новичка» за одну смену завершили начатый еще в феврале с нурекчанами в альплагере «Туюк-Су», а потом в апреле в качестве инструктора методсбора в альплагере «Шхельда». Сезон 1980 года – последний сезон пребывания Эммы Григорьевны в горах в качестве спортсмена-альпиниста. За 26 лет пройдено и сделано немало и вполне

хватало бы на несколько биографий, но... заключительное слово предоставим самой Э.Г. Согриной.

«... скажу прямо, вряд ли я добилась бы такого успеха и положения, если бы рядом со мной не было бы такого человека, как Согрин Сергей Николаевич. Во все времена он был моим лучшим другом и союзником. Мы были хорошей «связкой»! Наверное, остаемся таковой и до сих пор...

Его авторитет, ум и безусловный талант творца, проявляющийся во многих сферах деятельности, придавали и придают мне до сих пор мужество, стойкость, смелость и уверенность в работе.

Мне очень повезло в жизни!»

Мы надеемся, что везение и удачи будут сопровождать Эмму Григорьевну и дальше.

1954 год был отмечен рождением еще одного «значкиста» – Михаила Семеновича Левина. Он долго воздерживался от рассказа о себе, однако, ответственность победила. «Ну, Лапшин, погоди!» - под таким заголовком мы представляем нижеследующий материал.

«Мне было почти 12 лет, когда на динамовском стадионе футбол со мной «покончил»: на угловом подсадили - ка-ак я изо всех сил об стойку!... и потерял сознание.

Целый май нас всего двое лежало в палате – «тяжёлые»! Страшно стеснялся кальсон и медичек (их приводили измерить моё феноменальное АД 240/120), и потому выпросился раньше, чем предсказали.

А дальше вот что: НЕЛЬЗЯ драться, бороться, бегать, прыгать, никаких резких движений! Но как мне «сохраняться», если я живу по законам челябстроевской барачной стаи? Моему сокрушавшемуся отцу

подсказал главный турист Пединститута: «Рюкзак на него потяжелей надеть - вот и не сможет резко двигаться!» Так я с того первого летнего похода со старшеклассниками (100 км за неделю: Миасс - Карабаш - Златоуст с заходом на Юрму, Дальний Таганай, Круглицу, Откликной) и двигаюсь по жизни плавно - и такой походкой, будто рюкзак тащу...

Открытие: на болотистых тягунах мне помогали строчки Н.Тихонова, особенно «За Гомборами скитаясь, миновав Телав вечерний...» - бубнил и пёр, как на автопилоте!

После 9-го класса еду – «специалист» по технике туризма: 1-ый спортивный разряд! - на кавказский слёт ДСО «Искра» в компании студентов с факультета физвоспитания: «Водку пьёшь?».

– Один стакан полный – и все!...Две дамы, пловчиха и лыжница, поняли, зачем я вскоре прогулялся в тамбур...

Не забуду базу на склоне Машука и бесплатные стаканы с сероводородной жёлтой водицей, потом пылещу над горным «просёлком». Его проломил сель из Адырсу. С двух сторон от этой агонизирующей жуты толпились машины, и пошли мы пешком, кое-как перебравшись.

Где-то на каменистом берегу Баксана, я в гордой позе сфотографировался на фоне первой же увиденной снежной горы. Через неделю наш отряд под этой же самой горой прошествовал в Сванетию, а ещё через три года я завершу выполнение 3-го разряда по альпинизму, сруководив самостоятельным восхождением 1-Б на неё же, ни на какую другую: хочу именно на Донгуз-орун-гитче-чегет-кара-баши-ати!

Поставили мы палатки на поляне «Учитель», и в первое же утро в разрыве облаков появилась гигантская «семёрка» Донгуза — от этой, настоящей горы я на всю жизнь обмер! На этом же слёте был Юра Визбор, но мы не познакомились тогда. На занятия ходили в альплагерь «Искра», построенный киноработниками в 1933 году в числе первых и названный «Рот-Фронт». А умер этот лагерь в 90-ых годах как «Баксан», буревестниковский (а, стало быть, нищий).

Скальные занятия с нами проводил Марик Гуссейнов (он разбился в Крыму перед осенним первенством ВЦСПС-53). Глядя на него, я понял, что мои южноуральские подвиги смешны, - надо учиться и учиться! Нехотя слез я со скал, - надо было идти акклиматизироваться. Сперва ночь на Старом Кругозоре, потом прогулка на «Приют одиннадцати»... Спустившись, я побежал к Одноблюдову, начальнику учебной части «Искры»: «Юрий Васильич, не хочу с туристами в поход, хочу альпинистом стать!» - «Мишук, только после 18 лет, молод ты ещё...»

Что я молод, мне ещё в Челябинске дали понять - тратить на меня деньги профсоюза педработников почти что преступление... Посоветовали не высовываться. Но я, переваливая Донгуз и Бассу, лазаю

по увалам Хиды и крутой Ненскре, ещё и сочинял куплеты на мотив «Семёновны» - и неизлечимо прославился в масштабе отряда, потом лет 40 периодически ударялся в «бардство» ...сперва - перелицовки на популярные мотивчики, потом - свои текстовки на собственные мелодии (даже Визбор в соавторах бывал...).

Узнав, что в Свердловске альпинисты есть, я на следующий год отвёз свою медаль в УПИ и вскоре - уже с другой командой - снова укатил в Приэльбрусье. Пришли двое из «Искры» и стали учить петь «Баксанскую». Как только Виталий Овчаров текст додиктовал, я спросил:

– А почему это ШУТКАМ НЕ УЧАТ В НАШИХ ЛАГЕРЯХ?

Так и познакомились.

Снова на «Приюте 11-ти» всякого мы наслушались - придти бы на пару дней раньше, глянул бы я уважительно на инструктора-свердловчанина, который взял одорукого сибиряка с собой на восточный Эльбрус!

Но в конце года я встречаюсь с этим инструктором в УПИ! И он будет рассказывать нам о восхождении на Эльбрус радостно и нараспев, чтоб не мешало проклятое заикание...

А до этого наш отряд в августе-53 по снежным полям минует стены Кюкюртлю и спустится в Гвандру, чтоб через несколько перевалов подобраться под великолепную стену Нахара и уйти на юг.

Потом соревновались где-то над Хостой: один из этапов эстафеты - скалолазание и косяя перильная верёвка (ох, эти штрафы за «нет трёх точек опоры!»).

Были и другие причины, отвадившие меня с 1953 года от горного туризма навсегда...

И вот я явился во Втузгородок прямо из Сухуми - с рюкзаком яблок (естественно, не купленных!), ледорубом и куском верёвки; в списке зачисленных на радиофак себя не нашёл: «Медалист? Так надо было в колхоз съездить... нет, октябрь уже!» И вот мной усилили девчачью группу химфака.

Я утешился любимой бесконечной песней: «Никогда и нигде не унывай!» - и начал искать мужскую компанию со значками «Альпинист СССР».

О том, как проходили поиски и начало первой встречи М. Левина с А.К. Кикоиным и альпинистами УПИ, мы рассказали на страницах главы «Год 1946-й». Читаем продолжение.

«Нахально и без всякого предисловия я предложил избрать бюро и секцию альпинизма, на кафедре физвоспитания зарегистрировать, чтоб вместе по расписанию тренироваться! А на общую физкультуру не ходить; и надо бы новичков набрать - среди нас, первокурсников, будут желающие! Вскоре состоялось общее, человек на 10, собрание, где председателем новорожденного бюро секции избрали Рашу, а Галку

Финогенову – оргсектором; ну, и меня - на «беговню».

От физкультуры я освободился - доцента А.К. Кикоина на «физкульткафедре» уважили (напомнил ему об этом на Ленинградском проспекте, - шли с ним к дому его брата-академика после радостного пленума Федерации альпинизма СССР 1980года, - и он сказал: «Да, 1953 год... Миша, так Вы не знали Гену Основина, альпиниста из Университета? Мы как раз в 1953 году его схоронили... Сколько народу мечтало о Гималаях; неужели нашим ребятам повезёт...»)

Весь декабрь-53 я упоённо развешивал по общежитиям зазывно-подстрекательские объявления: «Лето не за горами - а в горах!»

25-летняя Раша Горлаева, худощаваая металлургия-третьекурсница... спуску она мне не давала! Не прощала козерогу (новичку, то есть) моего 1-го разряда по туризму - придёт на тренировку и начинает: «Взялся тренировать новичков? А любовь к горам ты привить умеешь? А уважение к опыту предыдущих восходителей? Боюсь, Левин, знаний у тебя слегка маловато... ну-ка скажи, какие ледники называются ЗАКРЫТЫМИ?» Тонкие губы, узкое древне-славянское лицо, непримиримые глаза - и спокойный, негромкий голос.

И ведь я от неожиданности не смог сразу ответить - это я-то, который в день рождения Кикоина с Борис Палычем Симагиным водку пил и в распоре по дверному проёму подняться пытался! Но Симагин поднялся, а я - нет.

Закрытый... магазин - распределитель литерный; город закрытый - ну это как «Сороковка»... может, КГБшники и ледник закрывают?!

Раша язвительно: «На ледниках, чтоб ты знал, бывают трещины...» - а! Да знаю я! Бывают и употребляются: бергшрунды подгорные, рандклюдты береговые, трещины продольные, поперечные, открытые - и снегом закрытые! Да я на Хотютау сам порхнул!

... В 1967 году встретились в Домбае. Ей нездоровилось, а я в обычной манере стёба порекомендовал метод академика Клина: «Рюкзак потяжелей - и в гору! И радикулит больше не скулит». - «Клин - клином? Ох, боюсь, Миша, это что-то другое», - и дала мне свой приморский адрес. Но я сам поломался в конце того сезона, и ничего бодрого в Жданов-Мариуполь не сочинилось.

А хотелось поспорить с её затеей организовать женскую сборную Украины... потом бессмысленно стало что-то доказывать; а потом пришло письмо Клоковой с ошарашившей вестью: Рахиль Михайловна неизлечимо...

Галка Финогенова с энергофака... она уехала в «Актру»-56 без Раши, без лучшей подруги - и, зарабатывая руководство 4-А, уже на спуске с пика УПИ попала в камнепад. Тяжёлая травма позвоночника, инвалидность - и не стало в нашем бюро альпсекции привлекательной скалолазки, круглолицей, кареглазой, улыбчивой...

Леопольд Семёнович Шлесберг - он же Лёва, откликавшийся без обид на кличку «Шлёпс», - стал третьеразрядником ещё до моего прихода в

секцию. Едва я наразвешивал по общагам объявлений, зазывая новичков («Стой! Мороженое из горного снега и сгущёнки -каждый день!!!»), он привёл Юру из своей группы, третьекурника с длинными коровьими ресницами и разрядом по настольному теннису.

Этот Юра Плюхин как-то сразу пришёлся «ко двору»: спортивный, обязательный и, в отличие от Шлёпса, безголосый. Любимая песня худющего Шлёпса (хоровая - оровая): «От Птыша до Цея! не найти ущелья!! где бы мы не ставили бивак!!!» мне понравилась (задушевного подвывания, оказалось, оба мы не выносили).

Много лет спустя Шлесберг - уже главный инженер какого-то тульского «ящика» - сдался Е.А. Белецкому и пошёл капитаном на Чемпионат СССР-70; в итоге бронзовые медали за Чанчахи 6-А по Рэду Попову!

Шлёпс покинул горы, так и не став мастером. А вот эластичный Плюхин успел выколотиться, в этом ему помогли Сергей Морозов и Евгений Муравьев (для друзей -Женечка).

В дом к Женечке я попал позже, а сначала в общежитии физтеха познакомился с двумя развесёлыми третьеразрядниками в тельняшках: один из них безумолку вещал, нимало не стесняясь своего прикуса и неправильной дикции («Зови меня Фела!») – это был старший Кусенко; второй – Сергей Морозов – горбоносый здоровяк с седой прядью в лихой чёлке, говорил (как это у Бабеля?) мало, но смачно, и для первого знакомства показал мне свой способ грудной обвязки узлом «булинь» - без отдельных плечиков.

Свою первую путёвку в альплагерь, алтайский «Актру», я получил вместе с большой компанией студентов; лидером у нас, безусловно, был Морозов.

До сих пор не понимаю, как это получилось, что первовосхождение в том 1954-ом на пик УПИ (!) обошлось без Морозова! Но зато он был среди тех, кто привёл будущего обладателя «Нобелевки» И.Е.Тамма на вершину, где уже лежала записка свердловчан: «По праву первовосходителей называем эту вершину ПИК ТАММА!» КГБшник-охранник тоже прослезился - от радости, что выше только небо...

Серёга лазил лучше нас всех на тренировках (а особенно - в соревнованиях), потому что был умён и рассчитывал движения (у слаломистов это называется «опережающее зрение», а он и был горнолыжник).

Горные лыжи - это на всю жизнь! Любовь к ним сохранилась и у Серёги Морозова, прожившего всю жизнь за колючей проволокой атомного города, и у его верного друга, термиста Жени Муравьева, чей дом в Свердловске всегда был открыт для альпинистов (чаще всего изрядно оголодавших...)

Вот эта «горнолыжная» связка, очень долго была, без преувеличения, сильнейшей не только в нашей молоденькой секции - они даже в выдающемся спортивном коллективе тех лет (московский

«Буревестник»), откованном Игорем Ерохиным и Николаем Кузьминым для побед над всемогущими «спартаковцами», выделялись своей работоспособностью и зрелостью.

Этим «упятам» везло: в Школу инструкторов альпинизма летом 1955-го их взяли с третьими разрядами; тренер - сам Боб Семёнов, великий педагог (кстати, участвовавший вместе с Н.Кузьминым и И.Ерохиным в «скоростном» траверсе Шхельды), эрудит и острослов. Как-то он молвил, глядя на «сотую» попытку лазуна-неудачника (тоже, кстати, из наших): «Кармен больше двух дней не протянет!»

И ещё они учились у легендарного А.И. Сидоренко, одного из трёх добравшихся до вершины пика Победы в такую сентябрьскую непогоду 1938 года, что сами не знали, высшая ли это точка. Только в 1961-ом зам. главного инженера «Гидропроекта» К. Кузьмин нашёл их записку в брезентовой драной рукавице... выше абалаковской записки-56, между прочим, и ниже ерохинской-58! Так уж широко раскинул своё бугристое плато этот «семитысячник», самый северный на Земле и с видом на Китай (если повезёт!)

Летом-56 Женечке и Серёге, двум первым инструкторам нашей секции, снова повезло: в альпиниаде МГУ-МВТУ у И. Ерохина не хватало инструкторов, так что было некогда стажироваться! Не скажу, чтоб инструкторам Ерохин за работу деньги платил - но ходить давал, а тогда добряков таких было наперечёт (по своим тогдашним «тройкам» помню). И вот парни траверсировали далёкую Уллутау 4-А, потом прошли две 4-Б (МНР и траверс Бжедух – Вольная Испания) и сразу на 5-А, да ещё какую!

В то лето «ерохинцы» поразили всех и надолго: их группы шли прославленный траверс двух башен красавицы Ушбы конвейером, почти 20 чел. (некоторые - с одной-единственной ночёвкой).

Осенью парням опять повезло: в отличном стиле сделали ещё одну 5-А, траверс Домбая, но потом их мобилизовали в Приэльбрусье на спасработы; там и я хлебнул...

Осенью-53, когда официально появилось в УПИ бюро секции альпинизма, в него не захотел тренером войти Рудольф Трубников с энергофака - он только что, как и Фела Кусенко, прошёл аж две 3-Б и, по моим понятиям, обязан был «передавать знания» вместе с Серёгой Морозовым ... тем более, что пролезал самые трудные места сходу.

Рудик уже и в экспедицию съездил - с главным «трудоцем» Арсеном Кирилловичем Даниловичем, - потому, наверное, и занёсся. Когда в 1968 году на 6-А Энгельса погибли два челябинца, вся команда настояла на лишении Трубникова звания «Мастер спорта» и инструкторской категории, воздержался я один: вспомнил, как лихо он меня обыгрывал на джантуганских скалах, где я, придумав, на себе опробовал новый соревновательный принцип «Пролез? Не пролез?»

Отыскался среди значкистов УПИ и челябинец Вадим Санин - оказалось, что он меня не раз видел в своём дворе, знал всех моих

приятелей с ул. Труда, но дружбу я свёл не с ним, а с таким же, как я, первокурсником Стасом Типикиным, основательность и ранняя серьёзность которого меня «уравновешивали». Из частного домика Типикиных я впервые отправился на Азов-гору; впереди шёл Стас с ружьём и злобным намерением подстрелить птичку, и, в глине обваляв, запечь в углях...

С Типикиным мы долго переписывались. Радовали присылаемые им фото: я в кедах на трассе Чемпионата Свердловска (Азов-гора, 1954 г.); он в связке с Анваром Шукуровым на 3-Б Варзобской Пиле. На склонах пика Ленина в 1965 мы с Анваром, только что обманувшим лавину на спуске, обменялись тёплыми словами о Стасе, тогда - начцеха в Белоярке.

В 1954 году первовосходителями на алтайский пик УПИ стали физтеху Анатолий Лянгасов и В.Овсянников, а с ними Юра Юрьев с радиофака.

Вот что отмечу: из «упят» первыми на 4-Б сходили в 1955 году А. Лянгасов и Ю. Юрьев - одолели абалаковскую Накру, в их группе шёл «локомотивец» Э. Короченцев, будущий зав. промышленным отделом Челябинского обкома КПСС, и свердловчанин-«трудовец» Р. Кондратьев; руководил ими Б.П.Симагин.

В том же 1955-ом Э. Римм (с ним и В. Поздеевым я сблизился только в начале 60-х) руководит очень непростым восхождением на Адырсу с перевала Голубева (сейчас – 5-А), и в его группе участником идёт Миша Хергани; тем же летом Э. Римм руководит и траверсом Светгара 4-Б. Видимо, он выпустился из УПИ «очень продвинутым»: в 1950 году с К.Г. Макаревичем осваивал ущелье Иссык, на следующий год уже руководил сильными «тройками» в Адырсу.

Особенно часто встречались мы с Э. Риммом, когда он бился за создание Федерации альпинизма России - молодец!

Ю. Юрьев знал Азов-гору не хуже Стаса Типикина и, в отличие от нас, упрямо тренировал спуски по верёвке «с одного прыжка». Я уже не помню, чем он защищал плечо и то место, где ягодица смыкается с бедром, но «дюльферял» он лихо - и крепко ругался, когда, не долетев до земли, ударял ногами в стену. Потом снова лезет на край стены, переходит его, упирается кедами - и мощно толкается, одновременно подавляя инстинкт, побуждающий зажать верёвку! Подавит, в конце концов, - и, довольный, слегка кося левым глазом, расскажет какой-нибудь анекдот.

Его не стало в июле-58 на спуске с 4-А Суарыка: рассказали, что он на бивуачной площадке утром выторговал право последним спускаться по верёвке – и, очевидно, привычно толкнувшись, вырвал крюк!

Когда я ходил этот маршрут, мы спустились с той площадки лазанием по камину... под стеной - осыпь, а дальше до асфальта - ногами. Вот я стоял там - и думал: об какую же из этих смиренных

Моисей Аксельрод

каменюг Юрка ударился бесшабашной головой (без каски, разумеется)? «Переночевавший» крюк-одиночка погубил друга моего Валеру Мальцева на Корженеве лет через 15.

«Без нужды не вынимай, без славы не вкладывай» - эту надпись с дамасского булата перенёс на свою туристскую ложку Моня Аксельрод, самый выдающийся новичок того алтайского сезона (да и ложка была не маленькая!)

Тогда же начал свой яркий, но короткий путь в горах друг мой Вовка Голубев, знаток дворовых песен (вот была бы находка для «Нашей гавани!»); он приехал из Кзыл-Орды, и мы сразу потянулись друг к другу: «Мишаня, знаешь, я почему в альпинизм ударился? У меня начальник лысый-лысый, и я как на вершину выйду, топчусь по ней, топчусь...»

Зимой-58 я - через Алма-Ату! - прикатил на практику в Новокузнецк, мы столкнулись у заводоуправления - оба без шапок и пальто, это при минус 43! Было немного выпито, я ему тогда написал стишок:

«Ты и я - голубого альпийского луга цветы:
Оживая весной, торжествуем всё лето,
Упрямо карабкаясь в небо.
Но выпадет первый снег - и будем и я, и ты
Досматривать сны о весне...
Так голодный из ночи в ночь видит хлеб во сне –
И дышит во сне запахом хлеба!»

Беговые трассы на Азовке никто резвей Голубева не лазил, но к своим победам в парных гонках он относился пренебрежительно - и, едва спустившись с «креста Ушбы»-61 (я встречал его на юсеньгийской тропке), расхвалил Агвана Чатиняна, а себя как восходителя буквально смешал с «пищей для воробьев»: «Нужен крымский километраж! И никаких глупостей! Сделаем группу инструкторскую: ты, я, Плыш - и закрываем мастеров!»

Но уже в декабре он утонул, выясняя близ Ялты отношения со штормом: «Не боюсь!» - и что-то пел в волнах, а вот поднырнуть перед берегом под волну не смог. Что ж, через полгода, в июне-62 оставили мы на первой своей 5-Б Вост. Домбае записку за троих.

Ф.А. Кропф удивился: «Фы ходиль только двоих!» - «Ну да, но Вы же, Фердинанд Алоизович, знали моего друга Голубева?» - «Та-та, котори тонуть... но мне скажь, он неживой!!!»

Для меня Вовка Голубев - всегда живой, я и мастером спорта стал потому, что ему это не суждено было. И ещё потому, что он мне связку – «брата Мишу» Плышевского нашёл: Донгуз, МНР, Шхельда, Домбай,

Аксаут, Джайлык, Уллутау, Щурак... такой напарник - это праздник, который всегда с тобой.

Вместе со мной и Вовкой ходил несколько гор Володя Милоголов, тоже новичок-54. Вот у кого был сильный по-настоящему характер! В 1961 году он один отказался от Вост. Дых-тау, остался с больным Юрой Котенёвым и начал его спускать с перемычки... не успели!

Но, похоже, у жены Милогорова характер оказался ещё сильнее – вскоре он обосновался в Электростали и тогда отказался от всех гор сразу. Когда он в 1978 году привёз семью в Крым, я судил Международные, и мы столкнулись на ялтинской набережной. Естественно, я его позвал под скалы (он ведь на ЦС «Труда»-61 стал среди свердловчан сильнейшим) – нет, не отпустили.

По алтайскому лету-54 запомнился ещё Миша Кауфман, борец какого-то стиля - когда он и Морозов схватывались, слабонервным лучше всего было не смотреть! Голубев с завистью рассказывал, что Кауфман у всех перехватил работу по золочению шпилья над Большим Домом на площади 1905 года - молодец! Ещё там были колоритные ребята Глянченко и Рытов; я же, как продвинутый, попал в одно отделение с великим столбистом Олегом Преображенским и его напарником Санькой Голотвиным.

Спасработы по Рытову

Владимир Голубев 1957 г. Снимок сделан Михаилом Плышевским во время их поездки из Свердловска на велосипедах на Азов-гору.

Инструктором к нам поставили Вадима Кондратьевича Кочинева (в грузинском детстве - Кочинишвили); он спал в кустиках, а мы сами серпантинном лазили по крутому склону и прыжками спускались, сами били крючья - и по скалам лазили столько, сколько хотели!

После завершения ледово-снежных занятий – подъем на

рассвете. Все отделения с вечера сварили жидкую манную кашку, за ночь она загустела и теперь на кострах подгорала. Мы свою съели холодной, а потом нам так раздуло кишечники! Но первая Гора звала, а впереди всех зигзагами бежала дворняжка кухонная – «гид»; по её следу, огибавшему закрытые трещины ледника Б. Актру, шагал командир отряда Сергей Аркадьевич Фролов. За ним по ступеням топали тяжеленные рыжие «студебеккеры» будущих покорителей пика Юность 3900 м. Было это 6 августа 1954 года.

Вот только омрачён был тот сезон массовым отравлением; нескольких тяжёлых даже увезли в Бийск – зато я, что поделаешь, снова прославился...

Мой покровитель, однорукий повар – алтаец, сварил на 90 ртов холодец и выставил противни в ручей охлаждаться. Но мы в тот день взяли на занятия обед сухим пайком, вот квадратики холодца и прождали нас под солнышком весь день. Это был первый холодец в той смене, и ужинавшие с восторгом на него накинулись, и, конечно, просили добавки! Милоголов сидел рядом - к его неудовольствию, повар принёс всего одну тарелку и через головы вручил мне: «Кушай, ты мне мясорубку крутил!» Жерло у лагерной мясорубки было пушечное, а ручку прокручивать я мог только двумя руками – и не стал я ни с кем делиться добавкой холодца!»

Чем закончился ужин с холодцом, Вы, уважаемый Читатель, уже знаете, пропустим страдания.

«Беда бедой, а завтрак - по расписанию. Спал, когда позвали: руки ломит; за шею они все меня обнимали - тоже болела ... а мне, как и им, предлагают всего 5 печенюшек и слабый чай! Выпросил у доктора банку сгущёнки, тогда пошёл досыпать...

Может, у меня уже в юности была такая высокая предъязвенная кислотность, что бациллы, жильцы ДВУХ порций, скукожились?

Осенью 1954-го – чемпионат Свердловска по скалолазанию. «Девка Азовка» на разминке меня скинула, перед стартом подремонтировал ушибленное место, но результат дал неважный. Ночью от боли извертелся.

Как тогда выступали: у ног стартёра я положил свой репшнур для грудной обвязки, по команде: «Марш!» обвязался скоростным методом, «по С. Морозову», а на выходящем из узла конце репшура скрутил вокруг большого и среднего пальцев «рисунок» схватывающего узла - раз нижний конец перильной судейской верёвки не закреплён, засунул я этот конец в кольца «пруссика»!

И, подталкивая (не удерживая!) узел, пытаешься прыгать-бежать по курумнику к стене, это почти 30 метров вверх!

Громко дыша, отвязываю схватывающий от перил, а меня судья уже карабином прищёлкнул к верхней страховке - теперь бы не выпасть из собственноручно завязанной за рекордное время грудной обвязки! Кеды не новые, нога не стоит - выручайте, руки!

К судьям меня, страдальца, отправил А.К. Кикоин: «Помочь просили!» Главный судья Арсен Кириллович Данилович сказал: «Студент, разберись-ка в этом... как бы культурно сказать?» - и протянул мне новенькую книжечку. Вот и не смог я увидеть, как лазили сильнейшие в связках, - я сидел в палатке секретарской и изучал таблицы для пересчёта времени в баллы, автор - И.И. Антонович (тогда-то я впервые столкнулся с фамилией Отца спортивного лазания); с трудом, но разобрался - и допоздна считал результаты вместе с главной секретаршей Г.С. Гордеевой. Тогда и думать не мог, что в 1970 году получу республиканскую категорию и придумаю карточки для «рационализации секретарщины».

После стартов поехали к главному дому, Арсен показал мощный камень у дороги: «Вот, привёз, траверсирую» - за столом нас было много, и выпили за горы, за скалы, за успех и за дружбу «Труда» и «Буревестника»!

После соревнований вывесили стенгазету с горными и скальными фотошедеврами Шлесберга и Типикина и набрали новичков. Запомнилась приезжая, как и я, Антуанетта Иванова, попросту Нэтка - увлечённая, разбитная, не очень хозяйственная, с любимым стишком: «Хорошо быть кисою, хорошо – собакою» и т.д. – из родного Новосибирска привезла! Другие как-то не вспоминаются.

А в сезоне-55 в «Актру» снова поехала неплохая компания. В поезде мы висели на косяке и приседали «пистолетиком» (я мог много раз, но только если не держать ногу горизонтально, а опускать её - из двери мчащегося вагона). Поехавшим на Кавказ сильно повезло: в их альплагерях инструктора были, а на Алтае - ни одного! Народу по-богаче поставили на путёвки штамп «Принять не можем» и отослали на Кавказ. Но Стас Типикин и физтех Юра Рябухин решили оставаться, а куда я один-то... вечером я утешился в домике начуча Виктора Павловича Кожина, где мой «старый знакомый», академик Игорь Евгеньевич Тамм и остальные научили студента, т.е. меня, ПРАВИЛЬНО пить чистый спирт. Я быстро преисполнился соцсодержания и пел им, постукивая по столу, песни старые и свежесочинённую (на мотив «Уральской рябинушки»):

«А на лекции по математике спит мальчонка, он не виноват...

Вы его не осуждайте, братики: он считал всю ночь сопромат!»

За год до этого я столкнулся с Игорем Евгеньевичем Таммом на берегу речушки, вытекавшей из озера, недалеко от которого стояли палатки «Актру». До общего подъёма было далеко, я резво побегал вниз-вверх и свернул к воде. Невысокий, загорелый крепыш с сидящим бобриком помахал мне рукой, зашевелил губами - я подошёл и услышал: «Не трудно ли Вам будет мне помочь?» - не спрашивая, я обхватил «чемодан» кило под 50 и вывернул его, потом соседнюю глыбу. Вместе мы расширили, потом углубили образовавшуюся яму - пока ещё сухую, и бодрый физик-теоретик сел, потом полу-лёг в неё, примеряясь... Я не видел, что там было дальше, потому что удары железяки оповестили

лагерь о подъёме. После довольно вялой зарядки я со всеми вместе пошёл умыться. «Ребя, кто это себе персональную ванну соорудил?» - по одной канавке от речки вода втекала в яму, а по другой вытекала, омывая седые волосы на груди и всё, что ниже, у энергично растиравшего себя академика. Когда он устал от нашего внимания и вылез, я впервые в жизни увидел халат-полотенце.

Разбудил меня ликующий Стас: «Инструктора приехали!» - да нет, только один Вадим Андреев, мастер спорта из МЭИ в наказание за аварию. Привёл его дядя Лёша Малеинов, уполномоченный Спорткомитета СССР, то и дело засыпая (болезнь такая), он рассказал про холодную ночёвку на Дыхтау-35 и долго извинялся. Вот потом, действительно, верхом приехали двое - один лет под 70, другой в два раза моложе и весь увешанный ружьями-сумками.

Эти двое были щедры на планы, и мы завербовались сопровождать двух Вадимов (второй Гиппенрейтер, гений горной фотографии, охотник и горнолыжник...) и трёх «академиков»: патриарх отечественного ледниковедения томич М.В. Тронов пригласил И.Е. Тамма и Б.Н. Делоне поглядеть на самое красивое ущелье Северо-Чуйских белков - Шавлу: «Мы с братцем заглянули туда году эдак в 1916-ом - красоты прямо швейцарские! Альпинистское Эльдorado!»

Гиппенрейтер внезапно выныривал из кустов в «камуфле» (я впервые в жизни видел эту расцветку) и требовал, чтобы кто-нибудь из молодых сплавал за озёрные камыши, там утки подстреленные; мы разбегались, чтобы спрятаться в кустах, а «академики», восседая в алтайских неудобных сёдлах, вели свои олимпийские беседы.

Когда, наконец, нашёлся вход в Шавлинское ущелье, мы и впрямь разъехались и, выйдя из лесу, меньше всего глядели под ноги. Кобыла, которую Андреев затаскивал на морену, тоже загляделась, тудить её в качель: тяжело гружёная, она поскользнулась, рухнула в воду и поплыла к противоположному берегу озера! Окрестные красоты померкли, я бросил своего мустанга и рванул вперёд, а Вадим в «триконях» и штормовке уже плыл!

Я только и успел провалиться в воду и протянуть ему ледоруб, когда он, уже развернув лошадь и держась за неё, подплывал к обрыву. Потом я размокшие продукты сушил, лепил из печеня оладьи, - а Стас с Юрой рубили тропу, а Вадим придумывал названия вершинам: «Красавица... Сказка... Мечта...» - они и впрямь заслуживали! Через год начинающий альпенфюрер Женя Тамм, сын академика, со товарищи на всех на них побывал, но ни одной 5-Б в районе до сих пор нет, к сожалению.

Гиппенрейтер варил мясо в лесу, а нам разрешили двигаться дальше самим, вчетвером и безлошадно. Вышли затемно. Я явно простудился от недолгого купанья, но тащил рюкзак сам. Остальное помню слабо. Что врезалось: углядели какую-то дырку над длиннющим кулуаром - перевал? Примерно через пол-кулуара из снега торчал здоровущий камень, прямо стол 3х3 метра. Выйдя выше него, парни свалили на

«стол» три свои рюкзака, я поднялся позже и рухнул в снег.

Когда все трое начали мочиться на камень - уж очень напористо они журчали! - я тоскливо подумал, что у меня даже нет сил присоединиться, и скосил глаза. Тут каменюга дрогнула и поползла вниз, разворачиваясь и ускоряясь! Меня знобило, пока целую вечность ребята спускались за рюкзаками до самого низа, а потом вверх тащились к своим жёлтым потёкам.

Все переправы слились в один ревуший ледяной кошмар - только бы очки не смыло! Вадим перебирался первым налегке в плавках, закреплял перила и возвращался, чтоб сопроводить меня.

Через несколько перевалов и предрассветных переправ мы с противоположной стороны оказались под пиком Трёх Озёр. Я валялся, недомогая, а Стас пошёл «щёлкнуть панораму». Ночью он разбудил меня в лагерном лазарете: «Ты со мной пойдёшь? Я на вершине фотоаппарат забыл». Я не пожелал, и будущий создатель атомных электростанций пошёл на соло-восхождение.

По-моему, всю недоснятую плёнку он извёл на новосибирскую новичуху Майю Орлову (видел снимки в приданом, когда осенью-60 она стала моей женой).

Сезон 1956 году я провёл у Одноблюдова. Мастер спорта Абу Акопян - связка на первой моей 3-А Ирикчате, а на остальных тройках - «маишник» Женя Захаров, впоследствии - сильный высотник; свердловчан в «Баксане» не было. В конце августа наша группа изрядно потрепала нервы всем приэльбрусским лагерям, включая ущелье Адырсу - мы «опоздали» на трое суток к контрольному сроку. Нас искали в ледопадах под Светгаром и в восточных разрывах перевала Джантуган, а мы спускались по 500-метровой стене юго-восточного гребня Башкары (об этом кошмаре рассказывать надо только на лекции «Почему я до сих пор живой»).

Инструкторское собрание наказало меня «по-одноблюдовски»: наградили бесплатной путёвкой на последнюю смену и определили в отряд ... значкистов: «За выполнение заведомо неверного решения женщины-руководителя».

На занятиях, потом на Гумачах 1-Б, Джантугане 2-А, Чегеткаре 2-Б я рьяно помогал «руководительницам»: Наде Кашкиной (потом - жене Боба Семёнова), Глаше Османовой (потом - жене Боба Рукодельникова), Ире Кореневой. Рука поджила, я снова засобирался на 4-А, но - спасаловка.

Зато летом-57 я, уже студент Челябинского политехнического, возвращаясь из Каракола после нескольких первовосхождений и первопрохождений, встретился в киргизской столице с В. Голубевым и другими свердловчанами – они-то мне и показали дорогу в райский уголок, где горящих путёвок было, в отличие от России, полным-полно: КИРЖЕПИ, т.е. КИРгизский ЖЕнский Педагогический Институт!

Путёвка эта особенного счастья мне не принесла: 2 горы, 2 спасаловки плюс 2 бунта против Вайсмана... и 2 четверостишия

«полуфабрикатных», позаимствованных у Кима Рыжова (стоит рассказать!)

Альплагерь в Алаарчинском ущелье построил мастер спорта Боривой Маречек, но покомандовал он недолго; новый начальник, Ефим Вайсман, много лет проработав во взаимовраждебном лагере, назначил осведомителей, урезал «заключённым» пайку («Они ж не жрать приехали, а на горы ходить!») и завёз колючую проволоку (до сих пор ограда цела!); когда же мы из Топ-Карагоя принесли бедолагу-москвича с рваной промежностью, решил запретить восхождения.

Инициатор
перестановки букв –
Борис Кузнецов

Разбудил меня шепот: «Мишаня, пошли – Боб Кузнецов зовёт... на дело! Да не одевай ты штаны, в трусах надо идти!» - и полез я в темноте куда-то вверх, стараясь не отстать от белеющих вовкиных ног. «Всё, пришли!»- стажёр из УПИ Боб Кузнецов подымает камень, крашенный извёсткой, и тащит - куда?

Очень скоро я понял, куда: видел фото, где на этой верхней поляне было когда-то камнями выложено: «Слава великому Сталину»; через пару лет Афоня Шубин переложил камни, чтоб получить «Слава советскому народу», а теперь мы БОЛЬШУЩИЕ БУКВИЩИ кладём: «ВАЙСМАН – СУК» (тьфу ты, на последнюю букву «А» камней не хватило!)

Быстро сообразили две буквы «переделать» – и вот, скользя по предрассветной росе, сбегает по склону, довольные: дело сделано! Мокрые кеды – под койку, и спать!

Сквозь сон слышу музыку, это радист будит спящий лагерь... и рядом с койкой вижу начальника Вайсмана, ощупывающего мои спортивные брючки. Вовка уже свои натягивает: «Холодно! Но на зарядку идти надо!» - и мы в сухих брюках вливаемся в коллектив, уставившийся на белую надпись на склоне против наших мокрых брезентовых четырёхкоечных домиков: «ВАЙСМАН – ДУБ»!

А также и на роскошные трофейные, из толстой свиной кожи, тирольские горные штаны физика из Дубны, мастера спорта К.Д. Толстова! Они висят вместо флага на макушке 20-метровой вертикальной лесины, довольно тонкой у основания (может, сантиметров 30...)

Начальник учебной части Сан Саныч отсиживается дома, а Толстов, только вчера приехавший со своей собачкой к нему в гости, пытается понять, как это кто-то смог залезть на гладкую лесину, как на пальму? Невозможно! Но тирольки-то наверху висят... а снятый лагерный флаг с выцветшим, еле видимым буреветником украшает крышу столовой.

После завтрака значкистов погнали разрушать издевательскую

надпись, а ко мне в сотый раз подошёл Толстов: «Ну, пожалуйста, познакомьте меня с этим чудо - скалолазом! Как он туда залез?!» - Милоголов присел у лесины, обхватил её, прижал к животу и мощно дёрнул вверх! Она и высвободилась из нижнего «гнезда». Толстов хохотал громче всех.

А осенью в Свердловске я потешал А.К. Кикоина этим рассказом и ещё о том, как злой на всю Киргизию Милоголов отвинтил стеклянную доску, ночью положил её на себя (от дождичка, что ли); утром мы с ужасом прочли надпись золотыми буквами по алому фону: «Генеральный прокурор Киргизской ССР - приём по четвергам с 12 до 16...»

О строчках К. Рыжова: спускаясь последним с «Рацека», я вскоре догнал ленинградку Горбунову: «Юлька, болееешь? Помираешь?» - и мы поменялись рюкзаками. Она упорхнула, а я кое-как доволол собранные ею, студенткой Горного, образцы камней; бережно, чтоб лямки не треснули, сдал рюкзак и был приглашён вечером «на рюмку чая».

Пить было почти нечего, зато много пели. Один из певших дал мне свой «песенник», и я долистал до текстовки с заголовком «ВЕСНА В ЛЭТИ -57»; «Что, эстрадное обозрение?» – «Да. Но режиссёр не пропустил наш номер: с рюкзаками, с песней пересечь сцену; всей-то песни задумали пару куплетов... Саня Колкер даже музыку не делал.» – «А кто автор? Мне нравятся эти циклопы.» – «Ким Рыжов и ещё кто-то». Всего было 12 строчек.

Первые 8, сделанных мастерски, я оставил; приделал к ним ещё 12 - и с трудом, но одел их в бодренький «бугешник». В апреле-58 спел в «каменоломне ЧПИ» и объявил конкурс на последние 4 строки (точнее, три). Когда возвращались в город, Миша Вотяков сказал: «Телеграмма уж готова – ни одной нет запятой, и всего четыре слова...» – на этом гимн альпсекции Челябинского политеха был закончен! На майском первенстве Челябинского облТруда по скалолазанию Шура Пономарёва не один раз спела «Мама, я хочу домой!» - а летом она пела её в «Баксане», я - в Школе инструкторов, а Санька Рябухин - под Вост. Победой.

Прекрасные строчки принёс Вовка Голубев: «Неужели тебе не нравятся?» Вот они:

«Вбит в карниз ледовый крюк
И на нём повис мой друг;
Над ущельем слышен вой: ...»
«Организм мой хлипкий, шаткий
Мочит дождик проливной...
Не хочу сидеть в палатке!...»

Визбор сказал мне, что услышал песню от девочки на Тянь-Шане в 1959 году и вовсе не собирался приделывать свои 8 строчек, но... так окончательно сформировалось соавторство этой популярной в то время песни.

Но вернёмся к воспоминаниям об УПИ... На Уктусе Кикоин с нами не лазил, а вот на Азовку майскую в 1954 году поехал - длинными ногами

месил косогор и распевал на ходу совершенно немusыкально: «Скушно мне стало, женщинo нету, фaйдyлифaйдyлифaй! Эх, полечу нa дpyгyю планету!» - oчень задиристо и в кайф. От его репертуара я зверел, я вообще держался независимо, так как физику уже сдал...»

Как М. Левин сдавал физику, можно прочитать на стр. 58, но последующий абзац из тех его воспоминаний мы все же повторим.

«Под скалами Кикоин был нам ровня, а не «покровитель-кровопителъ» – потому-то среди нас и не возникало «вожачков», и «деды» не тиранили, а учили. Прирождённый педагог, он помогал нам самоуправляться, и мы росли, ощущая добрую силу собственной годности к той жизни, о которой мечтали и пели.

А что же мы пели? Претендуя на роль «музыкального обеспетчера», я осенью-54 сделал для парней альпинистскую песню: услышал в УПИ на концерте Л.О. Утёсова «Полярный вальс» Воловича, врача одной из полярных станций - ну, и «переработал» в марш:

Гремит камнепад, надвигается ночь,
И ветер, неистово в скалах свистя,
Всё рвётся в палатку, как будто не прочь
Послать нас ко всем чертям.
И так далее (подчёркнутое - заимствовано).

Песня стала гимном альпинистов УПИ, потом её по Всесоюзному Радио душевно спели МГУшники – мы слушали в электричке, как раз возвращаясь со скал.

Эту мою «перелицовку» петь хором было намного легче, чем сделанный тогда же физтехом Васей Кобяковым, впоследствии инструктором альпинизма, подлинный «Гимн УПИ»:

« Мне стало грустно отчего-то.. .здесь тополя стоят в цвету.
Расправил крылья для полёта родной навеки институт».

Увы, но в припеве там была такая высоченная нота («Весел бУУУдь» – звук «У» вообще не поётся!), что не стал я тогда делать альпинистскую текстовку ещё и на мотив Васиных «Огоньков» (а ведь до сих пор безумно нравится мне этот его шлягер!)

Акомпанировал я себе отстукиванием на чём попало, гитариста в секции тогда не было; а когда после долгого перерыва появился я с челябинцами на Азовке, обрадовался и щедро поделился песнями с Владом Шкодиным (он тогда с гитарой не разлучался):

«С крыши ночь зарю снимает и спускается с небес,
А за этим наблюдает наша мать КПСС!»

Но Владу претило коверкать Визбора, зато пленил мой «Волчий блюз»: «Ого-го, спой-ка, Левин, ещё раз!» - и довольный Шкодин издавал звуки, заменявшие ему хохот.

Гости из богатенького «Челябинска-40» оделяли команды палками «сырой», самой дешёвой колбасы; привезённые мной челябинские

альпинистки изучали палатку, на новеньком перкале которой Вова Кусенко-младший углем написал: «БАР - DUCK» и «WHO is WHO?» (Художественный ХУлиган, что с него взять?), а пермячка Наташа Осокина читала мне прекрасные стихи ... и очаровательный Стас Мерцалов был душой этого молодого общества, влюблённого в абсолютную свободу.

Жаль, челябинский соревновательный календарь не позволял мне Новоуральские командос на Азов-горе. Куба – ДА! наведываться на Азовку первомайскую – но Лева Селянский, к тому времени уже челябинец, очень красочно рассказал и шедевре В. Кусенко 1963-го: Фидель Кастро черными пятнами по белому фону (так выглядит известная эмблема театра им. Маяковского), ниже надпись «КУБА, СТРАХОВКА ГОТОВА». А над толпой «демонстрантов» висит довольный Кикоин!

Последний раз я видел его издалека, из зала, переполненного в честь Кубка Мира по скалолазанию: 87-летний патриарх, стоя с микрофоном перед новым фанеродромом, скорбно довел до всеобщего сведения, что крыша Манежа УГТУ-УПИ – «это крышка гроба над лазанием по Скале» (такой любезной его альпинистскому сердцу)».

Вопрос лазания по тренажерам неоднозначен, как бы ни был ты влюблен в скалы. Взять хотя бы возможность в любое время года и в любую погоду заниматься любимым делом.

Главное: чтобы альпинизм и скалолазание, «повязавшие» нас в юные годы, не покидали нас, чтоб при звуке слов «Азов-гора» душа оживала.

Хотя...

На Азов-горе, на Горе-Азов

Ветераны и асы начинали с азов.

А теперь, обеззубев и облысев,
«Альма-маму» свою позабыли совсем...

Ах, как вы нас СПАСАЛИ

От липучей хандры

Вечно юные скалы Азов-горы! (М. Левин)

Посвятим Азовке еще несколько слов.

Эдуард Робертович Римм (в то время житель пос. Северский):

«Азов-гора из наших окон была отлично видна. Всегда приезжало много свердловчан. Для всех это был праздник! Не только тренировались, но и общались между собой. Устраивали демонстрации в честь 1-го

и 9-го мая.»

Точнее сказать невозможно – действительно «ПРАЗДНИК». Причем продолжительный, начинавшийся в период планирования и подготовки к выезду и продолжавшийся уже в период воспоминаний о поездке. Праздник, однако, не без грусти – наступал момент, когда ты вдруг осознал: все, надо уезжать.

Мы не можем не привести здесь стихотворные строчки Тамары Григорьевой, посвященные Азовке:

Вспомним наши походы, эх, была - не была,
Как впервые Азовка нас к себе позвала.
Позвала, не просила ни любить, ни винить,
А весна приходила – начинала манить.
Наши годы походных талисманов полны,
Будет наша Азовка талисманом весны!

А теперь о грустном.

Услышали мы как-то, что большая группа детей, тренирующихся в Спортивной детско-юношеской школе горных видов спорта, собирается на майские праздники на Шихан, что в Челябинской области.

- Почему так далеко, а Азовка? – спросили мы.

- Нет, на Азовку не поедем. Уж больно наши альпинисты там «злоупотребляют», перед детьми стыдно! – был ответ тренера.

Долго не могли придти в себя. А сейчас, пользуясь случаем, обратимся:

- Господа «злоупотребляющие»! Не могли бы вы найти себе первого мая другое место?

Лазание по искусственному рельефу и Азов-гора отвлекли нас от темы «М. Левин». Вернемся и посвятим этой теме еще несколько слов.

В альплагерях М. Левина знали под кличкой «Душитель». Разрядники его не любили и боялись, а он их любил и не боялся, вдалбливал им, что главное – это ОФП и выпускал каждый день, чтоб выполняли второй разряд от третьего. А разрядницы... некоторые даже стали мастерами спорта, несмотря на левинские «характеристики» в их Книжках альпинистов. М. Левин явно пытался очистить горы от «красоток» и «нимф». Увы, единомышленники появились только после Ленина-74.

Участвуя в тур. слете ДСО «Искра» 1953 года, пролез он по скале в комбинированной эстафете (ещё были этапы бега мужчин и женщин, плавание поперек горной реки). Серебряную медаль ученика средней школы заранее отвез в УПИ - потому что там были альпинисты, а один из них прославился в масштабе «Приюта 11»: взял с собой на Эльбрус однорукого значкиста, которому в альплагере написали: «Не рекомендуется заниматься альпинизмом».

С 1953 по 1955 год - заместитель Раши Горлаевой, председателя бюро секции альпинизма. Перейдя на учёбу в Челябинполитех, поближе к родителям, организовал альпсекцию при облсовете ДСО «Буревестник», выбивал для подопечных путёвки и снаряжение. Был дисквалифицирован до значка в 1956 году «за выполнение заведомо неверного указания женщины-руководителя» (южнее перевала Джантуган). В 1957 году участвовал в освоении Каракольского ущелья, выполнил заново второй разряд и в 1958 году, защитив диплом по специальности «Металлургия чёрных металлов», сразу уехал на Кавказ в Школу инструкторов альпинизма.

С 1958 по 1974 год Михаил Семенович работал в профсоюзных альплагерях (Джантуган, Красная Звезда, Домбай, Ала-Арча, Талгар, Баксан, Джайлык, Туюксу, школа инструкторов в Ала-Арче, Цей, школа инструкторов в Шхельде, Дугоба, Ала-Арча, Актру), потом – экспедиции. В 1987 году вернулся поработать в Джайлык, с 2004-го начальник учебной части Актру. Руководил школой инструкторов альпинизма в Актру-2006.

С 1964 года М. Левин руководил самостоятельными зимними и летними выездами в горы: Туюксу, Талгар, Фанские горы с юга, ледник Федченко, Каракольское ущелье, Юго-Западный Памир, Ала-Арча, Куйлю, ледник Корженевского, пик Ленина дважды, Кичик-Алай, Угамский хребет. Организатор многих первовосхождений и первопрохождений..

С 1964 года – мастер спорта СССР (связка – М. Плышевский), с 1967-го - старший инструктор. По 1973 год сам ходил на «пятёрки», потом начал работать «на других». Председатель Челябинской облФА 1972- 1985 гг. Член Совета ФА СССР с 1972 по 1984 год, член Скального Комитета СССР с 1974 года.

Судейский стаж в скалолазании – с 1954 года. В 1970 году Михаил Семенович Левин первым на Урале получил республиканскую категорию, с 1982-ого - судья Всесоюзной категории. Придумал соревнования «Кубок Надежд», «Осенняя Магнитка», «Альптрассы» и др.; ввёл Карточки участников, промежуточные и качающиеся финиши, списки «Этого делать нельзя» (читай: «Всё остальное – можно»). С 1971 по 1983 год пробивал разрешение юным соревноваться между собой, не со взрослыми, – пробили! Первый председатель Молодёжной комиссии учебно-методического совета при Управлении альпинизма ВС ДСО профсоюзов. Главный секретарь первого профсоюзного молодёжного первенства (Кисловодск-83), главный судья последнего всесоюзного молодёжного первенства (Судак-90). Член Всероссийской коллегии судей по скалолазанию с 1983 года.

Председатель тренерского совета ФА Башкортостана с 1996 по 2003 год. С 1996 по 2008 год развивал ледолазание, член Комитета ледолазания РФ до 2004 года.

Ветеран труда ЧТЗ (1964 – 1997 г.), ушёл с должности начальника бюро кооперации отдела главного металлурга, 20 лет руководил

подготовкой литейного производства. В настоящее время охотно разъезжает по соревнованиям, особенно любит работать с А.В. Кленовым, который пропагандирует придуманную М. Левиным «Новую домбайскую связку».

Успехов тебе, Михаил Семенович, и здоровья! И чтобы еще долгие годы тебя, взвалившего на плечи рюкзак, провожали слова, тобой же сочиненной песни:

Далеко-далеко ты, родимая Челяба...
Сам чёрт сломает ногу среди этих гор!

О себе альпинистка с 1954 года Наташа Болдырева (Скорева) написала очень скромно.

«Заниматься альпинизмом начала в Свердловском горно-металлургическом техникуме, по окончании которого поступила в УПИ. Затем работала на электрохимическом комбинате Новоуральска. 38 лет ездила в горы. Сейчас доступного альпинизма нет. Бегаю марафон, катаюсь на горных лыжах. На серьезные восхождения ходила в связке с Геннадием Яковлевым, если нужно – он может обо мне написать» - вот и все.

Мы, конечно, обратились к Геннадию Семеновичу, и вот что он нам написал:

«Наталья Болдырева – замечательный человек, сильная спортсменка. Познакомились мы еще в пятидесятых годах в горно-металлургическом техникуме. ...Если мы и ходили с Натальей вместе, то только на тренировочные восхождения. ...Во время траверса в Уллу-Тау (с подъемом по «доске»), Наталья меня чуть не убила. На одном из дюльферов спустился первым, организовал станцию Наталья, спускаясь, крикнула слишком поздно: «Камень!» Поднимаю голову, и мне хороший кусок льда прямо в лицо. Она спустилась, а у меня вся морда в крови, сам я в шоке, но обошлось».

Вот тебе на! Рассказал! По этому случаю не удержимся от замечаний и в адрес рассказчика, и в адрес героини рассказа. Первое: при таком расстоянии между участниками восхождения, когда кричат «Камень!», надо, Гена, вжаться в склон, закрыв голову руками, и, уж ни в коем случае, не поднимать ее и не искать с этим камнем встречи. И второе: не надо никому доверяться, Наташа, надо самой о себе писать.

А сейчас представим в описании Н. Болдыревой два события, которые произошли с ней при непосредственном занятии альпинизмом и скалолазанием.

Встреча с «хозяином» Памира.

«1957 год, а/л «Варзоб», Памир. ЦС «Буревестник» организовал выезд разрядников в Фанские горы – для выполнения нормы 1-го спортивного разряда. Нужно было совершить восхождение на вершину 5000 м. Учебные занятия и тренировочные восхождения провели в лагере. Нас было две девочки – Света Коленкина и я. Третья участница сбора Нина Слюсаренко из Душанбе приехала позднее, после завершения подготовительного процесса. Нам очень хотелось, чтобы нас было трое. Так как душанбинцы ходят в горы круглый год, нам разрешили сходить с ней на тренировочное восхождение – траверс 3-х вершин «Крылья Таджикистана», 3-Б кат. тр. Группа взаимодействия пошла на соседнюю вершину под руководством В.С. Машкова (кандидат медицинских наук, в то время разрядник, потом МС).

Вышли из лагеря во второй половине дня, заночевали под вершиной. Утром вышли на траверс. Маршрут скальный. Шли с веревкой 40 м, тройкой, я первая. При спуске со второй вершины, я обошла ее справа по скальной полке и вышла на гребень под названием «нож». Шла аккуратно, где сбоку, где верхом, закладывая веревки по обе стороны от гребня. Организовать страховку для приема не получалось. Впереди на гребне был более-менее надежный выступ. Мне кричали, что веревка кончается. Подхожу к выступу и, о, ужас! – за ним лежит медведь. Он поднялся, встал на задние лапы. Вижу его глаза, раскрытую пасть, зубы, когти на передних лапах и бурю обвисшую шерсть. Мы стоим друг против друга. Что делать? Сознание работает молниеносно. Прыгать с гребня направо – стена и ледник со множеством трещин. Прыгну – меня там никогда не найдут, а как же мама? Налево – разрушенные скалы. К этому времени я уже видела, как приносят по частям альпинистов, которые сорвались на скалах. Значит, нельзя. Остается двигаться назад. Я начала бежать по гребню, по которому так аккуратно шла вперед. Я отбегаю, он прыгает до меня. Я вытаскиваю из-под него веревку – мы опять друг против друга. Вначале я пыталась собирать веревку в охапку – не до колец! Но у меня сделана страховка за выступы – веревка запуталась, и я ее бросила. Услышав рев медведя, Коленкина Света вышла на вершину и стояла в решимости бросить камнем в медведя. У нас был сплошной клубок – между мной, медведем и веревкой. Каким-то образом я добежала до полки, по которой пришла. Передо мной скальная стенка с минимумом зацепов. Благодаря тому, что я занималась спортивной гимнастикой, я взлетела по этой стенке метра на 3-4, а медведь прошел подо мной в кулуар. Дальше ни вверх, ни вниз. Света Коленкина прошла по гребню, распутала веревку и бросила ее мне сверху, и я спустилась назад на гребень. Мы были в шоке. Дальше я снова шла первой, но постоянно кричала, чтобы испугать того, кто еще попадется на гребне.

Ребята из группы взаимодействия слышали наши разговоры, спустились в лагерь. Мы остались на ночевку. В лагере был переполох – почему группа девчонок не вернулась. В лагерь пришли к завтраку.

Я на всю жизнь зареклась – никогда не ходить чисто женской группой и на скалах не ходить первой в связке».

Этот случай описал в журнале «Памир» №3 за 1982 год В.С. Машков в статье «Восходительницы».

Встреча с волком.

«1974 год, март месяц. Подтаяло. Ночью выпал снег. Утром в субботу отпустила детей в школу, сама пошла на скалы – потренироваться. От дома до скал – 40 минут. Прошла автомобильную дорогу, лесную, вышла на тропу на гребне. Иду по свежеснеговому снегу. Увидела след волка. Усмехнулась. Даже не остановилась, четко иду лазать на скалы. В какое-то мгновение поднимаю глаза – он стоит передо мной. И снова, как на Памире, помню – надо смотреть зверю в глаза. Что делать? на юг мелкоколесье, город на север. Но на север крупная осыпь – валуны 3-4 метра. По свежему снегу, если соскользну, он на меня прыгнет сзади. Остается путь назад.

Глядя зверю в глаза, приседаю, беру в каждую руку по камню. Если прыгнет, буду бить зверя по глазам, чтобы ослепить его. Началось жуткое отступление назад. Я спиной – он передо мной. Я шаг, он шаг. Эти 200 м мне показались целой вечностью. Дойдя до лесной дороги, он пошел со мной рядом по лесу. И отстал только тогда, когда я вышла на автомобильную трассу. Вот так я потренировалась в тот день на скалах».

Ну что ж. Воли и силы духа Наталье Павловне было, очевидно, «не занимать».

Богат 1954 год на отыскавшихся новичков. Ниже мы представляем Владимира Дмитриевича Глянченко – главный научный сотрудник ФГУП ВУХИН, доктор технических наук, профессор кафедры химической технологии топлива и промышленной экологии УГТУ-УПИ. К нашей просьбе он отнесся серьезно и рассказал о себе и о тех, кого помнит.

«1953 год. Фотографии гор в вестибюле УПИ, извещение о собрании, приглашение желающих. Пришел. Тренировки на Уктусских горах в каменоломне, на слаломной горке, на трамплине.

1954 год. Чертово городище. 1 мая на Азове. Абрам Кикоин. Лянгасов. Типикин. Альплагерь «Актру». Упийцы: Миша Левин, Валера Шевцов, Ярославцев, Банников, Малюгин Володя, Кусенко Володя. Инструктор у нас – москвич А. Захаров.

Рядом стоял лагерь И. Тамма. Купались в ледяной купели – «ванне Тамма». Он в ней терпел 15 секунд, мы выскакивали через две. Дольше всех (секунд пять) сидел в ней Моисей Аксельрод.

Новосибирская киностудия снимала документальный фильм о лагере. Упийцы участвовали в съемках. М. Левин переправлял девушку через бурлящий поток.

Пока И. Тамм и сопровождавшие были в походе, в лагере отравились холодцом, и мы во главе с Левиним бегали с банками розового раствора марганцовки и уговаривали всех выпить, а наиболее неуступчивых

Мишка страшал: «Сейчас начнем ставить клизмы!»

Ночевка на леднике Актру. Рубали фирн. При тренировках один москвич провалился в трещину ледника. Начальник учебной части В. Кожин его вытащил. Восхождение на «Юность». Взошла даже собачка.

1955 год. Альплагерь «Актру». Инструкторов нет. Лагерь закрыли для восхождений. Можно только переходить перевалы. Горный туризм. Руководитель – Моня Аксельрод. Пошли к Южно-Чуйским белкам, перевал Тете, долина Кызкинор, перевал Карагем. Прекрасные виды на Белуху вдали. Поляна Делоне. Встречные геологи спрашивают, не попадался ли горький крыжовник (поисковый признак на радиоактивные породы). Перевал 3-х озер. На снегу как пятна крови – высокогорные красные бактерии. Спускались с перевала и на скальной полочке посреди обрыва увидели огромные туры рога – видимо, бросился со скалы.

Затем через Курайскую степь и перевал Обо пошли в ущелье Машей с его завальным озером. Оттуда по полям карликовой березки и голубики через перевал Кзыл-Таш вернулись в лагерь. Другая группа ходила в район ущелья Шавло, тоже с красивым озером.

1956 год. Перед выездом в горы в УПИ «горели» две путевки. Я уговорил двух девушек с химфака, Носову и Бобкову, поехать в лагерь «Актру». Одна из мам пригласила меня домой поговорить, но говорила как-то не о поездке дочери, а кто я, кто мои родители. За реализацию «горящих» путевок я получил бесплатную путевку на Кавказ в лагерь «Домбай».

Инструктор у нас был Э. Луцевич. Ходили на Семенов-баши, траверс Софруджу, Малый Домбай, Южный Домбай и Чхалта-дзых-баши. Прошли перевалы Птышский и Домбайский. Начуч лагеря был Ф. Кропф, интересный человек.

При восхождении на Софруджу попали в снежный заряд. Температура воздуха быстро упала, ветер усилился, и ледяные частицы резали кожу на лице. Все сразу спрятались за камни. Весь ужас продолжался минут пять.

По возвращении в УПИ мне сообщили, что меня разыскивает разъяренная мама свежеиспеченной альпинистки. Оказывается, девчонкам в лагере понравилось, и они попросили прислать деньги на путевку на вторую смену. Мама послала, хотя удивлялась, почему это надо посылать на Алтай? Девочки приехали худые, поджарые, загорелые, восторженные. Собрались друзья, стали рассматривать фотографии и комментировать их: это на леднике, это скальные занятия, это на вершине, это тащим труп...

Мама всполошилась: «Ты где это была? Я думала, ты на Кавказе на турбазе. Где этот парень, что охмурил вас?»

На всякий случай я скрывался не в своем студенческом корпусе.

1957 год. Ходили в лагере «Ала-Арча» на Тянь-Шане. Наша постоянная связка Шевцов-Глянченко, Мороцкий Ор. Вершины: Корона, пик Манас, траверс Ак-Дувал, Саватор-Баши, 30 лет ВЛКСМ. Перевалы Манас и Шестерых.

С вершины Ак-Дувал надо было идти на перевал. Мы сошли с гребня и пошли под скалами южного склона. Вдруг этот склон осел.

Образовалась трещина сантиметров 50 шириной. Мы друг другу крикнули: «замри!» и стояли в неуклюжих позах секунд тридцать. Потом «шепотом» пошли на перевал. На перевале почти сразу заснули – нервная разрядка людей, которые только что избежали образования лавины!

Из «Ала-Арчи» я поехал в Алма-Ату в альпинистский лагерь «Кокбастау», где занималась со своими подругами из свердловского медицинского института моя невеста Людмила Рыбакова. Они вернулись с восхождения на пик Молодежный.

1958 год. Впервые власти договорились с зарубежными альпинистами о возможности безвалютного обмена делегациями. В Свердловске группа была сформирована, в основном, из студентов и преподавателей УПИ. Нашу группу приняла ГДР для поездки в Саксонскую Швейцарию, район песчаных утесов на границе ГДР и Чехословакии. В группе были Брагин Ю., Банников Ю., Глянченко В., Кусенко Ф., Писарев, Ярославцев и др.

Побывали в Берлине, Дрездене, Майсене (родине саксонского фарфора) и приехали в Бад-Шандау на границе с Чехословакией, откуда уехали в хижину – Курт Шлессер-хютте. Отсюда делали подъемы на утесы районов Фалькнштайн, Штрамштайн, Аффенштайн и Бастай. Маршруты обычно представляли скальные стенки иногда с элементами перепрыгивания со скалы на скалу, что практикуется на красноярских столбах «Перья». Европейская классификация трудности подъема на скалы включает шесть категорий. Группа совершила следующие восхождения:

Spitzer Turm (Sud kamin II); Kesselturm (Westweg Y); Hoher Torstein (Alter Jstweg III); Tante (Aler Weg Y); Satanskopf (Seibtweg Y); Nordilice Pfaffen-schluchtspitze (Alter Weg III); Falken stein (Schusterweg III). Часть группы поднялась на Lokomotiv (YI).

Здесь мы повстречались с бывшими альпинистами рабочего альпинистского клуба, которые перед войной ходили у нас на Кавказе. Один из них показал фотографию знаменитой альпинистки Александры Джапаридзе с дарственной надписью.

Из Германии часть членов делегации поехала на Кавказ в лагерь «Джан-Туган», при котором была организована альпиниада УПИ под руководством А. Кикоина. Там я встретился со своей женой Людмилой Глянченко, которая была в группе врачей альпиниады. Работы у них было немного, только когда Котенев глиссировал при спуске с Западной Шхельды и разрезал себе на камне ягодицу, они приготовились ее зашивать, да только Котенев, увидав их в масках, щелкающих пинцетам и зажимами, сбежал.

Здесь делали восхождение на пик Советский воин, Ирик-Чат и Чегет-карабаши. Спускаясь с последнего, «глиссируя», мы с М. Плышевским выскочили на освещенный солнцем лед – голый! Плышевский был ближе к морене и закрепился, а меня сбросило в трещину, где я потерял сознание. Плышевский меня вытащил, и мы тихо-тихо добрались до ночевки.

1959 год. Немцы прислали хвалебную характеристику нашей группе 1958 года, и в этом году была создана команда для поездки в Австрию в Восточные Альпы.

Руководил Феликс Кусенко, многие из прошлогодней группы также участвовали в этой поездке. Прибыв в Вену, мы получили гида Питера Добеля, который увез нас в Линц, не тот, большой, расположенный на востоке Австрии, а находящийся на границе с Италией. Здесь мы остановились на постоялом дворе, закупили продукты, для акклиматизации поднялись на вершины, со склонов которых зимой катаются лыжники.

Затем через завальное озеро, на котором устроена водная станция, мы поднялись в горы - отроги доломитовых Альп, которые протянулись и по северу Италии, и в которых в Кортино-д'Ампеццо проходили зимние олимпийские игры. Здесь мы совершили восхождение на Ротер Турм (2-А) и Зеекофель (3-Б).

Пока лазали в горах, наш лагерь растоптали быки. Вроде искали соль. Особенно мне было жалко мою гитару, которую носили даже на вершины и которой присвоили значок «Альпинист СССР».

На Зеекофеле нас застала гроза. Потемнело. На остриях камней появились еле видимые голубые «Огни Эльма». Стали бить молнии. Одна ударила в переднюю связку, где шли Питер и Кузнецов. Кузнецов, увидев неподвижную фигуру гида, как специалист-электрик решил, что Питера поразило током. Но тот зашевелился и вскоре пошел дальше. Позже мы увидели, что Питер коснулся камня раньше обшлагом рукава, а затем ладонью. Поэтому искра прошла по штурмовке к обшлагу на другом рукаве по шву, просоленному потом.

Из этого района мы переехали в Высокий Тауэрн под главную вершину Австрии Гросс-Глокнер (3797 м).

Выйдя из автобуса, мы направились по дорожке, пересекающей склон, к хижине Обервальдхютте. Но нас остановили. Оказывается, надо было идти по новой тропе и тоннелю, так как на этом склоне произрастают эдельвейсы! Поднявшись в хижину, мы встретили альпийских горных спасателей («Голубой крест»), семью англичан, немцев, группу

голландцев, которой руководил молодой 23-летний пастор.

Питер повел нас к вершине Фишеркаркопф, показать северную ледовую стену с перепадом высот 350 м под углом 50 градусов. Затем взял трех человек и пошел догонять группу немцев, вышедшую на склон на пару часов раньше. Остальные вернулись в хижину. Наши ребята, используя выворачивающиеся ледовые крючья, быстро обогнали немцев и поднялись на вершину. Но потемнело, мы, взяв фонарики, пошли навстречу спускающимся. Движение огоньков на леднике вызвало беспокойство в долине, где зажгли сигнальный прожектор. Но ребята уже спустились, и мы поспешили к хижине, где застали волнующую картину: две наши хрупкие девушки в дверях хижины не выпускали двух здоровых австрийцев из «голубого креста». Друг друга они понять не могли, поскольку наши не знали немецкого, а австрийцы – русского. Оказывается, увидав огоньки на леднике, австрийцы хотели пойти на «спасаловку», а девчата их не пускали, чтобы не платить спасателям и «сберечь государственные деньги».

На следующий день пришел «фен» - теплый ветер с Адриатического моря, пошел снег, все закрылось облаками. Новое утро было светлым, и мы, дождавшись, когда сойдут лавины, совершили восхождение на Ромарисвандкопф (2-А) и к вечеру достигли хижины на плече Гросглокнера (2-А). Рано утром мы поднялись на вершину, сфотографировались у креста (такие кресты стоят на всех вершинах) и вернулись через ледник Пастерце в хижину Обервальдхютте. Наутро мы перешли Альпы в долину Капруна и мимо знаменитой плотины спустились на фуникулере, проложенном в толще горы, вниз. Далее мы вернулись в Вену, где совместно с членами других туристических групп образовали как бы «охрану фестиваля молодежи и студентов».

На Эльбрус мне удалось попасть позже, когда руководил группой сотрудников Восточного научно-исследовательского углехимического института в поездке на Кавказ. Я зарегистрировал группу у нач. спаса района Кахиани и начальника «Приюта одиннадцати» Кудинова. В тот раз на Эльбрус взойшли сотрудники ВУХИНа Носков С. и Шевченко В.

Владимир Глянченко.
Альплагерь Ала-Арча.
1957 год

Позже у меня были подъемы на Казбек на Гергетский ледник (до высоты 3200 м) и просто походы на вулкан Эбеко и Говерлу.

Альпинистские дни незабываемы!».

Обещал, но не написал о своих воспоминаниях новичок 1954-го,

перворазрядник Малюгин Владимир Дмитриевич, окончивший УПИ в 1958 году, а теперь доктор технических наук, профессор, зав. отделом Института проблем управления Российской Академии Наук.

И мы, как обычно в таких случаях, говорим – а жаль!

Из воспоминаний Станислава Александровича Типикина еще об одном новичке 1954 года.

«Ежегодно по завершению летнего сезона мы выпускали фото-стенд «Горы зовут...». Собирали у всех наиболее впечатляющие снимки, склеивали полотно из нескольких листов ватмана, наклеивали фото, оформляли и вывешивали в главном корпусе на стене возле профкома института. Этим мы привлекали внимание со стороны потенциальных новичков, а также лишний раз напоминали руководству УПИ о своем существовании. Главным художественным оформителем стенда был Володя Кусенко - студент архитектурного отделения стройфака, альпинист-разрядник, человек с тонким вкусом и чувством юмора.»

И снова – «жаль»! Жаль, что «человек с тонким вкусом и чувством юмора» не откликнулся на наши просьбы и не поделился с нами воспоминаниями о том, с кем проехал на горнолыжных трассах не одну сотню километров.

Для представления следующего новичка 1954-го обратимся к энциклопедии «Инженеры Урала».

«Слобцов Лев Ефимович... Окончил Уральский политехнический институт (1957), инженер-металлург. Кандидат технических наук (1963). Инструктор альпинизма. В 1957-1965 гг. – в институте «Унипромедь» (г. Свердловск); 1965-1967 гг. – в Министерстве цветной металлургии СССР; с 1967 г. – старший научный сотрудник института «ГИНцветмет» (г. Москва). Внес вклад в развитие технологии гидрометаллургии цветных металлов. Приобрел опыт исследования и внедрения технологий извлечения цветных металлов на ряде крупных предприятий СССР, который применил на предприятиях цветной металлургии в Чили и на Кубе, выезжая в командировки в ГДР, Румынию, Канаду. Был экспертом ГОХРАНа. Имеет 20 внедренных изобретений, автор 30 печатных работ.»

«Классный специалист, имеющий много внедренных авторских свидетельств, работавший в разных странах и континентах... Первый в семье, занявшийся альпинизмом и затянувший в горы братьев. Заботливый и любящий отец и муж. Погиб в автоаварии в 1994 году в 200 метрах от своего дома!» - напишет о нем его младший брат Борис.

НАЧАЛО ПУТИ В спорт высших достижений. 1955–1960 годы

Год 1955-ый

Газета «Уральский рабочий» заметкой «Уральцы-альпинисты» рассказала 17 июля об альпинизме и альпинистах Свердловской области и не только. Были перечислены города: Магнитогорск, Челябинск, Н. Тагил, Серов, Первоуральск, Чусовской, Златоуст. На фотографии, сопровождающей заметку, на вершине горы с веревкой в руках запечатлен инструктор, командир отделения разрядников серовчанин Сергей Соболев. Рядом с ним, с ледорубом в руках – электрик Чусовского завода, старший инструктор Павел Шумихин. В заметке упоминаются работники завода им. Серова Юрий Ермолаев, Любовь Савельева, Игорь Созин.

Не отстает область! И там уже выросли свои лидеры, свои старшие инструктора, которые ведут за собой рабочую молодежь.

Газета «ЗТМ» 29 сентября поместила на своих страницах рассказ председателя заводской секции альпинизма, зубореза А. Даниловича «На вершину Накра-Тау».

Мы не будем ничего сокращать. Давайте послушаем голос нашего ветерана, альпиниста довоенных лет.

«Мне недавно пришлось побывать в альпинистском лагере Джан-туган, расположенном в живописном ущелье Адыл-Су (Центральный Кавказ). Группа альпинистов, которой я руководил, поставила своей целью установить какой-нибудь рекорд восхождения - мы хотели повысить свой спортивный разряд. Руководство лагеря разрешило нам совершить восхождение на вершину Накра-Тау по маршруту 4-Б к. тр.

...Слева от нас встает громада Накра-Тау, покрытая вечным льдом и снегом. Мрачно чернеют неприступные скалы, как бы предостерегая человека от мысли забраться на них. Мы видим срывающиеся снежные лавины,

с грохотом несущиеся вниз огромные камни. Для альпинистов это наибольшая опасность.

Вершина Накра-тау (4451 м).
Северная стена

Переправились через бурную реку и в безопасном месте – под самой стеной горы – остановились на отдых. Было еще совсем темно, когда мы вышли на штурм стены, освещая путь фонарями. Наш маршрут лежал по так называемым скальным островам, соединенным между собой узкими гребнями. Нам необходимо было здесь пройти лавиноопасные места до того, как начнет пригревать солнце. Движемся вперед, связавшись веревкой по двое, осторожно выбивая ступеньки в снегу. В пути находимся десять часов, а преодолели всего два острова. Зато третий был взят значительно легче других.

Приближалась ночь. До наступления темноты надо было подготовить место для палатки. Площадка оказалась не совсем удобной и очень малой: пришлось поднять один край палатки (другой свисал над бездной ущелья). Иного выхода нет. Для безопасности вбиваем несколько крючков. Закрепив палатку, наскоро ужинаем, ложимся спать, тесно прижавшись друг к другу.

Еще не успели пробиться предрассветные лучи солнца, а мы уже уходим в дальнейший путь. За четыре часа преодолели последний остров. Остается взять метров сто крутого ледяного склона, чуть-чуть прикрытого снегом. Приходится рубить ступеньки и забивать ледовые крючья. И вот мы на вершине! Теперь можно отдохнуть - самое опасное позади, спуск значительно легче.

Перед нами открывается изумительная картина. На юго-востоке в сизой дымке прячется красавица Ушба - мечта всех альпинистов. На юге скрывается Сванетия - страна дремучих лесов и яркозеленых лугов, которые издали манят к себе путешественников. Мы видим горные реки, похожие сверху на ручейки. Прямо против нас возвышаются две огромные белые шапки гиганта Эльбруса.

Пора спускаться. Начинаем глиссировать - скользить по снегу на ногах, опираясь на ледоруб. Сравнительно легко преодолеваем оба перевала и оказываемся на тропе. На следующий день уже не торопимся, сушим вещи, любуемся изумительной кавказской природой.

Вскоре прибываем в лагерь: трудное восхождение закончено успешно.

Альпинизм - спорт отважных. Вот почему хочется, чтобы им занималось как можно больше нашей заводской молодежи.

*А. ДАНИЛОВИЧ, председатель заводской секции альпинизма,
зуборез механического цеха крупных узлов»*

Читатель уже должен бы привыкнуть к тому, что каждый последующий год истории альпинизма г. Екатеринбурга мы начинаем с обзора прессы. Потом следуют воспоминания альпинистов, в которых многое повторяется.

Сконцентрированный в одной книге, этот материал может показаться однообразным и скучным. Мы это понимаем, но от принятого правила

не отступим. Все это – голос истории, наше альпинистское прошлое, которое нам интересно, как бы оно не описывалось.

Насколько достоверен представленный здесь материал? Для данного «ненаучного» труда - достоверен вполне, т.к. мы пытаемся сведения одного источника сопоставить с другим и внести необходимые корректировки. Но что-то приходится оставлять и в разных вариантах – трудно сейчас проверить все.

Однако вернемся к событиям 1955-го. В горы в этом году в первый раз выезжали Михаил Александрович Плышевский и Людмила Викторовна Муравьева (Сафонова).

Представляем Вам, дорогой Читатель, героя рубрики «новичок-альпинист-55» Михаила Александровича Плышевского. Сначала чуть-чуть приятного для нас:

«Вы меня порадовали в новом году этой книжкой (Книга 1 истории – прим. авторов). ...Книжка удалась, несмотря на небольшой формат и фрагментарность основной информации. ... Главы 1, 2, 3 просто блестящие, написаны нормальным человеческим языком... Откровения молодой альпинистки Анны Балакиной – это вообще перл восторженности и непосредственности... У книги, конечно, есть недостатки, но о них не хочется даже говорить. ... Еще раз благодарю ... и хочу сказать, что авторы глотали архивную пыль не зря!»

Знакомство с М.А. Плышевским начнем с короткого альпинистского резюме.

«Альпинизмом начал заниматься в 1955 году. Звание мастера спорта присвоено в 1964 году, член спасательного отряда с 1964-го, участвовал в соревновании в Теберде. Команда Джайлыка, членом которой я был, заняла 3 место, есть бронзовая медаль.

Инструктор с 1960 года, удостоверение выдано в 1961 году. В дальнейшем инструктор I категории, работал в альплагерях «Алибек», «Домбай», «Баксан», «Джайлык», а также старшим тренером различных команд («Труд-2», «Московский Спартак», «Жальгирис», г. Саратов, г. Владимир и др.) и тренером в МАЛ на Памире.

Пятерочных маршрутов на вершины Кавказа, Памира, Тяньшаня пройдено около 20, больше половины из них 5-Б, шестерок нет – слишком поздно они появились. Из семитысячников – п. Коммунизма, п.

Дрова заготовлены. Пора в путь.

Корженевской, п. Ленина (три раза)»

А сейчас попробуем не прерывать рассказ Михаила Александровича о себе, о горах, о друзьях и о том времени, которое уже для многих теперь – «далекое и малоизвестное прошлое».

«В 1958 году закончил учебу в УПИ, защитив диплом на радиофакультете. Учебой в вузе я занимался мало, так как почти всё время и все мысли были посвящены спорту. Позанимавшись в гимнастической и парашютной секциях, я увлекся горнолыжным спортом, альпинизмом и на старших курсах - фигурным катанием на коньках. Всё это было для меня, приехавшего учиться в большой город из Карабаша, малого захолустного городка, окружённого деревнями и спецпосёлками со ссыльными, крайне интересно. На учёбу времени не оставалось и учиться и переучиваться пришлось много позднее, когда заставила жизнь. Пробыв всё лето 1958 года в горах на Кавказе, я вернулся в город. Передо мной встал вопрос трудоустройства. Ехать по распределению в г. Кыштым мне было немыслимо. Это означало расстаться с горными лыжами, со всеми моими друзьями по альпинизму, а также, возможно, и со спортом. И я остался в Свердловске, устроившись на работу в п/я 942, где всю зиму успешно настраивал автопилоты для ЗУРов (зенитных управляемых ракет), получая оклад молодого специалиста 98 р., но думая всё время про горы. Организовал на заводе секцию альпинизма. Отпуск летом мне, конечно, не светил, и весной я без колебаний уволился и уехал на Кавказ в школу инструкторов альпинизма в Джан-Тугане - так альпинизм начал руководить моей жизнью. Успешно окончил школу, и на стажировку устроился в Московскую топографическую экспедицию (брали они тогда альпинистов на работу), ведущую топографическую съёмку в горах над Военно-грузинской дорогой и в районе Цея, Вернулся осенью в Свердловск, ни кола, ни двора, ни работы, но много друзей, особенно по альпинизму. Главный из них - Володя Голубев, выпускник металлургического факультета УПИ 1958 года, работающий к тому времени на Уралмаше. Он и уговорил меня придти работать на Уралмаш, благо давали общежитие. Работа была в КБ, в котором конструировали опять же ракеты. Работы было мало. А Володя работал сменным мастером в огромном литейном цехе, после ночной смены приходил переутомлённым, с посеревшим лицом, но возбуждённым, и это возбуждение долго не давало ему уснуть. Зарплата его была, конечно, много выше моей, но на неё он содержал ещё своего брата Юрия, который учился тоже на металлургическом факультете УПИ. Он также начал заниматься альпинизмом и достиг позднее уровня второго разряда.

Жили мы с Володей вместе в одной комнате общежития, которое почему-то называлось Мадрид. Окна Мадрида и нашей комнаты выходили прямо на огромную площадь перед проходными завода. Утром

эта площадь была вся заполнена людьми, идущими на работу на завод, и многочисленные проходные пропускали в цеха это человеческое море. Зрелище жуткое и незабываемое, Глядя каждое утро на него (я выходил на работу в КБ позднее), поневоле чувствовал себя мелкой частичкой, варящейся в огромном трудовом котле.

В КБ работало много молодых специалистов из ленинградского университета и Военномеханического института. Среди них был Жора Корепанов, который тоже занимался альпинизмом. Отработав на Уралмаше три года, он впоследствии уехал обратно в Питер, где начал более упорно заниматься альпинизмом, особенно высотным, и вырос до уровня мастера спорта.

Зима 1958-1959 года была посвящена тренировкам и соревнованиям по слалому. Организовал горнолыжную секцию на Уралмаше при заводском стадионе. Всё держалось на моём энтузиазме. Альпинисты же ждали летнего сезона. Понемногу я познакомился с ними со всеми, хотя зимой мы общались друг с другом мало. Во главе альпинистской секции стоял, уже тогда пожилой, Арсений Кириллович Данилович, высококвалифицированный рабочий. Альпинизмом он начал заниматься ещё в довоенное время, знаю, что он участвовал в экспедициях на Алтай, Памир. Выполнение нормы мастера спорта он закончил восхождением по «доске» на в. Уллутау в год, когда ему исполнилось 49 лет. Было это летом 1958 года. Мы все, свердловские, собрались тогда у входа в лагерь Адыл-Су (в начале ущелья Адыл-Су). Хоронили Юру Юрьева, альпиниста из нашей альпинистской секции УПИ. В это время была альпиниада УПИ на базе альплагеря Джан-Туган, и поэтому нас из УПИ было много. Юра погиб при спуске дюльфером с вершины Суарык - вылетел крюк, на котором была закреплена верёвка – говорят, спускался он прыжками, как принято это у скалолазов и, по-видимому, была большая динамическая нагрузка на единственный крюк. Юра был веселый неунывающий парень с немного косящим глазом, придававшим ему плутоватое выражение, большой любитель рассказывать анекдоты. Это была первая, но не последняя потеря среди рядов альпсекции. А. Данилович был в числе провожающих Юру в последний путь, он пришёл с группой из альплагеря Уллутау (ущелье Адыр-Су), только что вернувшись с восхождения на Уллутау по «доске». Тогда этот маршрут считался мерилом мастерства в альпинизме, и кто-то из его группы мне рассказывал восторженно тогда, что он всю эту ледовую доску прошёл впереди на передних зубьях кошек.

Начав рассказывать про В. Голубева и альпсекцию Уралмаша, мне приходится, и в дальнейшем ещё придётся, уходить в сторону от главной темы моего рассказа, вспоминая других. Вернусь к лету 1958-го года, когда на базе альплагере «Джан-Туган» проводилась альпиниада УПИ под руководством Абрама Константиновича Кикоина. Мы с В. Голубевым как раз закончили УПИ, но были включены в состав альпиниады. Кикоин, как руководитель, в восхождениях нас совсем не

ограничивал. Мы были молодые, здоровые и рвались в бой, вооружённые больше тщеславным интересом к набору вершин на разрядные нормы, чем к самим вершинам, хотя они в этом районе поразительно красивы. По троечным и двоечным маршрутам мы тогда взошли на почти все значительные вершины района: Джан-Туган, Уллукара, пик Гермогенова, Ирик-чат, Чегет-тау-чана, а на первый мой маршрут четвёртой категории сложности я вышел в группе под руководством В. Голубева и с ним в связке на вершину с романтическим названием пик Вольной Испании и с двумя жандаримами на гребне с поэтическими именами Гоголя и Лермонтова. Восхождение запомнилось критической ситуацией, возникшей в самом начале восхождения. Запоздав с выходом и потеряв много времени на прохождение начального ледового склона, к скалам мы подошли уже в темноте. Палатку ставить было негде. Дальше началось моё первое, но не последнее, ночное восхождение в кромешной темноте. По неопытности выпускаю Володю на всю верёвку по первым скалам, примыкающим ко льду. И вот тут на меня и на вторую связку (Владимир Малюгин и Александр Ярославцев) полетели камни, сброшенные то ли Володей, то ли от верёвки. Нет ничего страшнее камней, когда ты стоишь не защищённый на льду, да ещё в темноте. Нам, кто был внизу на льду, в тот раз повезло, и мы отделались только испугом и, в конце концов, вышли все на скалы и, пройдя ещё пару верёвок по скалам, нашли место для установки палатки. Этот опыт вынужденной ходьбы по скалам ночью мне в дальнейшем очень пригодился. Уже не так боялся.

На Уралмаше альпинистов было не так много. Из старших, кроме А. Даниловича, были ещё Петя Андрияшин с женой Людой, Генрих Волынец, а остальные все нашего с Голубевым возраста или чуть старше: Юра Кунавин, Володя Милоголов, Юра Котенёв, Михаил Кауфман, Николай Коровин.

Основная альпинистская жизнь протекала в городе, там собиралась на заседание секции вся альпинистская общественность. На Уралмаше отдельно мы не собирались. Единственным общим мероприятием был сбор по путёвкам на базе альплагеря Домбай на Западном Кавказе летом 1960-го. Руководил нами А. Данилович, который и проводил разборы восхождений. Участниками были я, Милоголов, Котенёв и другие. Из инструкторов с нами была Раша Горлаева (она была постарше нас). Мы успешно совершили много восхождений на домбайские вершины, получив

в результате хорошую скальную подготовку. Я, в частности, в группе с Горлаевой побывал на Аманаузе по 4-Б, с Котеневым на Алибеке и на Птыше с Кунавиным. Кроме того, у нас там был организован выезд в ущелье Аксаут, где я принимал участие в восхождениях на в. Каракая по трём разным маршрутам. Одно из восхождений на Каракаю с Ю. Кунавиным запомнилось тем, что, идя целый день по скалам гребня, мы в кровь стёрли пальцы – такие были шершавые скалы – и на спуск вынуждены были одеть рукавицы.

Вершина Каракая (3646 м.)

Надо сказать, что наиболее подающими надежды в альпинизме были Голубев, Котенёв и, наверно, Милоголов. В 1961 году В. Голубев получил путёвку в школу инструкторов в Джантугане и уехал на Кавказ, уволившись с работы. Начальником школы в то время работал украинский альпинист Кирилл Баров. Время его работы в школе было временем ее наивысшего расцвета. Я тоже учился в его школе. У Барова была мечта – совершить восхождение на Ушбу в память об его сестре, погибшей на Ушбе.

Маршрут он наметил сложный: подняться на перемычку с западной стороны, залезть на левую вершину, спуститься на перемычку, залезть на правую вершину, затем спуститься с перемычки на восточную сторону Ушбы. Это называлось «Крест Ушбы».

(Примечание авторов: Первая попытка – 1958 год – у К. Барова не получилась. Пройдя ребро Шмадерера, альпинисты из-за ураганного ветра на Южную Ушбу не пошли).

В том 1961 году группу Баров собрал прямо в школе. Это был тренеры школы Сергей Чатынян, Толя Спесивцев и выпускник школы-61 Володя Голубев.

В то время на каждый район Спорткомитетом СССР назначался уполномоченный, у которого была неограниченная власть над альпинистами в районе. Узнав о готовящемся выходе группы Барова,

уполномоченный района Павел Зак решил опередить ее, чтобы самому стяжать лавры первопроходителя такого красивого маршрута, и в двойке с В. Галкиным, известным своим авантюризмом, прошел этот маршрут. С точки зрения альпинистской этики это было аморально.

Для Барова это был удар, но он, тем не менее, на маршрут с группой вышел и прошел его.

(Примечание авторов: Будь наша воля – не засчитали бы мы той бессовестной парочке первопрохождение, и не только по этическим соображениям: привосхождении они вытребовали у вспомогателей Барова продукты и бензин, воспользовавшись «полномочиями» уполномоченного).

Мы с М. Левиным работали в «Баксане» и встретили группу К. Барова на спуске с перевала Бечо. Это была моя последняя с ним встреча с В. Голубевым. Познакомившись с крымскими альпинистами, В. Голубев в конце лета уехал в Ялту походить по крымским скалам и пещерам, а осенью трагически погиб. Но не на скалах, а в море – купался в шторм, не поднырнул под штормовую волну.

Осенью 1961 года я уволился с Уралмаша, зиму и следующее лето проработал инструктором в лагерях «Алибек» и «Домбай» и в город вернулся только осенью 1962 года. Но этим городом был уже не Свердловск, а город Дубна в Подмосковье.

Любимым местом тренировок на скалах у свердловских альпинистов была Азов-гора, Азовка, как мы её тогда называли. Добирались туда через посёлки Полевское, Северск (Бажовские места), далее пешком. Ездили и на велосипедах, прямо из Свердловска. Скалы на Азов-горе очень приличные, в обрамлении сосен, и на них было много интересных маршрутов. В Первомайские и другие праздники мы проводили там несколько дней. Приезжали туда в то время альпинисты из закрытых городов Челябинск-40, Свердловск-44, и у скал выросла большая палаточный городок. Было время лозунга: «Куба – да, мяса – нет!» и вспоминается, как из палатки, в которой жили ребята из «Сороковки», происходила раздача сосисок, причем каждому подошедшему отрезали их не как-нибудь поштучно, а по полметра. Снабжение в закрытом городе было хорошее, а в Свердловске нельзя было купить ни мяса, ни колбасы, и ребята из «Атомграда», зная это, привозили всегда побольше мясных продуктов.

В тот 1960 год всё было как обычно. С утра 1 мая состоялась, как и в городе, небольшая кратковременная демонстрация. Все выползли из палаток и, построившись, пошли колонной вокруг поляны, неся плакаты со всякими шуточными лозунгами, типа упомянутого мной выше. Запомнились плакат с надписью: «На пыльных тропинках далёких планет останутся наши следы» с рисунком следов от босых ног, и плакат с лозунгом «Будут и у наших жен панталоны различных расцветок!», но без рисунка - цитата из речи Никиты Хрущёва на каком-

то текстильном предприятии. Возглавлял демонстрацию один из старейших альпинистов города Абрам Константинович Кикоин. После демонстрации народ стал расходиться к скалам для тренировок. Тут, правда, и произошло ещё одно событие, на которое мы не обратили тогда внимания. Высоко в голубом майском небе вдруг появились какие-то самолёты, раздались хлопки, а затем всё затихло. Потом, уже в городе мы узнали: прямо над нами сбили ракетой американский шпионский самолёт У-2, и его пилот Пауэрс приземлился на парашюте всего в нескольких километрах от нашего палаточного городка. Много позднее выяснилось, что также сбили один из наших истребителей, вылетевших самолёту Пауэрса на перехват, пилот погиб. Пленённого американца обменяли впоследствии на известного советского разведчика, полковника Абея. А нашего пилота мне жаль до сих пор.»

Один из авторов этой книги наблюдал за невесть откуда взявшимися на синем небе белыми облачками, проходя в праздничной первомайской колонне школьников по площади 1905 года. А брат того автора в те дни служил в воинской части, посылавшей в небо ракеты.

О разыгравшемся в небе сражении узнали намного позже.

«История с шуточной демонстрацией на Азовке имела после праздников продолжение, совсем как в песне: «А утром вызывают меня в политотдел: что же ты, зараза, вместе с танком не сгорел?!» Вызвали не танкиста, а мою будущую жену Брониславу Мелкозёрову, и не в политотдел, а в первый отдел предприятия, что, наверно, в то время означало одно и то же. Работала она тогда в п/я 320, что размещался в доме промышленности, начальником одного из отделов был сын Лаврентия Берии Сергей. Правда, фамилия у него была тогда другая (Гегечкори). Дальше слово Брониславе Павловне: «Допрашивал меня мерзкий тип по фамилии Рылов. Отто Рылов. Как потом я узнала, выпускник знергофака УПИ 1959 года. Начал с того, что пытался мне «шить» участие в какой-то мифической подпольной группе под названием «Ондатровая шубка», занимающейся фарцовкой. И это мне, честной девушке, комсомолке и красавице! Про меня он знал всё, например, что я играла в пинг-

Парад на Азовке 1 мая 1963 года

понг с чехами в альплагере «Красная Звезда», где покоряла вершины Сулахат и Семёнов-баши. И ещё привязался к моим иностранным туфелькам - где я их взяла? Но постепенно дело свелось к той самой демонстрации на Азов-горе с шуточным лозунгом с незабываемым изречением Хрущёва. С трудом мне удалось убедить его, что его написала не я, а кто - не знаю». Всё это Бронислава рассказала мне много лет позднее, небось, взяли с неё подписку о неразглашении этих, сугубо секретных, сведений.

В 1979 году, во время работы в филиале МАЛа на леднике Фортамбек, мне пришлось участвовать в спасработках по снятию с п. Коммунизма заболевшего там альпиниста Рема Хохлова - академика и члена ЦК компартии, но это отдельная большая история.

Так вот, о КГБ. Конечно, мы знали, что в лагере присутствует их представитель и сразу его вычисляли, будь то просто электрик или уполномоченный Спорткомитета СССР. Звали мы его между собой «соколиным глазом». Этот соколиный глаз осуществлял, по-видимому, слежку и за иностранцами, и за нами, тренерами. Нам категорически запрещалось общаться с иностранцами, заходить к ним в палатки, где они жили, и вообще контактировать с ними, хоть внизу, хоть где-то выше. Я на это запрещение плевать хотел и при первой возможности, пользуясь хилым знанием английского и более обширным немецкого языков, вступал с иностранцами в разговор. Очень же интересно поговорить с людьми совсем из другого мира, капиталистического, и, наверно, этот интерес был взаимным.

В том 1980 олимпийском году мы, тренеры, как всегда собрались в МАЛе под п. Ленина (место называется Ачик-Таш) за две недели до приезда иностранцев. Чтобы как-то поучаствовать в олимпийском движении и отметить в нём, мы решили сделать памятное восхождение. Нашли безымянную вершину неподалеку от лагеря в отрогах Заалайского хребта и, решив назвать её пиком Олимпийским, вышли на восхождение. Маршрут был не очень сложный, и мы быстро добрались до вершины, соорудили тур, положили в него записку с названием вершины. И тут случилось непредвиденное. Погода была вроде неплохая, но неожиданно ветер принёс какие-то облака, сгустились тучи, и у нас запели, зазвенели ледорубы. И как начало нас бить грозowymi разрядами! Меня один раз так сильно вдарило по голове, что чуть не оглушило. Я лёг на снег и, не поднимая головы, пополз к спуску, где у нас была навешена верёвка, и все остальные так же, кто на четвереньках, кто ползком - распрямились только, когда спустились метров на 40 вниз. Уже потом, в лагере решили мы назвать вершину Олимпийские Искры, но начальство не поддержало, и название осталось прежним: Пик Олимпийский.

В базовом лагере сажу в палатке, разбираю рюкзак после восхождения, и вдруг прибегает наш старший тренер, Анатолий Николаевич Овчинников, и говорит: «Миша, тебе пришла телеграмма,

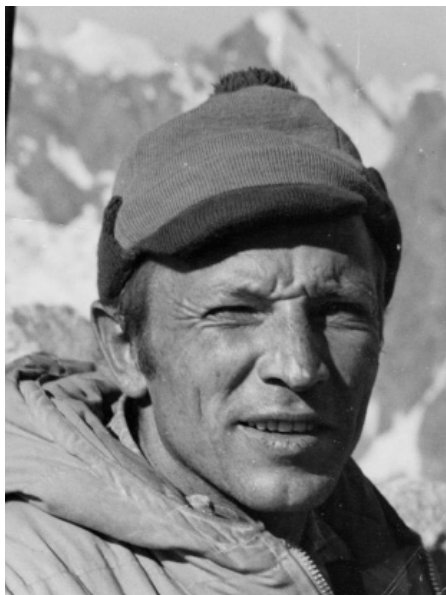

надо срочно явиться на работу». Я опешил, но в конце концов, подумавши, что я всё же в отпуске, и срочной работы у меня не было, я решил, что и без меня вполне могут обойтись, и сказал, что никуда не поеду. А Овчинников напирал, езжай и все, надо, мол, Федя, и дает понять, что дело серьёзное, и при любом раскладе надо мне уезжать, но в чём дело, не говорит, хотя, чувствую, знает. Делать нечего, собрал я вещички и поехал на подвернувшемся грузовике в город Ош, где была контора нашего лагеря. Там мне вручили телеграмму с работы, с требованием срочно вернуться в виду служебной необходимости, и попросили зайти в управление КГБ по Ошской области. Допрашивали меня высокий главный КГБшник (я его видел раньше, он курировал МАЛ) и его помощник с золотыми зубами. Все вопросы сводились к тому, как это я без разрешения приехал в МАЛ работать с иностранцами, на что я постоянно отвечал, что разрешение у меня было оформлено, и знать я ничего не знаю. Для поступления на работу в МАЛ, кроме заявления, необходима была характеристика с места основной работы, подписанная треугольником предприятия (партком, завком, директор), и завизированная, конечно, в управлении КГБ. Точно такая же, как для поездки за границу. Таков раньше был порядок. Всё это у меня было представлено в спорткомитет. Не первый же год я работал в МАЛе, и каждый год характеристику приходилось оформлять. И на этот год она у меня была.

Олимпийская Москва встретила меня непривычно пустыми улицами: движение было ограничено, въезда в Москву не было. На многих улицах движение было закрыто. Добравшись до своего института, позвонил замдиректора, он отфутболил меня в отдел режима. Такие отделы существовали на всех предприятиях нашего министерства, и в них оформлялись формы секретности на каждого работающего. Начальник такого отдела режима нашего НИИ, известный тем, что брал у всех в долг деньги и не отдавал, и тем, что регулярно обходил всех начальников лабораторий и собирал дань с каждого в виде спирта, долго допрашивал меня и требовал писать объяснительную записку, почему я поехал работать с иностранцами, на что я отвечал, что характеристика у меня была, а объяснительную писать отказывался - приятель меня предупредил, что это ни в коем случае делать нельзя, бумажка будет основанием для увольнения с работы. И я держался, упирая на то, что совсем недавно я работал на своем предприятии с иностранцами в качестве переводчика (тогда он же меня попросил помочь, и я целый месяц напрямую общался с иностранцами, переводя все их ноу-хау нашим рабочим и инженерам). Но он говорил, что здесь это одно, а там совсем другое, т.е., как я его понял, здесь были одни немцы, а там другие, и заставлял меня писать объяснительную записку.

В конце концов мы пришли к мировому соглашению: он твердо пообещал, что меня не уволят, а вкатят выговор за нарушение

режима, и я написал объяснительную, в которой признавался, что я хотел без разрешения работать с иностранцами, но не успел с ними поработать, т.к. меня уволили. Я понял, что моему начальнику отдела режима очень нужна какая-нибудь бумажка, чтобы отчитаться перед «Канторой Глубокого Бурения». Когда запахло увольнением, я вспомнил, что жена моя тоже работает на секретном соседнем предприятии, и её тоже, конечно, уволят и что малых к тому времени детей надо будет как-то кормить. Уже сейчас, по прошествии многих лет, мне стало ясно, что на меня был донос о том, что я подозрительно люблю общаться с иностранцами, не знаю, кто его написал, может, кто из тренеров был сексотом КГБ. Этот донос до поры до времени был без движения. А в 1980 году в Москву по случаю Олимпийских Игр нагнали кбшников со всего Союза: с Урала, Сибири, Дальнего Востока, делать им что-то надо было, они шерстили все бумажки, в том числе, и в первую очередь, в Спорткомитете СССР и, наткнувшись на этот донос, тут же выдернули меня из МАЛа, так, на всякий случай.

Михаил Плышевский. 1974 г.

Хотя все это было неприятно, огорчен я сильно не был: нет худа без добра – мне удалось посмотреть Олимпийские игры в Москве.

От себя добавим, что не одну жизнь спас Михаил Александрович Плышевский, работая в МАЛе и других альпинистских лагерях. Спасал подчас в тяжелейших климатических условиях и ситуациях, когда казалось иного, чем погибнуть, и представить было нельзя.

И еще. Михаил Александрович был по сути и идеологом, и тренером команды ЦС ФИС, завоевавшей в 1972 году прохождением «Паруса» восточной стены п. Энгельса золотые медали Чемпионата СССР по альпинизму.

Под его жестким контролем осуществлялся отбор и формирование команды, подготовка к выходу на маршрут и разработка тактического плана восхождения. Он участвовал в обработке самого сложного нижнего участка маршрута (бастион на высоте 5500 м), пройдя с командой 200 м, подтаскивая грузы и рюкзаки. Ему предлагали продолжить подъем по стене, но он нашел в себе силы отказаться и спустился вниз.

В подготовке экспедиции ему помогал его друг по жизни и в связке Борис Левин, принявший на себя в должности начальника экспедиции все организационные хлопоты и участие в решении технических вопросов. А когда в ущелье Кишты-Джероб привез своих челябинцев Михаил Левин

и уверенно предсказал «Парусу» золотые медали, команда В. Мальцева ему не поверила...

Рассказ Михаила Александровича Плышевского о былом мы завершим воспоминаниями еще об одном восхождении.

«Расскажу о нашем восхождении на Эльбрус. Тогда я, как уже упоминал выше, был в составе альпиниады УПИ, проводимой Кикоиным в Джан-Тугане в 1958 году. После окончания всех восхождений в «Джантугане» мы должны были идти на «пятитысячник»! Предварительно Абрам Константинович очень сильно запугивал нас своими рассказами об Эльбрусе, о жутких ветрах и морозах на его, склонах, о том, что там люди замерзают пачками и т.п. Непосредственно перед выходом он построил весь состав альпиниады в две шеренги и начал проверять, кто как экипирован. Необходимо было обязательно иметь две пары шерстяных носков и две пары шерстяных свитеров. У многих полностью этого комплекта не было. Кикоин шёл по рядам и проверял наощупь эти вещи у каждого, причём вигониевые и всякие другие безжалостно браковались и владельцев их отчисляли из группы. Но мы тоже были не лыком шиты, сразу начали за спиной друг другу передавать и носки и свитера, от тех, кого уже проверили. Так я незаконно попал в группу на Эльбрус, не имея необходимого полного комплекта шерсти.

До «Приюта 11-ти» мы добирались пешком, сначала до Терскола, затем до Ледовой базы - никаких канатных дорог, на которых сейчас можно из Терскола доехать почти до «Приюта 11-ти», тогда и в помине не было. На Ледовой базе была большая остановка, и дальше в путь по леднику мы двинулись уже поздним вечером при лунном свете. Нас нагрузили стульями, которые мы должны были доставить в «Приют», и зрелище со стороны было фантастическое: в безмолвии при лунном свете по леднику движется цепочка людей, и у каждого сверху рюкзака прикреплен стул. Но погода и видимость были отличными и к «Приюту», хоть и поздно, мы вышли. Следующий день был днём отдыха и акклиматизации. Кикоин строго настрого приказал нам не отходить от «Приюта». Повеяло, в районе скал Пастухова, я увидел катающихся лыжников и, конечно, убежал туда. Это были два немца, как потом выяснилось, профессор из Берлина Фриц Рудольф и его ассистент Перси Шульц. И конечно, я попросил у них лыжи и до темноты утюжил на них склоны Эльбруса. Когда я вернулся в Приют, Кикоин мне объявил, что за нарушение дисциплины он меня отстраняет от восхождения.

Выход на восхождение был назначен на час ночи. Наши начали собираться, а я лежал и чуть не плакал. Одновременно готовилась к выходу группа иностранцев – немцы и поляки под руководством пожилого инструктора из Адыл-Су Часовникова. Когда наши ушли, пришлось мне наврать ему, что я отстал от группы, он согласился меня взять с собой, и я пошёл вверх вместе с иностранцами, среди которых у меня было уже двое знакомых немцев. Наступил какой-то момент, когда мы догнали группу УПИ, и обе цепочки альпинистов пошли

рядом параллельно друг другу, и тогда мне пришлось прикрываться капюшоном штормовки, чтобы наши меня не увидели. Но затем группа УПИ ушла прямо на вершину, а мы двинулись к перемычке. Без приключений добрались до нее и взойшли на восточную вершину. И тут я решил, гулять, так гулять, хотя сильно болела голова. С Фрицем и Перси спустились опять на перемычку, затем поднялись на западную вершину и, спустившись на перемычку, побежали вниз. В «Приюте» уже шло общее веселье, и я незаметно влился в свой коллектив. Позднее, уже внизу, мне пришлось все рассказать Кикоину, и он, слегка пожурился, простил меня, так как всё у нас у всех закончилось благополучно. Очень незлопамятный был человек Абрам Константинович Кикоин».

Новичок 1955 года – Людмила Викторовна Муравьева (Сафонова) – в 1967 году выполнила норматив «Мастер спорта СССР» по альпинизму. Восхождения совершала в основном во время работы инструктором в альплагерях и на сборах, а также работая тренером в школе инструкторов в альплагере «Безенги».

Стаж работы инструктором – 27 лет (в период с 1962 по 1992 год). Спортивное общество – «Зенит».

Будущий инструктор должен уметь всё

Людмила Викторовна на вершине пика Гросс Глокнер

Организованность, блестящее знание инструкторского дела и требовательность Людмилы Викторовны позволяли начальнику Всесоюзной школы инструкторов альпинизма доверять ей руководство отрядом будущих инструкторов в длительных и сложных тренировочных походах в самом суровом на Кавказе районе – в Безенги. Четыре раза участвовала Людмила Муравьева в судействе чемпионатов РСФСР и СССР по альпинизму.

Помогает она и сегодняшним молодым в организации и проведении альпмероприятий.

Пожелаем Людмиле Викторовне здоровья!

Приведем на страницах этой главы фото, сделанное Галиной Гордеевой на Азов-горе.. На ней запечатлены А. К. Данилович, А. К. Кикоин, Г. А. Балдина. Других мы не опознали. На обороте фотографии мы нашли не лишенный юмора текст: “А судьи кто? Только бесстрастный механизм-

фотоаппарат смог запечатлеть истинное лицо палачей инквизиции, лицезреющих последние минуты, опутанной веревкой их жертвы! Азов-гора, май, 1955 год“.

А это ученики Абрама Константиновича Кикоина, пока еще не мастера спорта, справа налево: М. Левин, С. Морозов, М. Плышевский и братья Слобцовы.

